

ВЯЧЕСЛАВ САПУНОВ

ТРИДЦАТЬ
ДЕВЯТЬ
ЗЕЛЁНЫХ
ДИВАНОВ

2023

*Посвящается
Тогрулу Адилевичу
БАГИРОВУ*

Фотографии:

Руслан Набиев

Адиль Юсифов

Халид Зейналов

Ситара Ибрагимова

Айдан Керимли

Хабиб Самедов

Масуд Аллахвердиев

Сапунов Вячеслав Александрович

Тридцать девять «Зелёных диванов». – Баку, 2023.

Книга представляет собой сборник интервью, публиковавшихся в рубрике «Зеленый диван» популярного бакинского журнала о роскоши и культуре «Boutique Baku» с 2010 по 2020 год. Гостями рубрики стали известные азербайджанские и зарубежные режиссеры, композиторы, журналисты, предприниматели, модели, путешественники и многие другие.

Оглавление

**Что такое
«Зеленый
диван»**

10

**Нармина
Зарбалиева
и Нателла
Керимова**

10

**Нигяр
Кочарли**

23

**Фатима
Ибрагим-
бекова**

31

**Мурад
Дадашов**

39

**Софико
Шевард-
надзе**

48

**Балаш
Касумов**

58

**Рахман
Гаджиев**

66

**Азер
Гариб**

75

**Саадат
КадYROва**

84

**Иса
Меликов**

93

**Вахид
Нахъш**

102

**Бахрам
Багирзаде**

111

**Эльнур
Баимов**

119

**Татьяна
Микаилова**

127

**Рухангиз
Касумова**

135

**Санан
Алескеров**

143

**Фуад
Шабанов**

151

**Севда
Алекпер-
заде**

161

**Наргиз
Джалилова**

171

**Михаил
Дегтярь**

180

**Фаина
Алекперова**

188

**Айнур
Мамедова**

197

**Нахид
Багиров**

206

**Три
бизнес-леди**

214

**Рамиз
Фаталиев**

227

**Рашад
Мехдиев**

235

**Анти-
кризис**

244

**Тахир
Амир-
асланов**

255

**Благо-
творитель-
ность**

264

**Чингиз
Фарзалиев**

273

**Кенан
Мамедов**

202

**Фуад
Ахундов**

293

**Раин
Султанов**

306

**Дадаш
Мамедов**

316

**Джейхун
Али**

324

**Надежда
Исмаилова**

334

**Окгай
Мир-Гасым**

343

**Рахиб
Азери**

356

**Фарид
Новрузи**

365

**Пост-
скрипtum**

379

Что такое «Зеленый диван»

Много лет мы с товарищами издавали замечательный журнал Boutique Vaku, который определенно был флагманом отечественного глянца и даже в какой-то степени явлением в культуре.

Журнал был основан в 2007 году под броским титулом luxury lifestyle magazine. Мы много писали о дорогом и красивом. Высокое часовое искусство, изысканные ювелирные изделия, шикарные наряды, роскошные автомобили, яхты, дома, путешествия – все это было разложено по постоянным рубрикам.

Но не меньшей роскошью мы считали общение с умными и талантливыми людьми. Поэтому изрядная часть каждого выпуска Boutique Vaku была посвящена интервью – как с деятелями люксовой индустрии, так и с замечательными писателями, музыкантами, режиссерами, актерами, путешественниками, кулинарами, и многими другими.

В 2010 году основатель и арт-директор журнала Джалал Аскеров, будучи завсегдаем Нобелевского Нефтяного Клуба, придумал интересный формат интервью: разговоры о разном в интерьере знаменитой Villa Petrolea и в сопровождении профессиональной фотосъемки.

На Вилле и сейчас стоят удобные диваны, обитые кожей темно-зеленого цвета. Они-то и дали название новой «бутиковской» рубрике.

Конечно, схожие форматы были и в других журналах (*например, «Философия в будуаре» GQ – оттуда пошла традиция начинать каждый абзац с фамилии говорящего*), но наш «Зеленый диван» быстро обрел индивидуальность и стал достаточно известен в бакинских кругах.

С 2010 по 2020 год на зеленых диванах Villa Petrolea я провел 39 интервью с 44 замечательными гостями: режиссерами, композиторами, художниками, телеведущими, предпринимателями и т.д. Мы пили вино или чай, разговаривали о жизни, об обществе, о творчестве, об искусстве.

И в итоге, как вы можете убедиться, наговорили на целую книгу.

Книгу я хочу посвятить незабвенному Тогрулу Адилевичу Багирову, ученому, филантропу, создателю Бакинского фонда наследия Нобелей, восстановившему фамильный дом братьев Нобель в Баку – Villa Petrolea.

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... Нарминой Зарбалиевой
и Нателлой Керимовой

«Зеленый диван» с Нарминой Зарбалиевой и Нателлой Керимовой

2010

В СТАРОМ ПАРКЕ РАСПОЛАГАЕТСЯ ОСОБНЯК, КОГДА-ТО ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БРАТЬЯМ НОБЕЛЯМ. СЕЙЧАС ЗДЕСЬ РАЗМЕЩАЕТСЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ НЕФТЯНОЙ КЛУБ. ОДНА ИЗ ДЕТАЛЕЙ ЕГО ОБСТАНОВКИ ДАЛА НАЗВАНИЕ НАШЕМУ НОВОМУ ПРОЕКТУ. ВСТРЕТИТЬСЯ СО СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ И ПРОСТО ПОГОВОРИТЬ О ТОМ, О СЕМ – ВОТ ИЗЯЩНАЯ В СВОЕЙ ПРОСТОТЕ ИДЕЯ РУБРИКИ «ЗЕЛЕНЫЙ ДИВАН».

Сапунов: Девушки, мы 14 лет после конкурса «Мисс Баку 96» не встречались втроем. Что изменилось за это время?

Керимова: У-у! А что не изменилось?

Сапунов: Вы, например, почти не изменились.

Зарбалиева: Спасибо!

Сапунов: Нателла тогда ж вообще еще в подростковом возрасте была.

Керимова: В пубертатном.

Сапунов: А теперь у каждой из вас по малышу – Суадик у Нателлы, Айлин у Нармины. Кто мог предположить 14 лет назад, что в разгар XXI века мы будем пить вино Chateau les Bruges на Villa Petrolea, и первый осторожный вопрос, который меня будет подмывать вам задать – «Вы уже перестали кормить?»

Керимова: Уже. Мы, кстати, только что об этом с Нарминой говорили. Как выяснилось, я рекордсмен – два с половиной года. Сейчас я понимаю, насколько это полезно!

Зарбалиева: У меня скромнее – восемь месяцев.

Керимова: Относительно тех, кто этого вообще не делает, это героизм. У меня одна знакомая заявляла: «Ни в коем случае!»

Сапунов: Почему? Ведь это полезно для ребенка.

Керимова: С целью сохранения формы! Хотя доказано, что форма груди портится уже во время беременности.

Сапунов: Мы так исподволь вернулись к вопросу, что изменилось за эти годы.

Керимова: Знаний прибавилось. Мы ведь теперь дамы бальзаковского возраста.

Сапунов: Знаю, бальзаковский возраст это «после 30» – из-за романа «Тридцатилетняя женщина».

Керимова: Ага. Хотя некоторые почему-то думали, что речь идет о дамах преклонных лет.

Зарбалиева: После рождения ребенка у меня произошла кардинальная переоценка ценностей.

Керимова: Переоценка после тридцати происходит по любому. Например, начинаешь задумываться о своей внешности. Вернее – беспокоиться о ней.

Сапунов: Скажите мне, пожалуйста, у людей, которые были моделями, побеждали в многочисленных конкурсах красоты, неминуемый возрастной переход... скажем так... на другой уровень

красоты – болезненное дело? Я считаю, что у каждого возраста своя красота, но все же. Когда-то вы выходили на сцену в купальниках, а теперь сидите в жюри...

Керимова: Да, это порой болезненно.

Зарбалиева: А вот я не собираюсь покидать ряды конкурсанток. И продолжаю выступать в конкурсах типа «Миссис».

Сапунов: У нас такие есть?

Керимова: Я тоже хочу!

Зарбалиева: У нас – нет, но в мире подобные конкурсы организуются часто. И там тоже происходит переоценка ценностей. Если конкурсы «Мисс», где участвуют девочки 15-18 лет, не лишены некоторого легкомыслия, то в «Миссис» участвуют женщины, с сформировавшимся мировоззрением.

Сапунов: А какие условия на конкурсах «Миссис»? В купальниках уже не выходят?

Зарбалиева: Выходят обязательно. Я участвовала в международных конкурсах. Например, в Miss Globe. А в «Пани Украина Ореп» было два конкурса – один среди украинок, другой – среди иностранок. В последнем я заняла первое место.

Сапунов: «Нармина Зарбалиева – Пани Украина» – звучит замечательно! А у Нателлы среди титулов, я знаю, есть «Мисс Радио Антенн».

Керимова: Да, первая и единственная. После меня эта номинация больше не учреждалась.

Сапунов: Нармина, а сколько в твоей жизни было конкурсов?

Зарбалиева: Кажется, пятнадцать.

Сапунов: Пятнадцать вообще, или тех, что принесли титулы?

«С ОТБОРОЧНОГО ТУРА НА «МИСС АЗЕРБАЙДЖАН 2010»
ОДНА МАМАША ГНЕВНО УВЕЛА СВОЮ ДОЧЬ, ПОТОМУ ЧТО
ТОЙ ХОТЕЛИ НЕМНОГО ВЫЩИПАТЬ БРОВИ»

Зарбалиева: Да почти каждый приносил титул. Кроме одного. И то я там вошла в Топ 12.

Керимова: Ты на «Мисс Туризм» в Греции была?

Зарбалиева: Я была на «Мисс Туризм» в Сингапуре.

Сапунов: А какие еще бывают конкурсы? А то мы тут сидим и ничего не знаем.

Зарбалиева: Я участвовала в «Королеве клубов мира». Вся конкурсная программа там проводится в самых дорогих клубах: танцы, выступления в купальниках, в национальных костюмах.

Керимова: У меня была жуткая история с конкурсом в Греции. Когда мы ехали, раз двадцать спросили, нужен ли национальный костюм, может взять? Нам говорили: нет.

– А может взять? – Не надо!..

И, конечно, оказалось, что первый же тур предусматривает выступление в национальном костюме. Мне было очень обидно. К счастью, нашелся знакомый на греческой киностудии, который разрешил воспользоваться их костюмерной – выбрать что-то подходящее. Я обошла три этажа их гигантского гардероба, но ничего даже слегка похожего на азербайджанский национальный костюм не нашла. Выкрутилась. А еще я однажды была на съезде тюркоязычной молодежи в Турции. Я и не догадывалась, что в мире столько тюркоязычной молодежи! Там были уйгуры из Китая, татары из Алтайского края, калмыки, гагаузы, кого только не было. Каждый вечер была культурная программа той или иной делегации. Мы особенно понравились иракским туркманам из Киркука. Они затем постоянно просили нас спеть азербайджанскую песню.

Зарбалиева: На конкурсе «Мисс Университет» в Сеуле у нас была очень жесткая программа. Будили в пять утра, делали нам вечерний макияж, надевали национальные костюмы и вывозили в город, где были мероприятие за мероприятием. А в корейских отелях кроватей нет. Мы спали на полу. С непривычки очень трудно. Кормили нас в национальных ресторанах какими-то кузнечикам и и прочим и местными «деликатесами». А ими разве наешься? Девочки не высыпались, недоедали, падали в обмороки.

Сапунов: Понравились кузнечики?

Зарбалиева: Как сказать... Мясо, обмазанное вареньем, намного противнее. Я питалась в основном помидорами и запивала их корейским подобием шербета.

Керимова: Я бы там не выжила... Помню, один из конкурсов организовывал хитрый грек, который подчас набирал конкурсанток чуть ли не вслепую: с целлюлитом четвертой степени, с силиконовыми грудями, переоперированных вдоль и поперек. Зато он заставлял их рекламировать спонсоров. На показе в каком-то клубе он велел всем выходить с сигаретами

– и изображать радость и наслаждение от табака. А я вышла с потушенной сигаретой и держа ее отстраненно – дескать, не моё, заставили. Я ведь горячая противница курения. У меня вообще две социально значимых мечты. Первая – чтоб в Баку запретили курение в общественных местах. Вторая – чтоб наша сборная по футболу заняла достойные позиции в мировом рейтинге.

Зарбалиева: А я и не знала, что ты такая болельщица!

Керимова: С тринадцати лет! Самое яркое впечатление с полуфинального матча Чемпионата Европы, когда турецкая сборная играла со швейцарской. Я смотрела даже не на поле, а на турецких болельщиков. Больших фанатов, забывающих в момент матча обо всем, я не видела никогда!

Зарбалиева: Я далека от этого...

Сапунов: К чему ж ты близка?

Зарбалиева: Мне нравится фигурное катание. Смотреть. На коньки встать боюсь – на уровне фобии. Кажется, что ноги переломаю.

Сапунов: Нателла, а у наших футболистов, по-твоему, шанс есть?

Керимова: Думаю, да. Сейчас АФФА набрала молодой руководящий состав, создала футбольную академию... Кстати, мой Суад с полутора лет лупит ногами по мячу, как не каждый взрослый ударит. А у меня есть идея – сделать его лицом азербайджанского футбола, снимать его в футбольных роликах по мере того, как он будет расти. Кстати, за границей есть такая памперс-лига, где играют талантливые малыши до шести лет.

Сапунов: Главное, чтоб Суад с возрастом не передумал.

Керимова: Главное, чтоб футбол развивался!

Сапунов: С футболом ясно. А как у нас с модельным бизнесом, в котором вы задействованы еще с прошлого века?

Керимова: Неважно. Красивых девушек у нас много, но антропологически они далеко не всегда соответствуют мировым стандартам.

Зарбалиева: Почему? Стандарты сменились.

Сапунов: Пышки на подиумах?

Керимова: Пышки – ничего. Я имею в виду рост. Невысокие модели – это неправильно.

Зарбалиева: Я так не считаю.

Керимова: Ну она должна быть выше 1,70. А для Азербайджана это уже очень большой рост.

Зарбалиева: Как выяснилось, для настоящей модели рост, фигура не главное. Главное, чтоб твое лицо не отвлекало от костюма, который ты демонстрируешь. Поэтому, к примеру, на подиуме нельзя улыбаться.

Керимова: У нас это не прижилось. Заказчик диктует свои правила, по которым внешность – главное. Красавицы у нас ценятся больше. Возможно, это неплохо. И вполне естественно. А на Fashion TV порой смотришь – у одной модели оттопыренные уши, у другой – ноги колесом...

Зарбалиева: Хм, я бы полюбовалась на кривоногую модель... Но, вероятно, тут расчет организаторов прост: зритель не прельстится кривыми ногами девушки и будет смотреть на костюм.

Сапунов: Боюсь, что кривые ноги тоже могут отвлечь.

Керимова: Тогда лучше вообще выносить одежду на вешалках.

Сапунов: У большинства наших моделей самооценка, на мой взгляд, завышена. Чего не скажешь о моделях профессионального уровня.

Керимова: Поэтому-то модельный бизнес у нас и не развит.

Ведь у моделей личность как бы стирается – она вешалка и ничего больше. У наших это – на первом месте. Посмотрите в соседней Грузии, которая живет гораздо хуже, но там каждый божий день проходят кастинги, показы, есть представительство Elite Model Look...

Сапунов: Да и стеснительны наши. Это не столько комплексы, сколько самоограничения. Например, в кино – когда по сценарию требуется эротическая сцена, приглашаются актрисы из Грузии, России...

Керимова: Меня тоже пригласили сняться в кино, в котором предполагалась откровенная сцена – муж и жена встречаются после долгой разлуки. Я согласилась на всю роль, кроме этой сцены. И мне повезло – иранцы, которые участвовали в производстве фильма, тоже опротестовали этот эпизод.

Сапунов: Ты будешь сниматься в кино?

Керимова: Пока еще все на стадии утверждения...

Сапунов: А вот Нармина уже снималась.

Зарбалиева: Да, я три года жила в Стамбуле, работала там по контракту, снималась в сериалах. В том числе снималась вместе с легендарной Айдан Шенер.

Сапунов: Вот когда жалею, что не смотрю турецкие сериалы.

Зарбалиева: И кстати, я выучила за два месяца турецкий язык. Вы знаете, очень удобный способ изучения языка – съемка в сериале. Меня, конечно, потом переозвучивали... Скупаю я по Стамбулу.

Керимова: А я по Гяндже.

Зарбалиева: Ты в каком возрасте из Гянджи уехала?

Керимова: В 16 лет. Там и сейчас другой ритм жизни, никакой спешки, размеренность. Кстати, в Гяндже потрясающий мэтр Эльдар Азизов. Вы знаете, что именно с моей подачи уже несколько лет подряд проводится День города?

Сапунов: День Гянджи?

Керимова: Да. Я ему предложила, а он сказал – «Почему бы и нет?»

Зарбалиева: Мне в Баку нравятся места, где время словно остановилось. Например, пятачок между кинотеатром «Азербайджан» и Старым универмагом. Люди изменились, а эти места – почти нет.

Керимова: Я замечала, есть особые «места силы», насыщенные энергией, как, например, дольмены. Например, для меня это аэропорт. Туда я могу просто приехать и подзарядиться там энергией.

Зарбалиева: А самое энергетическое место – Девичья башня. В мире три мощных энергетических потока, и один из них выходит в нашей крепости...

Керимова: *(отпивает из бокала)* Вино хорошее!

Сапунов: Бордосское. Значит, пора переходить к более пикантным темам.

Керимова: Или к литературе... «Леди Макбет Мценского уезда» я прочитала в очень юном возрасте.

Сапунов: Про нравы поговорим? Они упростились? Выходить замуж, не будучи девицей, уже приемлемо?

Керимова: Это да, широко шагаем по направлению к Западу.

Зарбалиева: Все относительно. С отборочного тура на «Мисс Азербайджан 2010» одна мамаша гневно увела свою дочь, потому что той хотели немного выщипать брови.

Сапунов: Я не знал, что брови – признак целомудрия.

Зарбалиева: А ты говоришь, что нравы меняются... Значит, не меняются. Мать разрешает дочке участвовать в конкурсе красоты, а брови подергать – нет. Как в анекдоте – «Судя по бровям, вы замужем не были».

Сапунов: То есть в купальнике продефилировать – пожалуй-ста, но самое дорогое – брови – надо сохранить для мужа.

Зарбалиева: Да уж... А мы в свое время выходили в соболиных бровях. Я как-то задумалась: если завтра моя дочь будет участвовать в конкурсе красоты и захочет выщипать себе брови, разрешу ли я ей?.. Мне нравятся ее брови.

Сапунов: Для чего люди идут на подиум? Испытать себя?

Керимова: На приеме документов в «Мисс Азербайджан» я спрашивала у претенденток: «Зачем пришла?» Они не находили, что сказать.

Зарбалиева: В основном идут, чтобы прославиться. Думают, что завтра проснутся знаменитыми красавицами.

---**Зарбалиева:** Да, крестиком сейчас не каждая вышивает.

Сапунов: Что вам не нравится в современном стиле? Помните страшные 90-е с тяжелыми юбками, потом с ботфортами?

Керимова: А для меня страшные – 80-е. Но сейчас нам помог Китай, который стал подделывать известные бренды и

«ПРИШЛОСЬ НАДЕТЬ КОСТЮМ АРАБСКОЙ ТАНЦОВЩИЦЫ, СКОМБИНИРОВАЛА С ША-РОВАРАМИ, А ЛИЦО ЗАКРЫЛА ПО-ВОС-ТОЧНОМУ. ПОЛУЧИЛАСЬ ЕЩЕ НЕ ОСВОБОЖДЕННАЯ АЗЕРБАЙДЖАНКА».

продавать их подешевке. И все стали выглядеть весьма модно.

Зарбалиева: А по-моему, если у человека есть вкус, то уже не важно, в одежду какого производителя он облачается. Это, может быть, недорого, но стильно.

Керимова: Вообще прогресс налицо. Люди смотрят все телеканалы мира, ездят в разные страны – учатся «стильности». Особенно это касается, конечно, молодежи, которая более восприимчива к новому, у нее вкус более гибок.

Сапунов: Конечно, сейчас наши люди идут порой на очень эффектные эксперименты со стилем, о которых лет двадцать назад и помыслить нельзя было. Меня это только радует.

Зарбалиева: Меня тоже.

Сапунов: А что в современной жизни вас раздражает?

Керимова: Раздражает человеческая поверхностность, неграмотность.

Зарбалиева: Пожалуй, хамство. Но я стараюсь таких избегать. А в остальном мне хорошо! Я не растрачиваюсь на отрицательное.

Керимова: Я Нармину редко вижу, но каждый раз поражаюсь ее самодостаточности.

Зарбалиева: Я по образованию психолог и предпочитаю на плохих людей смотреть просто как на объект исследования. А с хорошими просто интересно.

Сапунов: Кому-нибудь завидуешь?

Зарбалиева: Нет, никому. Ну разве по мелочи, белой завистью – скажем, кто-то поехал на острова отдыхать... А я осталась.

Сапунов: Острова – это для здоровья полезно. Нателла, я знаю, увлекается, оздоровительными системами.

Керимова: Я посещала курсы Мирзакарима Норбекова. Это

потрясающая система самовосстановления человека, в том числе и восстановления зрения, корректировки фигуры. Даже шрамы исчезают! Все происходит на уровне мышечной памяти. Обычно ведь мозг дает сигнал телу, а по системе Норбекова тело дает команду мозгу.

Зарбалиева: Как, например?

Керимова: Если тебе плохо, но ты улыбаешься, значит не все так плохо. И мозг принимает твою улыбку как добрый знак, срабатывают восстановительные механизмы.

Сапунов: Бывает, что тебе приходится улыбаться, хотя и не хочется?

Керимова: Часто. Я вообще не понимаю людей, которые свое плохое настроение распространяют на окружающих. Я улыбаюсь по любому – хорошо ли мне, плохо ли мне...

Сапунов: Давайте выпьем, чтобы всем было хорошо!

Керимова: В следующий раз предлагаю пить азербайджанское вино. Например, Рустам Ибрагимбеков выпускает вино «Ибрус». Очень вкусное.

Сапунов: А какая прекрасная граппа у Рустама Ибрагимовича!

Зарбалиева: И вообще он очень хороший человек!

2010 год

«Зеленый диван» с Нигяр Кочарли

2010

Гостья нашего «Зеленого дивана» бизнес-леди Нигяр Кочарли, учредитель, Национальной Книжной Премии, учредитель сети книжных магазинов и кафе «Али и Нино». В предварительной беседе Нигяр вспомнила, что я – единственный из ее друзей, с которым она ни разу не ссорилась. Но на всякий случай я решил начать беседу с извинения.

Сапунов: Прежде чем начать разговор о литературе, философии и прочих составляющих нашей жизни, хочу попросить у тебя прощения за то, что два года назад в Исмаиллах столкнул тебя в бассейн.

Кочарли: *(смеется)* Только мы с тобой знаем, что это было по моему желанию...

Сапунов: В связи с этим сразу спрошу: часто ли жизнь тебя «бросает в бассейны»?

Кочарли: Это вообще для меня своеобразный стиль жизни. Я предпочитаю бросаться в воду с головой. Можно заходить постепенно, но, по-моему, лучше себя перебороть и прыгнуть.

Мне все время приходится себя перебарывать. Ты не пове-ришь, но на самом деле я очень необщительный и угрюмый человек...

Сапунов: ...Хохоча, сказала Нигяр Кочарли в сотом интер-вью...

Кочарли: Мне вспоминается герой О.Генри, которого при-шли освобождать из тюрьмы, а он говорит: «Приходите по-позже, я занят». Он читал книгу! И я сама из таких. В юности читала книги, даже принимая душ! И сейчас, когда читаю, скажем, Акунина, я выпадаю из жизни на несколько дней. Что чревато, зато прекрасный способ реабилитации. И другой способ восстановления в моей жизни, полной стрессов, – йога, медитация. Учения всяческих Лао-Цзы помогают смотреть на окружающее масштабно.

Сапунов: Что значит «масштабно»?

Кочарли: Меня, как любого художника, легко обидеть. А те-перь я посмотрю на обиду со стороны и говорю себе – «Что это в масштабах Вселенной?»

Сапунов: А сама обижаешь?

Кочарли: Да, часто. Но с годами и на это обращаю все меньше внимания. Просто не успеваю. Раньше могла и по душам поговорить. А сейчас не до этого. Впрочем разговоры по душам, самокопание ничем хорошим не заканчиваются. Лучше делом заниматься.

Сапунов: Нет времени на медленные танцы?

Кочарли: Вот-вот! Мой любимый Вишневский!.. Правда, нет времени! И я действительно нередко кого-то обижаю. Но как правило, это чувствую, и всегда готова перезвонить, спросить, в чем дело, разобраться... Я в последнее время почему-то считаюсь покровительницей литературы и получаю много писем от писателей – хороших, плохих и вообще графоманов – с просьбой почитать их произведения и наставить на путь ис-

«Хоть я считаю себя обладательницей неплохого литературного вкуса, я стараюсь воздерживаться от оценок. Потому что когда я оцениваю, я могу быть очень резкой»

тинный. И хоть я считаю себя обладательницей неплохого литературного вкуса, я стараюсь воздерживаться от оценок. Потому что когда я оцениваю, я могу быть очень резкой. Отвечаю: «Извините, я не считаю себя в праве оценивать ваши произведения».

Сапунов: Что тебе дала Книжная премия?

Кочарли: Начнем с того, что она сильно покалечила мою нервную систему, это была нелегкая затея. Но я рада, что конкурс привнес оживление в отечественный литературный процесс. Весь год все только и говорили о книгах, о писателях. У меня была задача реабилитировать профессию писателя. Чтобы не стыдно было говорить: «Я вот тут книжки пишу».

Сапунов: Реабилитировала?

Кочарли: Да, кажется, удалось. Во всяком случае писатели, попавшие в шорт-лист, стали весьма известными, их приглашают на телевидение, проводят с ними встречи... Помимо всего прочего премия стала мостом между писателями рус-

скоязычными и писателями азербайджанозычными, между столичными авторами и прозаиками из провинции, между маститыми писателями и начинающими.

Сапунов: Вторая премия будет?

Кочарли: Обязательно, хотя я нажила немало недругов, потому что многие творческие люди не умеют проигрывать. Но в целом резонанс положительный. Люди стали больше писать.

Сапунов: А читать?

Кочарли: Читают, как ни грустно, сейчас все меньше и меньше. В районах у нас ни одного книжного магазина!

Сапунов: А ведь когда-то все было. Помню, как я завидовал своему дяде, привезшему из Сабирабада собрание сочинений Марка Твена. В моем детском сознании Сабирабад был книжной столицей.

Кочарли: А в кедабекских магазинах продавалась французская косметика, которой в Баку было не достать, роскошные купальники... Уж и не знаю, зачем им в горах нужны были купальники... *(вспомнив о наболевшем)*. Вот говорят, что книги сейчас дороги. Я отвечаю: а мобильные телефоны не дороги? А ведь сейчас каждый уважающий себя человек раз в три месяца меняет мобильник...

Сапунов: Только не я.

Кочарли: И не я. У меня был телефон за 120 манатов, который мне коллектив преподнес на день рождения. Я его потеряла и купила себе сотовый за 130 манатов. На что моя подруга съязвила: «Ну ты шикаешь!»

Сапунов: У тебя хорошие подруги и друзья.

Кочарли: Да, у меня масса недостатков и большие проблемы с везением, но у меня действительно есть большой плюс – я притягиваю хороших, ярких, умных людей. Правда, моя подруга Ирка Баранова говорит, что притянув, я, немного по-

года, дистанцируюсь. Но я ведь говорила, что я по природе человек замкнутый. И друзей у меня на самом деле раз два и обчелся. Я считаю, что не надо завоевывать любовь всех окружающих, а достаточно, чтобы тебя любили несколько человек. Перефразируя Довлатова, когда меня любят, я удивляюсь, когда меня не любят, я тоже удивляюсь.

Сапунов: А как случилось замечательное совпадение, что у книгоиздательницы и владелицы книжных магазинов муж – писатель?

Кочарли: Я искренне считаю супруга одним из лучших азербайджанских писателей. Жаль, что он решил не принимать участие в премии, но по другому поступить он не мог... Мы когда-то познакомились в книжном же магазине. Где же еще? Я подменяла заболевшую продавщицу, а Исмаил пришел покупать книги для племянницы. Потом он признался, что сам пишет. Когда я почитала, я подумала: «Это wow!». Потому что

У МЕНЯ БЫЛ ТЕЛЕФОН ЗА 120 МАНАТОВ, КОТОРЫЙ МНЕ КОЛЛЕКТИВ ПРЕПОДНЕС НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. Я ЕГО ПОТЕРЯЛА И КУПИЛА СЕБЕ СОТОВЫЙ ЗА 130 МАНАТОВ. НА ЧТО МОЯ ПОДРУГА СЪЯЗВИЛА: «НУ ТЫ ШИКУЕШЬ!»

у женщины эрогенная зона находится в мозгу. Мои подружки тоже как-то признались, что ничто так на женщину не действует, как грамотно написанный текст. Клянусь!..

А Исмаил чрезвычайно дотошен во всех отношениях. И наш долгий эпистолярный роман привел к такому результату. С годами же он стал писать еще лучше. Правда, пишет депрессивно, уж не знаю, откуда в нем этот экзистенциальный кошмар. Но пишет Исмаил очень хорошо.

Сапунов: Ты знаешь, одна из последних его повестей, опубликованная в московском сборнике «Тысяча и две ночи» – «Не знаю, не помню» – пробрала меня до дрожи, до комка в горле. Так прочувствовать и так передать боль человека, лишнего детей, – не каждому дано. Слава Богу, что она не автобиографическая.

Кочарли: Когда Рустам Ибрагимбеков впервые прочитал это произведение, он позвонил Анару Мамедханову и спросил, есть ли у них дети...

Сапунов: Уйдем от грустной темы. Что такое твой имидж?

Кочарли: Многие удивляются – не слишком ли много я увлекаюсь своим внешним видом, фотосессиями. Они почему-то думают, что я должна выглядеть как пожилая библиотечная тетка с халой и очками в тяжелой оправе. Дело в том, что я воспитывалась в ежовых рукавицах. До 25 лет мне не разрешали носить брюки! А косметикой я стала пользоваться только после свадьбы после настояний мужа.

Сапунов: Можешь ли ты сказать, что ты правильная азербайджанская женщина?

Кочарли: Не могу себя вписать в рамки. С одной стороны я такая гламурная дива, а с другой мне ничего не стоит пойти куда-нибудь в заштопанных штанах. Пустила все на самотек и двигаюсь сама не знаю в каком направлении.

Сапунов: Ты о чем-нибудь жалеешь?

«Да, у меня масса недостатков и большие проблемы с везением, но у меня действительно есть большой плюс – я притягиваю хороших, ярких, умных людей»

Кочарли: Логичным завершением такого образа было бы воскликнуть: «Ни о чем!». Но жалею. Много было сделано ошибок. Много рефлексий, все время возвращаюсь к сделанному с мыслями «наверно, можно было поступить иначе». Родители, воспитывая интеллигентных детей, их обрекают на...

Сапунов: Лишают их некого иммунитета.

Кочарли: Да. Я считаю, что детей надо воспитывать хабалистами.

Сапунов: Ты можешь представить свою Улечку хабалистой? Она же принцесса!

Кочарли: Принцесса, конечно, но мне нравится её прямота. В бассейне недавно тетка спросила её «Хочешь печенючку?» По странному правилу из нашего детства

она должна была бы сказать: «Спасибо, я сыта». Но Уля честно ответила: «Хочу, конечно!». Правильно!.. Говори, что думаешь. Очень хочется воспитывать детей свободными. Потому что я была несвободной, с массой комплексов. Нам навязывали слишком много стереотипов. Сейчас я с ними борюсь.

Сапунов: От какого стереотипа ты избавилась недавно?

Кочарли: От стереотипа, что русский шоколад самый вкусный в мире. Он ужасно невкусный! Вкусен швейцарский. Это тоже стереотип, но это правда.

2010 год

«Зеленый диван» с Фатимой Ибрагимбековой

2010

ТАЛАНТЛИВАЯ АКТРИСА, РЕЖИССЕР И ПРОСТО СВЕТСКАЯ ДАМА ФАТИМА ИБРАГИМБЕКОВА МНОГО ЛЕТ ЖЕРТВОВАЛА СВОИМИ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ТАЛАНТАМИ ВО ИМЯ ГЛАВНОГО – ВОСПИТАНИЯ ТРОИХ СЫНОВЕЙ. НО ВОТ ПОШЕЛ В ШКОЛУ МЛАДШИЙ, И ФАТИМА НЕ ТОЛЬКО ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ НАД ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫМ И ВАЖНЫМ ПРОЕКТОМ (НЕ РАСКРЫВАЕМ, ЧТОБЫ НЕ СГЛАЗИТЬ), НО И НАШЛА ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ СО МНОЙ О ТОМ, О ЧЕМ НА ЗЕЛЕНОМ ДИВАНЕ.

Сапунов: Ты мне всегда представлялась принцессой из сказки – красивая семья, красивая фамилия, красивые дети, красивая жизнь... Скажи, принцесса, ты веришь в Деда Мороза?

Ибрагимбекова: Ты же знаешь, что моя мама – актриса Театра Русской Драмы. Поэтому с самого раннего детства недостатка в дедах морозах и снегурочках у меня не было. И я несколько лет искренне верила, что ко мне приходит настоящий Дед Мороз. Я сидела у него на коленях, читала какой-нибудь стишок, а он дарил мне подарки и тоже что-то декламировал. Но спустя три-четыре Новых года я вдруг узнала в Деде Мороза друга нашей семьи, актера Сашу Кшиновлогера. Я испытала

шок, а затем принялась стягивать с Саши бороду. Так закончилась новогодняя сказка.

Сапунов: А какое празднование тебе особенно запомнилось, было, к примеру, самым экзотическим?

Ибрагимбекова: В прошлом году мы всей семьей отправились на остров Самуи, это в Таиланде. Там потрясающая пляжная дискотека системы Ники-Бич, и на этой дискотеке, под фейерверками мы и встретили Новый год.

Сапунов: Без снега и без ёлки?!

Ибрагимбекова: Ага, в кои-то веки! И снег, и ёлки были все предыдущие годы – что в Баку, что в Москве. А вот новогоднее торжество, где все танцуют в купальниках, у меня было впервые. Как и Новый год в ресторане с видом на Сиамский залив. Самое главное, что вокруг были мама, дети, муж и близкие друзья. Я еще каких-то московских друзей встретила ...

Сапунов: Россияне, я погляжу, просто заполонили тропические острова. Гоа тоже, говорят, чуть не скупили.

Ибрагимбекова: Гоа, Патай – острова с развлечениями для одиноких мужчин и женщин, а Самуи – остров для солидных, семейных людей. Мне там очень понравилось, даже не хотела уезжать. Я сказала Макс (мужу): давай, когда составимся, купим на Самуи дом и будем стариться дальше именно там. Там здорово! Целый день раздается: Thai massage! Foot-massage! Садись, и тебе только ноги могут массировать целый час. А мы с Максом поехали в спа на горе, и там под приятную музыку две тайки нас массировали 6 часов.

Сапунов: Сколько-сколько?!

Ибрагимбекова: Я тоже сперва не поверила. Сказала: «Что ж так долго? А если, например, в туалет захочется?..» Но Макс у меня продвинутый, он если куда едет – сперва все дотошно выясняет. И он сказал: «Это оптимально. Есть еще дольше». Спустя час я полностью потеряла ощущение времени. А спу-

стя еще несколько минут массаж закончился, мы взглянули на часы и убедились, что прошло ровно шесть часов!

Сапунов: Муж у тебя романтик.

Ибрагимбекова: (с гордостью) Да-а... Но мы, к сожалению, не часто можем себе позволить так расслабляться. Мы очень рано взвалили на себя нелегкую ношу: поженились в 22-23 года и у нас подряд родились два мальчика. А чуть погодя – и третий сын. Мы не из тех, кто бросает детей на нянь, бабушек и дедушек. Вот сейчас я уехала на несколько дней в Баку – они с отцом. Впрочем, сейчас стало полегче. Дети приглядывают друг за другом. Старший уже может сам макароны сварить, омлет приготовить, за братьями ухаживает будь здоров! И потом я сторонница спартанского воспитания. У меня Максик в девять лет впервые один полетел в Лондон, в summer school. Я его просто посадила в самолет, а на том конце его встретили. И Максим месяц в хорошей школе подтягивал свой английский. Это хорошая практика, я считаю. Наши дети лишены понятия «двор». И то, что мы когда-то получали во дворе, они получают в летних лагерях и школах.

Сапунов: Навык самостоятельности.

Ибрагимбекова: Да. Они учатся следить за собой, ориентироваться в тех или иных ситуациях, принимать решения. И как мне когда-то отец подсовывал важные книги, я стараюсь подсовывать им важные фильмы. Например, «Дневники баскетболиста», где откровенно показан ужас наркомании. Очень боюсь наркотиков. Столько моих знакомых сгорело от них.

Сапунов: А еще чего опасаться?

Ибрагимбекова: Очень не хочу, чтобы мой сын (а старший, к примеру, очень красивый мальчик, говорю объективно) вырос таким нарциссом. В нашей среде это случается нередко. Столько вокруг инфантильных, самовлюбленных «звезд», которые и семью нормальную создать не могут. К

«МЕНЯ ПОРАЖАЕТ, КОГДА ИЗВЕСТНЫЕ, ПУБЛИЧНЫЕ ЛЮДИ ГОНЯЮТСЯ ЗА КАКОЙ-НИБУДЬ «ПОСЛЕДНЕЙ КОЛЛЕКЦИЕЙ». ЭТО ПРИЗНАК ТОЛПЫ»

счастью, Максик не такой. «Мама, зачем мне все эти бренды? Я же не мажор!» Хотя учится в одной школе с сыном Куснировича, внуками Кобзона, играет в группе с сыновьями Саши Любимова. Непросто в таком окружении остаться самим собой.

Сапунов: Потомки интересуются, откуда дети берутся?

Ибрагимбекова: Пока нет. А мне в свое время когда кто-то во дворе сообщил, что детей находят в капусте, я была дико разочарована, ощутила себя овощем! Когда же кто-то более «сведущий» в том же дворе рассказал мне правду, я вздохнула с облегчением. Правда мне намного больше понравилась.

Сапунов: Ты вообще бакинка или москвичка?

Ибрагимбекова: Очень трудно определить, кто я такая. Понятие «бакинка, бакинец» уже, я думаю, отмирает, но во мне, несмотря на долгие годы жизни в Москве, очень сильно национальное чувство. Я азербайджанка и не пытаюсь изображать кого-то другого.

Сапунов: Что в Москве говорят о Баку?

Ибрагимбекова: Москвичи говорят: «Какой у вас плодovitый город: куда ни глянешь – все бакинцы, и евреи, и русские, и азербайджанцы!» А те, кто впервые побывал в Баку, поражаются, какой наш город зеленый! Многие ведь до сих пор представляют Баку в виде нефтяных вышек посреди выжженной степи.

Сапунов: А что в Баку спрашивают о Москве?

Ибрагимбекова: Самый популярный вопрос: «Как ты думаешь, если я поеду в Москву, у меня там получится?» И я отвечаю: «У всех по-разному, формулы нет». Для меня переезд не был связан с каким-либо дискомфортом, проблемой привыкания. Мне, как ты сказал, многое дано от рождения, папа меня ввел в свой круг, мне не пришлось никому ничего доказывать. Я приехала и меня уже там ждали. Причем ждали мои близкие друзья – Аня Михалкова, Даша Досталь. Аня помогала мне готовиться к поступлению во ВГИК, с Темой Михалковым мы вместе ходили к репетитору по русскому языку и литературе.

Сапунов: Уподоблюсь аббатисе из «Трех мушкетеров». Что в Москве сейчас модно? Что носят? Что едят? Чем развлекаются? Какие тренды на вершине?

Ибрагимбекова: Как я не люблю слово «тренд»! Не люблю и слепое следование моде. Меня поражает, когда известные, публичные люди гонятся за какой-нибудь «последней коллекцией». Я считаю, что это признак толпы, то есть отсутствие индивидуальности. У человека должен быть свой стиль. Я надеваю вещь не из-за марки, а из-за того, что она мне нравится

Сапунов: Значит, ты сама формируешь свой стиль?

Ибрагимбекова: Да. Вообще есть мнение: «Если женщина до 30 лет не сумела стать красивой, значит она дура». Ведь красота необязательно должна быть как у отфотошопленных моделей на обложках глянцевого журналов. Умная женщина

даже без «90-60-90» будет выглядеть красиво. Я сама до тридцати как только не экспериментировала – волосы и в белый цвет красила, и в красный, и чуть ли не налысо стриглась... Бедный мой папа только поражался: «Что ты с собой сделала? Что ты с собой сделала?» А я искала себя. Но со временем поняла, что больше всего мне идет натуральный цвет волос. А нынешние силиконовые фабрики я на дух не переношу. Красота должна быть естественной...

Сапунов: И прежде всего внутренней.

Ибрагимбекова: Я думаю, что многое зависит от уверенности в себе. У меня есть знакомые: и красавицы, и с родителями состоятельными. Но почему-то они, эти красавицы, одиноки! Мужчины от них почему-то бегут. А другие вроде бы и невзрачные, и низенькие, и полненькие, а у них и муж прекрасный, и дети, и вообще все замечательно. В Москве любят после неудачи на личном фронте бежать к пластическому хирургу. А лечить-то надо голову! Мне не нравятся пустые красотки. Они как невкусные конфеты в красивой обертке. Умные люди деньги вкладывают в образование. Например, Дима Дибров конкретно и упорно занимался образованием всех своих жен.

Сапунов: Недавно я видел передачу, темой которой была «Загадка русской души». И как один из главных экспертов был приглашен Рустам Ибрагимбеков. Ты сама довольно долго живешь в Москве. Можешь себя назвать специалистом по русской душе?

Ибрагимбекова: Да как тебе сказать, я с русскими-то особо и не общаюсь (*общий смех*). Вокруг меня грузины, евреи, азербайджанцы... Разве что Михалковы настоящие русские. Загадочные люди, что могу сказать (*смеется*). Но «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» – это точно про русских!

Сапунов: Национальный вопрос в Москве стоит?

Ибрагимбекова: Вот что мне нравится в Москве, что там,

словно когда-то в Советском Союзе, никому нет дела до национальности другого. Меня ни разу не притесняли как «лицо кавказской национальности», хотя я и на рынок ходила, и в общественном транспорте ездила. Если какие-нибудь бабушки-вахтерши и хамят, так они хамят всем поровну.

Сапунов: Как хамство переживаешь?

Ибрагимбекова: Я не переживаю никак. Если кто-то допускает в отношении меня грубость, я сразу, извини за выражение, посылаю.

Сапунов: Трудно было первый раз послать?

Ибрагимбекова: Не-а. У меня было боевое «монолитское» детство. Я играла в футбол, висела на турнике, лазала по крышам... А ты говоришь: «Принцесса»!

2010 год

«Зеленый диван» с Мурадом Дадашовым

2011

Впервые в рубрике «Зеленый диван» гость-мужчина – блистательный шоумен, актер, продюсер и просто любимец публики Мурад Дадашов. Чрезвычайно занятой человек, он перенес многие важные дела ради не менее важного – ответов на наши вопросы под вкусное итальянское вино.

Сапунов: Действительно, до сих пор гостями, вернее гостями нашего «Зеленого дивана» были только дамы...

Дадашов: *(вежливо)* Я чувствую тепло нагретого ими дивана.

Сапунов: ...И наконец-то мы можем о них поговорить! Ты вообще любишь говорить о женщинах?

Дадашов: Обожаю! Женщины – самый большой стимул для движения!

Сапунов: А что ты думаешь о новой волне эмансипации?

Дадашов: Она скоро схлынет. Недаром сейчас американцы, европейцы едут за женами в Азию – им надоели свои «эмансипе» – они просто хотят заботы. Я некоторое время назад в

Европе познакомился с красавицей-шведкой, вылитой Алисией Сильверстедт! Так у нее долгое время был бойфрендтук. Потому что европейские женщины тоже соскучились по нашей заботе. Кто еще так может ухаживать, заботиться, как мы – восточные мужчины? Это то, чего сейчас недостает западным женщинам, вот почему они эмансипируются. Так что все меняется.

Сапунов: А общество наше как-то изменилось?

Дадашов: Наше общество еще молодо. Оно еще подросток, а с подростками непросто. У моих друзей есть сыновья подростки. Когда я пытаюсь с ними говорить на их манер, я выгляжу идиотом. Когда же я пытаюсь говорить с высоты своего возраста, я выгляжу дедом. Такая же ситуация была со всем нашим обществом, когда мы только начинали понимать, что происходит в большом мире... Самая же большая проблема, что наши люди живут как бы с оглядкой на соседа. Не так, как, может быть, им хотелось бы, а так, чтобы увидел сосед. «Назло» – не совсем верное слово, но что-то вроде.

Сапунов: Ты тоже так живешь?

Дадашов: Я порой ловлю себя на мысли, что иногда совершаю поступки, которые завтра могут истолковаться как это некое «назло».

Сапунов: Как ты изменился за последние годы?

Дадашов: Я перестал удивляться человеческим проступкам. Меня намного больше стали удивлять хорошие поступки. Когда мне кто-то делает что-то хорошее, первая мысль, которая приходит на ум: «А зачем он это сделал?» Вот что во мне изменилось.

Сапунов: Ты стал себя в чем-то ограничивать?

Дадашов: В эмоциях, в соблазнах. Сегодня у меня трое сыновей и я всегда должен это помнить. Наши дети – это показатель, какие мы люди.

Сапунов: От чего ты чувствуешь зависимость?

Дадашов: Да от чего мы нынче только ни зависим! Ко мне приехал из Латвии товарищ. Авиабилет ему обошелся около 18 евро. «Ты что, на дельтаплане прилетел?!» – поразился я. Оказалось, цена низкая потому, что он заказал билет за год. Я когда услышал, что есть люди, которые планируют дела за год, у меня ноги отнялись!.. А если «внезапная» свадьба двоюродного брата? А если какая-нибудь презентация или чьи-нибудь похороны? И не дай Бог не пойти! Чем выше ты поднимаешься, тем от большего числа вещей ты зависишь. Да, я приехал сюда на «мерседесе», но я завишу от своего водителя, от того, выспался он или нет, даже от его домашних забот. Самые независимые люди – наверное, бомжи! (*смеется*). Есть дождь – он залез в коробку, нет дождя – вылез. Думаю, жить надо проще! По крайней мере, очень стараться!

Сапунов: И баловать себя, любимого. Ты себя чем балуешь?

Дадашов: Ты посмотри на меня! Чем я себя только не балую! (*смеется*) Я вообще считаю, что хороший ужин может принести человеку много приятного. И дело не в еде, а в обществе. С другой стороны, в последнее время столько одинаковых дней рождения, что возникает ощущение, будто мы ходим, а за нами носят стол. Одни и те же рестораны, одни и те же блюда. Правда, появился и новый тренд – добрые домашние посиделки. (*задумывается*) Давно я никого домой не приглашал.

Сапунов: Все непросто. Что бы ты упростил?

Дадашов: Свадьбы упростил бы. Ведь почему у нас свадьбы записываются на видео – чтоб потом увидеть подробности этой невероятной и порой «безжалостной и беспощадной» суматохи.

Сапунов: У тебя не такая свадьба была?

Дадашов: Такая!

Сапунов: И у меня.

Дадашов: Но мы-то хоть понимаем это. Говорят, это самая крайняя стадия в психиатрии – когда человек осознает свое сумасшествие (*смеется*). Но все выровняется, все придет.

Сапунов: То, что Азербайджан ушел из большого КВН – это хорошо или плохо?

Дадашов: Это просто факт! Возможно, мы когда-нибудь вернемся в КВН. А может и не вернемся. И это не страшно. Когда мы – ты, я, все – ездили в Москву играть в КВН, мы не задумывались о какой-то коммерческой выгоде. Сейчас другие времена и молодежь не особо стремится в «альтруистический» КВН.

Сапунов: У нас любят ругать отечественное телевидение. Ты, человек изнутри, что можешь сказать в его оправдание?

Дадашов: Сейчас выстраиваются отношения между телеканалами и видеопроизводителями. Когда эти отношения найдут свое экономическое решение, за ним последует решение художественное. Да, этот этап затянулся, мы потеряли многих зрителей, но он пройдет. А вообще сейчас телевизор меньше стали смотреть. Я сам порой предпочитаю найти какую-то передачу на YouTube. А телевизор я, знаешь, как смотрю? Без звука! С mute на экране.

Сапунов: Даже новости?

Дадашов: Я долго переключая каналы пультом, пока какая-нибудь картинка не привлечет внимание. Лишь затем приоткрываю звук. Вот такой профессиональный подход.

Сапунов: На какие темы ты предпочитаешь не говорить?

Дадашов: О религии. Это дело очень личное, интимное. К тому же мои взгляды несколько отличаются от общепринятых. Не люблю псевдопатриотических разговоров. Что говорить? Дело делать надо.

«В последнее время столько одинаковых дней рождения, что возникает ощущение, будто мы ходим, а за нами носят стол»

Сапунов: Каково тебе быть одним из самых известных людей в стране?

Дадашов: Вспоминаю, как меня познакомили на одной тусовке с Вахтангом Кикабидзе. Хозяин мероприятия подвел меня к нему и сказал: «Буба, познакомься, этот парень наш!» А Вахтанг Константинович ответил, что когда все о тебе говорят «наш парень», то дальше можно не перечислять регалии. Я определенно ощущаю себя для страны «своим парнем». Это, безусловно, приятно. Грех жаловаться.

Сапунов: Поклонницы в подъезде у тебя не ночуют.

Дадашов: У меня в подъезде ночуют только коты. А поклонницы мои... С ними забавно. Потому что они, как правило, или младше 10 лет или старше 50-ти. Я для них либо «Дядя Мурад», либо «Какой хороший мальчик! Дай Бог каждой матери такого как ты, сынок!» Но, конечно, известность полна

соблазнов... Да-да! В нашей специальности – моей, твоей – всегда должно присутствовать чувство влюбленности. Я всегда должен быть как-то влюблен. Если нет влюбленности – я сижу и скучаю. Это к разговору о женщинах, с которого мы начали.

Сапунов: Чему бы ты хотел научиться?

Дадашов: Играть на духовом или струнном инструменте.

Сапунов: Представляю тебя с валторной.

Дадашов: Музыка для меня – это почти наркотик. Недаром в исламских странах запрещено вокальное пение, недаром в Индии медитативные гимны помогают уйти в нирвану... Я тебе в другом признаюсь: не очень люблю, когда меня критикуют. Я предпочитаю потихоньку делать это сам. Я самоед. Когда меня хвалят – это меня вдохновляет на работу. Когда же ругают, я могу все попросту бросить, закрыться и начать что-то иное. Так и с девушками когда-то было. Если девушка меня отвергала, я не тратил больше на нее время. Единственное исключение – моя супруга. Когда я впервые ее увидел – сразу понял, что она станет моей женой.

Сапунов: Что ты считаешь своей большой удачей и что – неудачей?

Дадашов: Самая большая неудача – что я никак не могу собраться и заняться своим весом. Я даже хотел сделать шоу толстяков, где все должны были похудеть, скажем, в течение полугода. Но когда я увидел на мониторе всех собравшихся толстяков – мужчин, женщин, я понял, что это неэстетично. А удачи... Недавно я позвонил со съемки домой, трубку взял сын: «Алишка, – спросил я, – как дела?» – «Хорошо, Кямал в школе, мы здесь втроем». «Как втроем? Ты, мама... А кто третий?» – «Зияшка!..» Представляешь, заработавшись, я даже забыл, что у меня недавно третий сын родился. Думаю, что иметь такую семью – и удача, и вообще счастье. Хотя я отец достаточно строгий, не «муси-пусистый».

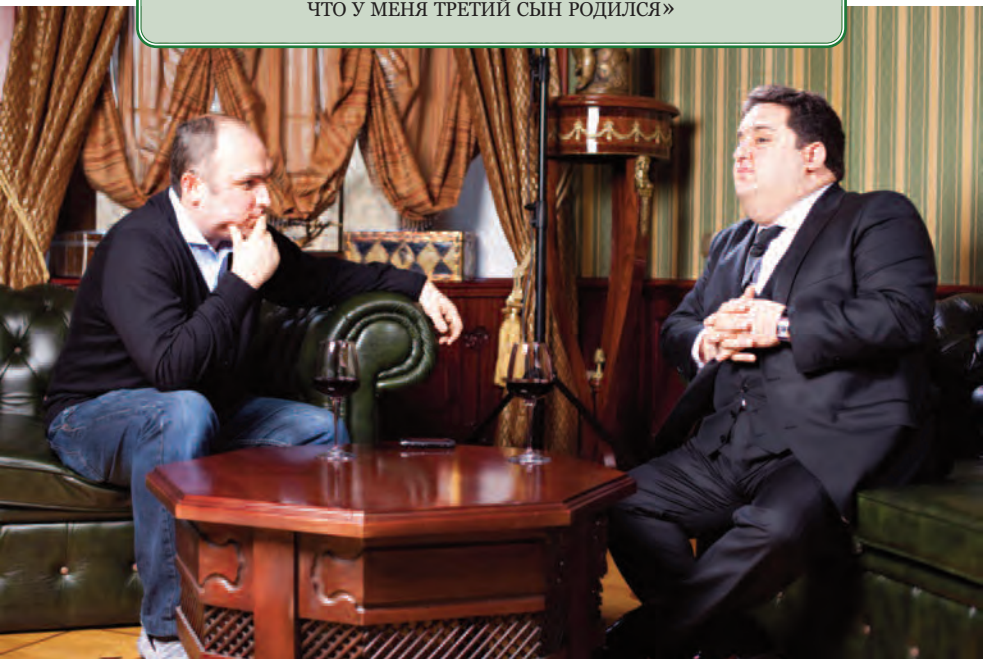
Сапунов: У тебя есть любимые и нелюбимые места на планете?

Дадашов: Я как-то решил вернуться в одно красивое место. Но оно во второй раз мне не оказалось таким красивым. Нелюбимое? Не люблю ходить на кладбище. Море очень не люблю, опасно там. Хотя я прекрасно плаваю.

Сапунов: Среди заранее подготовленных вопросов у меня был «Когда известному весельчаку Мураду бывает грустно?», но в процессе понял, что грустно ему бывает, когда у Мурада берут интервью.

Дадашов: Да, зачастую от меня ждут сплошь шуток и каламбуров, и удивляются, когда я начинаю о чем-то рассуждать всерьез. Но ведь и то, чем я сейчас занимаюсь на телевидении или эстраде – это не высшее достижение моей умственной деятельности. Я могу делать вещи гораздо «интеллектуальнее». И не могу быть всегда веселым, напротив, часто бываю задумчивым.

«Представляешь, заработавшись, я даже забыл,
что у меня третий сын родился»

Сапунов: И тем не менее тебе вопрос «по профессии» – «в чем характерная особенность азербайджанского юмора?»

Дадашов: О, он очень деликатен! К примеру, бедный о богатом шутит так изящно, что получается особенно смешно. Или вот странность – заметь, у азербайджанцев нет ни одного анекдота про тещу. Наверное, все исходит из уважения к образу матери, жены... Нет анекдотов о стариках. Азербайджанский юмор основывается на традициях, поэтому он тематически неширокий, но глубокий.

Сапунов: Чему наша страна может научить другой мир?

Дадашов: При всех наших парадоксах, ни один гость отсюда не уезжает равнодушным. Научить мы можем тому, как всем жить вместе и дружно... Что далеко ходить за примерами, недавно с друзьями заметили: девять послов иностранных государств остались здесь жить. Это говорит о многом!

2011 год

«Зеленый диван» с Софико Шеварднадзе

2011

СОФИКО ШЕВАРДНАДЗЕ – ТЕЛЕ- И РАДИОВЕДУЩАЯ, РЕЖИССЕР И ЭКСТРЕМАЛ, НАСЛЕДНИЦА ЗНАМЕНИТОЙ ФАМИЛИИ – МНОГО РАЗ ШЛА СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР. НО ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ БЕСЕДЫ НА НАШЕМ «ЗЕЛЕНОМ ДИВАНЕ» ОНА НЕ СТАЛА, ПОТОМУ ЧТО ОКАЗАЛАСЬ ОЧЕНЬ ЧУТКИМ И ОТЗЫВЧИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Сапунов: Быть может, это очень прямолинейно, но я не могу не воспользоваться случаем и не завести разговор о твоём знаменитом дедушке. Я считаю, что Эдуард Амвросьевич – был одним из самых обаятельных политиков СССР...

Шеварднадзе: Ты знаешь, действительно, было немало случаев, когда к дедушке заходили в кабинет его противники, оппоненты и в результате беседы они бывали просто обезоружены его обаянием. Это было. Я вообще считаю, что обаяние для политика чуть ли не самое главное.

Сапунов: А властность? Когда распоряжения отдаются одним взглядом.

Шеварднадзе: Мне думается, что каждый народ выбирает президента, какой ему нужен. Властного правителя, который

бы строго смотрел на них с экрана телевизора, грузины не приняли бы. Ты же сам, когда мы сюда ехали, сказал, что в Грузии все – потомки княжеских родов (*улыбается*).

Сапунов: Если даже для населения он был невероятно обаятелен, то я даже представить не могу, каким был Эдуард Амвросьевич в семье...

Шеварднадзе: Он всегда был чрезвычайно занятым человеком. Очень любил свою большую семью, но времени на нас у него почти не было. Семей занималась бабушка. Я не сказала бы, что она была менее талантливая, менее харизматичная, но бабушка пожертвовала какими-то своими амбициями и целиком посвятила себя семье. Дедушка и бабушка были удивительной парой. Помню, еще когда дедушка был президентом, и я проводила в Тбилиси лето – я спала рядом с бабушкой. И каждое утро дедушка перед работой заходил в комнату и целовал бабушку в губы. У них была невероятная любовь... А бабушка была моей лучшей подругой. И Париж показала впервые тоже она. Кстати, по образованию бабушка была журналисткой, у нее был прекрасный слог. Так что журналисткой я стала, наверно, тоже благодаря ей.

Сапунов: Теперь скажи мне, как такие родственники позволили тебе 27 раз прыгнуть с парашютом?

Шеварднадзе: Так они ж не знали! Моя мама узнала об этом всего несколько лет назад и у нее чуть инфаркт не случился.

Сапунов: Но прыгала ты зачем?

Шеварднадзе: Ты знаешь, я в душе всегда была такая революционерка, меня всегда привлекал экстрим. А экстремальнее прыжка с трех тысяч метров, по-моему, нет ничего. Тогда мне был 21 год, я жила в Бостоне, мы выезжали с друзьями за город и там прыгали с парашютами. 30 секунд свободного падения не сравнить ни с чем.

Сапунов: Инструктор выталкивал из самолета?

«Я в душе ВСЕГДА БЫЛА ТАКАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА, МЕНЯ ВСЕГДА ПРИВЛЕКАЛ ЭКСТРИМ. А ЭКСТРЕМАЛЬНЕЕ ПРЫЖКА С ТРЕХ ТЫСЯЧ МЕТРОВ, ПО-МОЕМУ, НЕТ НИЧЕГО»

Шеварднадзе: Нет, первые три прыжка ты делаешь будучи привязанной к инструктору. А я так вообще семь раз с инструктором прыгала. Со временем развивается какая-то мышца, которая помогает тебе перешагивать порог самолета летящего под облаками, хотя сердце при прыжке бьется каждый раз учащенно... Но! Сейчас я этого бы уже не сделала.

Сапунов: Почему? Ты ж уже преодолела психологический барьер. Труднее ведь первый раз, а не в двадцать восьмой.

Шеварднадзе: Повзрослев, начинаешь больше ценить жизнь. Уходит юношеский максимализм и ощущение бессмертия. Хочется сбереечь себя для друзей, родных, возможно, для будущих детей.

Сапунов: Сейчас ты часто «перешагиваешь порог самолета»?

Шеварднадзе: Я стараюсь выталкивать себя за пределы зоны комфорта. Всегда. Это непросто. Но ты раскрываешь себя, ты узнаешь свои возможности – физические, интеллектуальные, психологические. Мне кажется, мы вообще пришли на эту землю, чтобы постоянно инвестировать в свою жизнь. Мы не имеем права ее просто проживать.

Сапунов: Ты долго себя искала...

Шеварднадзе: Да, у меня сложная история. Я хотела быть балериной, затем училась в парижской консерватории, которую демонстративно бросила за месяц до окончания. Чтоб оказаться подальше от родителей, поступила в бостонский университет на кинофакультет. Так что по первому образованию я режиссер игрового кино. Но уже в бакалавриатуре поняла, что для хорошего кинорежиссера я слишком сентиментальна. Потом я случайно ударилась в документальное кино. И после этого уже я сдала masters на тележурналистику по классу документального кино. Никогда мне не хотелось быть телеведущей, напротив, я считала, что мое место – за кадром. И когда я, став собкором грузинской программы «Намедни», делала сюжеты из Нью-Йорка, из Парижа, редакторы меня ругали за отсутствие стендапов (*термин, означающий выступление телерепортера перед камерой. – В.С.*).

Сапунов: Много чего сняли?

Шеварднадзе: Диплом я снимала в Ростове. Госдепартамент США оплатил производство фильма на тему, как живет людям 20 лет спустя распада СССР. Неплохой кстати получился фильм. Потом я снимала для ABC... Я все делала сама. Хотела самоутвердиться, доказать, что я не только внучка. А после революции пошла в «Намедни». Потому что пока дедушка был президентом, я не хотела работать на грузинском телевидении.

Сапунов: Выходит, что революция освободила тебя от протокольных условностей?

Шеварднадзе: Абсолютно! Я никогда не чувствовала себя счастливей, чем после того, как дедушка перестал быть президентом. Во-первых, я его полюбила еще больше, я нашла ответ на многие вопросы, которые меня беспокоили. И я сейчас себя чувствую намного лучше, чем тогда, когда я была внучкой президента. Меня мучили многие комплексы.

Сапунов: Сейчас же твое основное место работы – телеканал Russia Today. Официальный такой канал...

Шеварднадзе: Да, это кремлевский канал. Но поскольку мы вещаем на Запад, мы говорим намного больше, чем любой русскоязычный канал.

Сапунов: На чем специализируешься?

Шеварднадзе: Меня окрестили политической журналисткой и меня это дико бесит. Политика мне дается, как кому-то дается математика или рисование. Я политику чувствую, ведь я в этом выросла. Но при этом политическая журналистика для меня мука. В идеале я хотела бы быть «Опррой Уинфри». Именно в этом амплу я была бы счастлива. Меня это интересует и я могу это делать – говорить с людьми, располагать к себе, чтобы они почувствовали себя важными. На Russia Today я веду программу «Интервью...» и благодаря ей имею возможность общаться с очень интересными людьми, с которыми бы никогда не встретилась в обычной жизни.

Сапунов: Ларри Кинг говорил, что никогда не задает в интервью вопрос, ответ на который он знает. У тебя есть свои правила интервью?

Шеварднадзе: Вопрос, ответ на который знаешь, удобно задавать для цитирования... *(улыбается)*. Я не навязываю свою теорию, но для меня прежде всего важно быть заинтересованным в беседе. Даже если тема для меня лично не важна.

Сапунов: Правило Глеба Жеглова – «Проявляй к человеку искренний интерес, и тогда он тебе все расскажет».

Шеварднадзе: Да! А ненавижу я подобострастие, когда перед журналистом сидит чиновник и на лице журналиста написано невероятное обожание, что бы тот ни говорил. Для меня это неприемлемо. Чиновники обычные люди, и говорить – их должностная обязанность...

Сапунов: У кого легче брать интервью, у кого труднее?

Шеварднадзе: Интервью, которые легче брать, не всегда самые интересные... Меня привлекают масштабные личности. Очень хотела бы взять интервью у Путина. Только именно взять интервью, а не отправить список вопросов. Путин – очень классный респондент, ему всегда есть что сказать.

Сапунов: Резко сменю тему. Некоторое время назад меня потрясла высказанная тобой мысль, что мужчинам нравится, когда у женщины большой нос.

«Я СЕЙЧАС СЕБЯ ЧУВСТВУЮ НАМНОГО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ТОГДА, КОГДА Я БЫЛА ВНУЧКОЙ ПРЕЗИДЕНТА.
МЕНЯ МУЧИЛИ МНОГИЕ КОМПЛЕКСЫ»

Шеварднадзе: Нет, я сказала, что настоящим мужикам нравятся большие носы. Все мужчины, с которыми я жила, очень любили мой большой нос, и это правильно. Это моя индивидуальность. И это очень сексуально.

Сапунов: Я думаю, что пластические хирурги, прилично зарабатывающие на ринопластике, прочитав это, расстроятся. Они же могут остаться без работы.

Шеварднадзе: *(смеется)* Мне просто кажется, что не бывает идеальной красоты и самой себе ты прежде всего должна нравиться со всеми своими недостатками. Ну за исключением ситуаций, когда у тебя здоровенный хобот и над тобой с детства издеваются... Во всех остальных случаях я абсолютная противница вмешательства пластических хирургов. Если ты себя уважаешь, если ты себе нравишься, так же будут к тебе относиться и люди. Take it easy!

Сапунов: Будь проще? В Москве легко «быть проще»?

Шеварднадзе: Мне так комфортно. Я могу быть жесткой, конфликтной, но от этого мне же первой бывает плохо. К счастью, я могу себе позволить выбирать свой круг общения – из тех, кто мне нравится, из тех, кто мне интересен. Мне не требуется общаться с людьми, только потому что мне от них что-то нужно. Я окружена людьми, которые меня понимают и принимают такой, какая я есть. И это большое счастье.

Сапунов: Наследникам известных фамилий порой приходится несладко из-за того, что их прежде всего принимают как внуков, внучек, детей знаменитостей. Но в последние годы наметилась тенденция, когда наследники сами оказываются на вершине славы. При фамилии Ургант мы сперва вспоминаем Ивана, а не его потрясающую бабушку-актрису, при фамилии Собчак сперва в памяти возникает имя Ксения, а лишь потом вспоминается легендарный мэтр Ленинграда. Ты никогда не мечтала стать Шеварднадзе номер один?

«Я ненавижу подобострастие, когда перед журналистом сидит чиновник и на лице журналиста написано невероятное обожание, что бы тот ни говорил. Для меня это неприемлемо»

Шеварднадзе: Все что хотела, я уже себе доказала. У меня нет стремления попасть на обложки журналов. Хочу быть востребованной в своем деле, достигать в своей профессии новых высот, но это никак не связано с тем, что я хочу кому-то что-то доказать. Я горжусь своим дедушкой, со временем все больше и больше я осознаю масштаб этого человека. Он действительно последний из могикан... К нему можно по-разному относиться. Для кого-то он хороший, для кого-то он плохой. Дело не в этом. Дело в том, что таких больше не будет.

2011 год

{ ДУРАКИ ЕСТЬ ВЕЗДЕ! ВЕДЬ ДУРАК
ЭТО НЕ ТОТ, КТО МАЛО ЗНАЕТ.
ДУРАК — ТОТ, КТО НЕ ПОХОЖ
НА ДРУГИХ }

«Зеленый диван» с Балашем Касумовым

2011

Обладатель Бриллиантовой совы и многих других наград и титулов, победитель несчислимых интеллектуальных первенств, один из самых знаменитых капитанов «Что? Где? Когда?», лучший капитан клуба, основатель и ведущий первой программы «Что? Где? Когда?» за пределами России, Балаш Касумов предпочитает представляться просто продюсером компании «GAME TV.AZ» и не боится говорить: «Все мы немножко дураки».

Сапунов: Знаешь, какие самые популярные запросы в системе Google, связанные с твоим именем?.. «Балаш Касумов – биография», «Балаш Касумов – женат» и «Балаш Касумов – национальность». Биография – это понятно... Остальное прокомментируешь?

Касумов: (смеется) Наши игры смотрят и представительницы прекрасного пола. Вот и выясняют. Дорогие дамы, знайте: я женат и счастлив в браке. Что же касается национальности... Даже в Баку некоторые пытаются мне доказать, что я не азербайджанец. Кто-то утверждал, что я еврей.

Странно, почему некоторые из нас не верят в силы собственной нации. «Парни из Баку» стали чемпионами? Купили!», «Евровидение? Купили!», «Балаш выиграл бриллиантовую сову? Купил!» Я честно не понимаю таких людей... Запросы в Google поступают и от зарубежных пользователей. Я, признаться, рад, что люди интересуются и узнают, что я азербайджанец. И может быть, это хоть немного идет на пользу престижу моей страны, разрушению негативных стереотипов. Я уверен, в Google ищут информацию не только обо мне, но и о других представителях Азербайджана в Элитарном Клубе – ведь нас уже шестеро. Кстати, это единственная передача в российском телепространстве, где есть азербайджанцы, но нет армян.

Сапунов: Кстати, о «соседях». Как складываются отношения с представителями армянских команд?

Касумов: Напряженно. В чисто игровом плане – преимущество на нашей стороне, видимо, это и не нравится армянам, и он и из года в год политизируют игру. Например, как-то на Чемпионате Южного Кавказа армяне заявили команду «Кашатах» (этим словом они называют наш Лачин). Мы обратились в Международную Ассоциацию Клубов (МАК) и добились того, что теперь команды называются просто по именам капитанов: команда Давида Рапавы, Сухуми, Грузия, или команда Балаша Касумова, Баку, Азербайджан, и т.д. В прошлом году армяне провели лицензионный чемпионат в Ханкенди и распиарили это событие, дескать, «интеллектуальный мир признал права Степанакерта». Нам удалось доказать комитету Международной Ассоциации Клубов «Что? Где? Когда?», что тот чемпионат – не что иное, как средство для грязных политических игр. В итоге и лицензия, и результаты самого чемпионата Армении были аннулированы...

Сапунов: Что ты потерял, не став депутатом?

Касумов: Сейчас я уже понимаю, что абсолютно ничего. Но я до сих пор уверен, что победа была на моей стороне. Просто

в игре и в политике разные правила. Я победил, но в Парламент не прошел. Зато я познакомился со множеством людей. Мы ходили по квартирам, общались, с кем-то даже чай пили... Это очень важный опыт – познакомиться с жизнью и проблемами незнакомых тебе людей. Мы смогли заразить многих нашими идеями, и эти люди пришли и проголосовали. И единственное, о чем я жалею, так это о том, что не смог защитить их голоса. До сих пор считаю, что этим людям я должен. Я даже не представляю механизм возврата этого долга. После выборов я обратился к своим избирателям через прессу, но, наверное, не каждый смог это прочитать... Может, стоило еще раз обойти все квартиры?

Сапунов: Трудно пережить поражение? К примеру, в игре.

Касумов: Трудно. Это переживания, бессонные ночи, размышления о том, что можно было поступить как-то иначе, что можно было сделать что-то лучше и предотвратить поражение. К счастью, я понимаю, что жизнь одной игрой не ограничивается, что главное – здоровье, семья, друзья. Оглядываясь на год назад – и уже никакой разницы: победил ты в той или иной игре или проиграл. Я не умею проигрывать. И считаю, что благодаря этому я научился побеждать.

Сапунов: Мне кажется, что игры вроде «Что? Где? Когда?», как интеллектуальная практика, или как тест, были бы очень полезны для политиков, чиновников.

Касумов: Безусловно, игра «Что? Где? Когда?» – это умение принимать решения в стрессовой ситуации, умение работать в команде, умение слышать друг друга, умение довести до ума ту или иную идею. Подобный опыт полезен для каждого.

Сапунов: Зато среди поклонников ЧГК президент страны.

Касумов: Да, господин президент нас действительно поддерживает. Были у нас тяжелые времена, когда два года подряд нас почему-то пытались закрыть и мы этим людям безуспешно пытались объяснить, что мы пропагандируем не рус-

«Я НЕ УМЕЮ ПРОИГРЫВАТЬ.
И СЧИТАЮ, ЧТО БЛАГОДАРИ
ЭТОМУ Я НАУЧИЛСЯ
ПОБЕЖДАТЬ».

ский язык, а пропагандируем знание, интеллект, и только благодаря вмешательству господина президента передача осталась в эфире. А когда в 2004 году мы в прямом эфире Первого канала выиграли игру за абсолютное чемпионство, по возвращении в Баку нас пригласили на встречу с президентом. И в беседе Ильхам Алиев рассказал, что очень давно смотрит «Что? Где? Когда?», вспоминал подробности отдельных игр и было очевидно, что он действительно увлечен этой программой.

Сапунов: Как ты думаешь, твоя команда, вернее, команды – оптимальны по составу? Или ты хотел бы привлечь туда какого-нибудь монстра-эрудита?

Касумов: Мне с командами повезло. Так, моя «московская команда» очень дружна, несмотря на то, что живем в разных концах бывшего Советского Союза. И никаких проблем во время игры тоже нет: кого чаще камера показывает, кому я отдаю право ответа на вопрос – никакой ревности. Если бы мне предложили заменить моих товарищей по команде на пя-

терых Александров Друзей, я бы не согласился. Комфорт во время игры для всех нас очень важен. Как не с каждым пойдешь в разведку, так и не с каждым сядешь за игровой стол. Важна не только победа, но и сам процесс. За час игры ты проживаешь целую жизнь, и очень важно, с кем именно ты ее проживаешь. Да и с бакинской командой все так же. В первую очередь, мы все друзья.

Сапунов: Наверняка ты встречался со многими умными людьми. Попадались ли тебе «умные злодеи»?

Касумов: Может, я не называл бы их столь категорично, но, к сожалению, они есть. Нехорошие люди среди умных тоже встречаются, есть они и в мировом движении «Что? Где? Когда?». На самом деле, порядочность человека не зависит от уровня его интеллекта. Я встречал глубоко порядочных, но при этом не очень начитанных людей. И вместе с тем есть и интеллектуалы с сомнительными моральными качествами. Они тоже часть нашего общества. Если их избегать, они могут подумать, что правы они. Что они хорошие, а мы – нет. Видишь, как ловко я причислил себя к хорошим? *(улыбается)*

Сапунов: А дураки есть среди знатоков?

Касумов: Дураки есть везде! Ведь дурак это не тот, кто мало знает. Дурак – тот, кто не похож на других. Дурак – тот, кто не может применить свои знания. Дураком может оказаться и умный человек, если большинство решило, что он дурак.

Сапунов: Иванушка-дурачок...

Касумов: Дурак это очень растяжимое понятие, у каждого свои дураки. Сегодня дураком может показаться любой человек, который не боится высказывать свое мнение на ту или иную тему, а большинство говорит: «Вот дурак – не умеет держать язык за зубами». Я не люблю вешать ярлыки, но «дурак» это хорошее слово – емкое и не очень обидное. Все мы немножко дураки.

Сапунов: Ты когда-нибудь ощущал границы своего ума?

«Порядочность человека не зависит от уровня его интеллекта. Я встречал глубоко порядочных, но при этом не очень начитанных людей. И вместе с тем есть и интеллектуалы с сомнительными моральными качествами».

Касумов: Конечно! О нас – тех, кто играет в «Что? Где? Когда?» – думают, что мы самые умные и с утра до вечера читаем энциклопедии. Но есть люди куда умнее, к примеру, ученые. Просто нас больше показывают по телевизору. И может, отчасти несправедливо, что в глазах населения именно мы являемся олицетворением ума. Но с другой стороны, пусть лучше зритель смотрит на наших знатоков, чем на тех, кто имитирует пение в передачах, которые не несут никакой культурной нагрузки. «Что? Где? Когда?» – просто интеллектуальный спорт. Кто-то ходит на фитнес, качает мышцы, а мы читаем, играем, тренируемся... У меня есть разные недостатки, но никто меня не может упрекнуть в том, что я зазнался, «забронзовел». Мне по жизни Господь дает больше, чем я заслуживаю. Я это осознаю, и в этом мое счастье.

Сапунов: Ты часто поминаешь имя Господа, а как сочетаются рациональное, аналитическое мышление и вера в догмы?

Касумов: Именно при помощи рационального, аналитического мышления можно постичь эти догмы, понять их. Чем поиск верующего человека отличается от исканий неверующего? Когда веришь, ты знаешь, что надо искать, и если не можешь найти, не опускаешь руки и продолжаешь поиски. А

неверующий, не знающий куда идти, может сбиться и остановиться в своем стремлении. Если ты не веришь, все летит к чертям. В прямом смысле этого слова (*смеется*).

Сапунов: Имиджа мудреца, несмотря на твои молодые годы, тебе не избежать, а со временем, я думаю, он будет только укрепляться. Потому неизбежны будут вопросы основополагающие: что будет? что тебя волнует? кто виноват? что делать?

Касумов: (*улыбается*) Если брать глобально, то все уже сказано до нас. Что будет? Страшный суд, к которому надо быть готовым. А если говорить о нашем обществе... Меня очень тревожит ситуация с образованием. Сейчас педагогами становятся лишь в случае, если не удастся пробиться на более «престижные» специальности. И студентами педвузов становятся абитуриенты с весьма средними баллами... Людей надо стимулировать, чтобы в учителя стремились лучшие. Учителям надо не просто поднять зарплату, а резко поднять... Сейчас, правда, господин президент издал указ о национальной стратегии в сфере образования, которую в течение трех месяцев должна разработать специальная комиссия... И это не может не радовать.

Сапунов: Значит, необходимость серьезно назрела, если вмешался президент.

Касумов: Почему Германия быстро встала с колен после Второй мировой войны? Конрад Аденауэр – первый федеральный канцлер ФРГ – выделил учителей среди представителей других профессий. Быть учителем стало очень престижно и выгодно по деньгам. На мой взгляд, это единственный путь. Если твой народ образован, если среди него много профессионалов, с правильным мироощущением, мировоззрением, это рано или поздно во что-нибудь выльется. И все будет хорошо. И не будут уезжать.

Сапунов: Ты остаешься?

Касумов: Я останусь при любых обстоятельствах. Я ни в коем случае не осуждаю уезжающих, у всех свои причины, но мы должны стараться сделать жизнь лучше здесь.

Сапунов: Какой совет, полученный тобой, ты можешь назвать лучшим?

Касумов: Наверное, совет, что лучше никому ничего не советовать. Очень немногие люди могут учиться на чужих ошибках. И я в том числе *(улыбается)*.

2011 год

«Зеленый диван» с Рахманом Гаджиевым

2011

СДЕЛАВ СЕРЬЕЗНУЮ КАРЬЕРУ В СТРАХОВОМ БИЗНЕСЕ, РАХМАН ГАДЖИЕВ ПЕРЕШЕЛ В СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭТОГО КАДРОВОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НОВОСТНОЙ ПОРТАЛ 1NEWS.AZ БЫСТРО ОКАЗАЛСЯ В ЛИДЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ВЕЩАНИЯ, ЗАВОЕВАВ СИМПАТИИ ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ НОВЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Сапунов: Ты производишь впечатление «белого воротничка»... Не сложно работать на такой стрессовой работе как управление медиа-структурой, после размеренной жизни в финансовом секторе?

Гаджиев: Абсолютно. Я не могу сказать, что вырос в каких-то рафинированных условиях, далеких от «трудовой» среды. Вокруг меня всегда были работяги, а мой отец начинал свой трудовой путь инженером. Я понимаю, что сегодня это, возможно, не так модно, но считаю, что основная сила общества – это работяги. Искусственно отдаляться от этих людей – не серьезно. Тем более, что они близки мне по духу. В силу этих причин, работать я приучен изначально... да и годы работы в финансовом секторе «размеренными» назвать как-то не по-

лучается. Меня постоянно забрасывали на стрессовые участки работы...

Сапунов: На кого рассчитан сегодня 1News.az?

Гаджиев: На офисных сотрудников, на госслужащих и не только. Это ресурс для тех, кто хочет быть в курсе основных событий, для тех, кто ведет достаточно активный образ жизни и не хочет оставаться «за бортом» информационного потока. Мы сейчас стараемся компоновать информацию так, чтобы читатель нашел там все, что происходит в стране и за ее пределами в режиме реального времени. Мы подаем и официальную хронику, и главные общественно-политические, экономические, культурные, спортивные новости. Но реформирование нашего ресурса, которое началось пару лет назад, – процесс постоянный, и он продолжается.

Сапунов: Ты все-таки больше менеджер или журналист?

Гаджиев: Мне хотелось бы верить, что я больше менеджер. Но так уж получилось, что порой у меня возникает необходимость высказаться в печати. Либо сам к этому прихожу, либо друзья просят. Я восемь лет отучился на факультете международных отношений, мне близка общественно-политическая аналитика. И поэтому если не журналистом, то комментатором я себя могу назвать смело. А журналист – это звание, которое нужно заслужить. Я противник того, что сейчас каждый, прошу прощения, «встречный-поперечный» называет себя журналистом.

Сапунов: Гасанбек Зардаби, основоположник азербайджанской журналистики, за что бы похвалил своих нынешних коллег, а за что бы покритиковал?

Гаджиев: Наверно, похвалил бы за то, что сегодня, несмотря на багаж нескольких десятилетий очень серьезной цензуры советского периода, строгих рамок, журналистика вновь становится смелой. Появляются какие-то свободные мнения и мысли. Порой они грешат излишним субъективизмом, гра-

ничающим даже с клеветой. Но дух свободы чувствуется. А хороший он или плохой, достаточно его или недостаточно – это тема отдельного разговора. Я каждое утро просматриваю десяток газет и сайтов – провластных, нейтральных, оппозиционных. И я вижу палитру. За это можно похвалить. Потому что без свободной журналистики нет общественного контроля, нет динамики и развития.

Сапунов: Четвертая власть необходима?

Гаджиев: Это гарантия нормального, здорового общества, старающегося развиваться.

Сапунов: А за что пожурил бы Гасанбек?

Гаджиев: Может быть, за то, что СМИ не так уж и много делают для развития своих журналистов. В свое оправдание, можно легко во всем обвинить компании, не выделяющие достаточных бюджетов на рекламу, отсутствие финансовой поддержки со стороны соответствующих структур, государство. Но что делают для этого сами масс-медиа? Кстати, это относится и к тем, кто совершенно не испытывает каких-либо финансовых проблем. В погоне за рекламой, за сиюминутной резонансностью они поступаются долгосрочным, поступательным развитием. Некоторые СМИ зарабатывают весьма прилично. К примеру, телеканалы. Очень было бы интересно взглянуть на строку «развитие персонала» в их бюджете.

Сапунов: А у тебя?

Гаджиев: В нашем издании мы стараемся почаще направлять журналистов на различные конференции, курсы повышения квалификации. Некоторые ездят за рубеж очень часто.

Сапунов: Проблема, к сожалению, порой и в элементарной безграмотности начинающих «журналистов»! Как их учат?

Гаджиев: Работу журфаков мне оценивать сложно, я с ней не знаком. Но скажу так: из выпускников факультета журналистики у нас никто не задержался. Либо эти люди не особо

«НЕКОТОРЫЕ СМИ ЗАРАБАТЫВАЮТ ВЕСЬМА ПРИЛИЧНО. К ПРИМЕРУ, ТЕЛЕКАНАЛЫ. ОЧЕНЬ БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО ПОГЛЯДЕТЬ НА СТРОКУ «РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА» В ИХ БЮДЖЕТЕ».

горели желанием работать и оказались «в журналистах» случайно, либо их уровень не устраивал нас. Молодых, рвущихся работать и обладающих потенциалом я пока не встречал.

Сапунов: Много у вас работает народа?

Гаджиев: В iNews.az, вместе с административным и техническим персоналом, я думаю нас чуть больше 30. Но тут надо отметить, что помимо русской версии у нас имеется и турецкая. Ведь турецкий язык – это язык нашего исторического союзника, ближайшего партнера. И удивительно, что на турецком языке в Азербайджане функционирует всего одно СМИ. В то время как в Армении турецкоязычные версии имеют около десятка онлайн-вещателей, что никак не идет нам на пользу. Мы постарались восполнить этот пробел. Сегодня в турецкую версию пишут очень сильные колумнисты-аналитики, а редакционная политика турецкой версии

серьезно отличается от русскоязычной. Все же там своя специфика, своя аудитория.

Сапунов: Все ли твое время уходит на 1News.az?

Гаджиев: Нет, есть еще проекты, которыми я занимаюсь...

Сапунов: Каково тебе сидеть на нескольких стульях?

Гаджиев: В 1News.az мы за два года так отладили систему, что она способна работать самостоятельно, но при условии наличия постоянной координации и контроля. Поэтому я, как правило, провожу там полдня. Остальную же часть рабочего времени трачу на другие проекты. Но, в принципе, любое дело должно работать как отлаженный механизм.

Сапунов: Начальственного эгоизма – «без меня ничего не решайте» – у тебя нет?

Гаджиев: Меня так учили: «Пока не станешь готовить себе замену, сам никуда не продвинешься».

Сапунов: Настоящая журналистика, как ты сам понимаешь, не может только хвалить, должна и критиковать. Но вместе с тем интернет-издания, которые читаются во всем мире, могут упрекнуть в «выносе сора из избы». Где вы проводите грань, разделяющую необходимую критику и критику неуместную?

Гаджиев: Мы исходим из того, какая критика способна не навредить позитивным процессам, происходящим у нас в стране, наоборот, ускорить их. Мы критикуем то, что необходимо исправлять сегодня и что может быть исправлено сегодня благодаря обращению на это внимания.

Сапунов: А на безнадежные темы вы внимания не обращаете?

Гаджиев: Я не считаю, что такие темы есть. Просто это вопрос приоритетов. Наша задача, к примеру, показать некоторым людям, порой не желающим или не способным выполнять свои обязанности, что они подотчетны не только

своему руководству, но и обществу. И что информация о проблеме, которую они игнорируют, может быть доведена до более высоких начальников. И наши читатели не раз убеждались, что слово наше весьма действенно. На уровне районов, ведомств мы решали проблемы не раз.

Сапунов: У тебя не складывается впечатление, что у нас имеется дефицит ньюсмейкеров?

Гаджиев: Есть такое. Но я бы отметил, что, к примеру, госструктуры сейчас стали более открытыми для прессы. И если пройти к министру порой непросто из-за его загруженности и насыщенного графика, то подойти к нему на мероприятии и получить какой-то комментарий может, в принципе, любой журналист. И на письменные запросы наши ведомства тоже отвечают. Но в целом, дефицит авторитетных комментаторов, дефицит экспертов чувствуется. Интересных всем персон

«Дефицит экспертов чувствуется. Интересных всем персон тоже не так много, как хотелось бы. Это касается и политической аналитики, и экономики, и даже шоу-бизнеса. У нас таких людей – людей-брендов – единицы».

тоже не так много, как хотелось бы. Это касается и политической аналитики, и экономики, и даже шоу-бизнеса. У нас таких людей – людей-брендов – единицы. И иногда мы ловим себя на мысли, что зациклились на одних и тех же людях, фамилии которых уже приелись.

Сапунов: На какую тему ты можешь говорить бесконечно?

Гаджиев: Когда-то мог бесконечно говорить о футболе. Сейчас он мне порядком поднадоел. Говорить могу о многом. Например, долго могу говорить о, музыке. В машине у меня звучит самая разная музыка, от Вивальди до каких-то современных диджеев.

Сапунов: И группы «Ленинград»...

Гаджиев: И такое... Порой это джаз, а иногда хаус... Не понимаю людей, которые слушают одну и ту же музыку... Во всем люблю палитру. О! Могу долго говорить об Азербайджане!

Сапунов: Как ты относишься к популярной на некоторых форумах теме «Только в Азербайджане»? Вроде «Только в Азербайджане пассажиры в автобусах на остановке кричат: Останови!».

Гаджиев: Я, наверно, являюсь единственным человеком в Азербайджане, который не писал в теме «Только в Азербайджане», размещенной на одном из самых популярных местных форумов. Считаю, что она несправедлива и грешит чрезмерным субъективизмом. Самокритика, конечно, дело похвальное. Но такие разговоры скорее отдают ущербностью и комплексами, нежели самокритичностью.

Сапунов: А что особенно нравится на родине?

Гаджиев: Мне нравятся люди. Я часто уезжал и имел возможность сравнивать азербайджанцев с арабами, англичанами и т.д. Наши все-таки роднее.

Сапунов: Смена эпох их не испортила?

Гаджиев: Как правило, считается, что перемены портят людей – люди стараются выживать, приспособливаться. Но не все так плохо. Я нередко общаюсь с нашей молодежью – самой разной. И скажу тебе, что среди них очень много прогрессивных людей. Тех, кто тянет нас назад, намного меньше.

Сапунов: Я прочитал несколько твоих материалов. И порой, признаюсь, их стилистика напоминает предвыборные платформы. Нет ли у тебя подобных планов? Скажем, попробовать себя на парламентских выборах?

Гаджиев: Не в первый раз это слышу, но таких планов нет. Нет даже времени думать об этом.

Сапунов: Может быть, и жаль.

Гаджиев: Я уверен, что и на том месте, на котором сейчас нахожусь, я могу принести немало пользы. Кстати, насчет стилистики ты меня удивил. Надо над ней поработать в сторону изменения (улыбается).

2011 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... *Азером
Гарибом*

Бывший сторож, бывший востоковед, бывший сотрудник государственной нефтяной компании и даже бывший капитан МВД Азер Гариб нынче известен как азербайджанский путешественник номер один. За его плечами сотни тысяч километров, десятки стран, сотни городов, телепередачи, репортажи, статьи. Осталось вспомнить или...

Текст: Вячеслав Сапунов | Фото: Руслан Набиев

«Зеленый диван» с Азером Гарибом

2012

Бывший сторож, бывший востоковед, бывший сотрудник государственной нефтяной компании и даже бывший капитан МВД Азер Гариб нынче известен как азербайджанский путешественник номер один. За его плечами сотни тысяч километров, десятки стран, сотни городов, телепередачи, репортажи, статьи. Осталось вспоминать или...

Сапунов: Вы – десятый герой нашего «Зеленого дивана». И так уж получилось, что до сих пор со всеми своими гостями я был на ты. С вами – иначе. С кем вы на ты?

Азер Гариб: Я не люблю тыканье. На «ты» я лишь с близкими людьми – родными, ближайшими друзьями. С остальными – на вы. Мне так удобнее. Образуется дистанция. Меня, к примеру, коробит, когда иные чиновники, даже младше меня по возрасту, принимают тыкать. Считают, что обладание статусом министра им позволяет такое панибратство. А это просто показатель их воспитания.

Сапунов: Таксисты тоже тыкают.

Азер Гариб: Таксисты – ладно... На рабоче-крестьянском уровне у нас это не считается неуважением. Наоборот, считается, что это знак хорошего отношения. Но для людей с высшим образованием, находящихся на высоком социальном уровне, это недопустимо... И с женщинами я только на вы. У меня есть сотрудница. Мы с ней знакомы 15 лет и всегда – на вы.

Сапунов: У вас в манерах есть что-то аристократическое. Вы из какого сословия?

Азер Гариб: Пожалуй, из интеллигенции. Нас можно назвать потомственной педагогической интеллигенцией. Мой дед был первым Заслуженным учителем в Габале, там его именем названа улица. Он 50 лет руководил школой, его награждал Калинин. Про прадеда я мало что знаю... Он писал стихи, пародии на своих односельчан, как сейчас сказали бы, эпиграммы, и во мне, видимо, играют его гены. Отец преподавал в вузе, мама тоже педагог, но ни я, ни брат, ни сестра по этой стезе не пошли, хотя к старости я, пожалуй, решусь вести факультативный курс «Страноведение» в каком-нибудь институте. В корнях любого нашего интеллигента всегда есть село.

Сапунов: Вы много работаете?

Азер Гариб: И очень давно! Меня уже восьмом классе отец заставил устроиться на работу, хотя мы не бедствовали. Надо было видеть, как я приезжал на собственной машине в магазин, где работал ночным сторожем (*улыбается*). Потом сторожил судоремонтный завод, закончил востфак... В 1988 году я опубликовал в «Известиях» заметку о том, что Кировабаду надо вернуть историческое название Гянджа. И потому меня после армии взяли в политотдел МВД, откуда спустя год уволили по статье: я порвал партбилет, протестуя против ввода войск в Баку...

Сапунов: Вы себя считаете профессиональным путешественником или туристом?

Азер Гариб: А какая разница?

Сапунов: Путешественник способен что-то открыть, он сам выбирает путь. Туриста, как правило, ведут.

Азер Гариб: Тогда я, пожалуй, путешественник.

Сапунов: Вы объездили почти 70 стран. По какому принципу вы формировали свои маршруты?

Азер Гариб: Сперва я объездил Европу. Начал со знаковых городов – Париж, Лондон, Рим, Мадрид и так далее. Потом перешел на Восточную Европу, оттуда – в Прибалтику, дальше – в Скандинавию. Затем наступил черед Азии. И Азия мне нравится больше всего.

Сапунов: Где же вы не были?

Азер Гариб: Много где! Не был в Южной Америке, не был в Австралии, не был в Африке. Египет не считается.

Сапунов: Куда хочется вернуться, а куда не тянет?

Азер Гариб: Да везде я побывал бы еще. Впрочем, где-то и побывал. В Лондон ездил по несколько раз в год. А вот Париж не люблю. И в Азию с удовольствием вернулся бы – на Лангкави, в Борнео. Даже в Индию, где я испытал шок от их антисанитарии, я бы вернулся. Наверно, оттого, что там чувствуешь себя белым человеком. И есть что посмотреть. Экзотика! Мне нравится экзотика.

Сапунов: Включая пищу?

Азер Гариб: Я не поклонник кулинарных изощрений – французских, итальянских. Я везде стандартно заказываю стейк.

Сапунов: Даже в Индии?

Азер Гариб: Там я заказывал тандури чикен! Очень мне понравилась кухня Чехии, Румынии. А самый большой кулинарный шок я испытал в Бангкоке, где увидел, как на улице жарят тараканов и насыпают их в кулечки. Иностранцы покупают и грызут как семечки.

«Есть немало, что чужеземцы
могли бы перенять у нас – вос-
точное радушие, азиатское
гостеприимство без западной
наигранности».

Сапунов: Я бы попробовал.

Азер Гариб: Я – нет. Я не такой экстремал, хотя в Индии, несмотря на предупреждения, спокойно ел на улице тамошний фастфуд. И в Таиланде тоже.

Сапунов: Как вы считаете, на Земле есть белые пятна?

Азер Гариб: Вряд ли. У меня есть мои личные белые пятна.

Сапунов: А в Азербайджане есть белые пятна? Мне наша родина представляется чрезвычайно неисследованной.

Азер Гариб: Да, я с вами согласен. Много туристических штампов, но если серьезно покопаться, можно ведь обнаружить массу интересных с точки зрения истории, географии, этнографии мест. О них порой знает только местное население, но не упоминает ни один путеводитель.

Сапунов: Кто в мире на нас похож? Какой народ вам напомнил азербайджанцев?

Азер Гариб: Итальянцы! Экспрессивные, темпераментные.

Только вот пустые банки из окон не выбрасывают.

Сапунов: У кого мы могли бы что-то перенять?

Азер Гариб: Есть немало, что чужеземцы могли бы перенять у нас – восточное радушие, азиатское гостеприимство без западной наигранности. А у иностранцев мы могли бы перенять умение стоять в очередях, вести себя нормально на дорогах и, пожалуй, культуру полемики. Расскажу вам один эпизод. Я вообще-то к спорту равнодушен, но в Англии как-то отправился на футбольный матч – поглядеть, как там все происходит. Даже не помню, кто играл. Я наблюдал за болельщиками! Одна часть трибун орала оскорбления в адрес другой, скандировали какие-то обидные речевки, лозунги. Те, другие, тоже не оставались в долгу. Я думал, что после игры эти тиффози порвут друг друга, а заодно и меня. А они все вместе отправились пить пиво! Так и в политике. Как оппоненты, они могут до умопомрачения спорить, кричать друг на друга, а затем спокойно пить друг с другом кофе. Нашим бы такие навыки! У нас те, кто больше всех говорит о демократии, больше всех и нетерпим к другой точке зрения. И еще есть у нас такая категория людей – как видят иностранца, принимаются жаловаться на свою страну. «Все плохо! В Гюняшлях вода не идет!» В Европе, те же итальянцы, могут ругать свою страну, обсуждать недостатки, проклинать на чем свет стоит, но если к ним приблизится иностранец, они прекратят свои распри. Если я, например, в компании англичан буду выступать на тему «Какой Азербайджан плохой!», на меня посмотрят не очень хорошо: это приз на дурного тона – критиковать родину при посторонних!

Сапунов: В какой стране вы хотели бы жить? Не вообще эмигрировать, но жить, скажем, по несколько месяцев в году?

Азер Гариб: Я не очень люблю бакинские зиму и лето. Летом уезжал бы на Ривьеру, в Лигурию. А зиму я предпочел бы проводить на Лангкави. Уютный остров, где можно купить домик за 20-30 тысяч долларов, нанять служанку за 100 дол-

ларов, гулять в джунглях, купаться в теплом море. И машина не нужна, и одежда не нужна.

Сапунов: И опять же мусульманская страна, если есть нужда в религиозных отправлениях. Я на Лангкави был как раз во время Курбан-байрама.

Азер Гариб: Вот еще хотел бы отметить разницу толкования ислама у нас и в Малайзии. У нас, очевидно, сказывается близость Ирана. А в Малайзии ислам светлый, радостный, позитивный. Рамазан – у них большой праздник! Люди танцуют, везде столы накрывают! У них во время рамазана престижно справить свадьбу! Ифтар наступил – играй свадьбу!

Сапунов: Какая страна вас разочаровала?

Азер Гариб: Бруней! Я думал, если их султан самый богатый человек в мире, то и страна соответствующая. Ан нет! Бедная страна. Аэропорт похож на наш старый автовокзал.

Сапунов: Путешествия не единственное ваше занятие. Русскоязычный интернет-канал azgu.tv достиг своего «потолка»?

Азер Гариб: Надеюсь, что нет. Конечно, этот проект абсолютно убыточен, существует только на наши с братом средства и только благодаря авторам-альтруистам, которые ведут на канале свои проекты без каких-либо гонораров. Я надеюсь, что рано или поздно кто-то из рекламодателей проникнется социальной значимостью этой затеи. Однако пока я своими призывами никого пробить не смог.

Сапунов: Вы давно никуда не выезжали?

Азер Гариб: Давно! Уже полгода никуда не выезжал. Это связано с проблемами спонсирования программы «Оралар». Что, в свою очередь, связано с тем, что рекламодателям неинтересна реклама на нашем телевидении. Это телевидение для домохозяйек. Для крупных банков или страховых компаний они не являются целевой аудиторией.

Сапунов: Что же делать с телевидением?

«Вот еще хотел бы отметить разницу толкования ислама у нас и в Малайзии. У нас, очевидно, сказывается близость Ирана. А в Малайзии ислам светлый, радостный, позитивный. Рамазан – у них большой праздник! Люди танцуют, везде столы накрывают!»

Азер Гариб: Должен измениться подход. Телеканалы не должны производить программы. Так не должно быть. Их задача вещать. А я плачу телеканалу за эфир. Это нонсенс! Это даже не позавчерашний день!.. Я не уверен, что так вообще когда-либо было в мировом телевидении. Телеканал может производить новости, остальное должен покупать.

Сапунов: Свежую передачу ждать не скоро?

Азер Гариб: Я начал писать книгу – в жанре путевых заметок. Тут старых впечатлений еще года на три хватит. И еще хочу запустить блог о путешествиях.

Сапунов: Если я не ошибаюсь, на старом сайте oralar.az была рубрика эпиграмм. Куда она делась?

Азер Гариб: *(вздыхает)* Да, была ...

Сапунов: Обижаются?

Азер Гариб: Обижаются. Единственный, кто не обижался, – Азад Рагимов. Всегда меня спрашивал: «Есть новая эпиграмма на меня?» Хафиз Пашаев предлагал мне выпустить книжку эпиграмм с его иллюстрациями (он хорошо рисует), но так и не случилось. Сейчас иногда пишу в стол.

Сапунов: Эпиграммы в стол – очень характерная черта эпохи... Причем не столько цензура давит, сколько самоцензура.

Азер Гариб: Внутренняя цензура мешает. И еще мешает завязка на личных связях. Страна небольшая, все друг друга знают. Написал я в Facebook о своем недовольстве по поводу одного сервиса. Мне позвонил такой человек, которому я не смог отказать. Он мне не начальник, не родственник. Но я не смог. Вот такое положение вещей нас тормозит. Часто плохие работники оказываются хорошими знакомыми. И они всегда могут позвонить.

2012 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... Саадат
Кадыровой

Урожденная ашхабадка, но давно уже москвичка, обладательница трех вузовских дипломов и внушительного послужного списка, эксперт в области внешней политики и обозревателка крупнейшего в России информационного агентства, Саадат Кадырова очень занятая человек. При этом она живое доказательство того, что работа в политике, работа рядом с политикой отнюдь не лишают девушку обаяния и женственности.

Текст: Вячеслав Сапунов | Фото: Руслан Набиев

«Зеленый диван» с Саадат Кадыровой

2012

УРОЖДЕННАЯ АШХАБАДКА, НО ДАВНО УЖЕ МОСКВИЧКА, ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА ТРЕХ ВУЗОВСКИХ ДИПЛОМОВ И ВНУШИТЕЛЬНОГО ПОСЛУЖНОГО СПИСКА, ЭКСПЕРТ В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ОБОЗРЕВАТЕЛЬ КРУПНЕЙШЕГО В РОССИИ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА, СААДАТ КАДЫРОВА ОЧЕНЬ ЗАНЯТОЙ ЧЕЛОВЕК. ПРИ ЭТОМ ОНА ЖИВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО РАБОТА В ПОЛИТИКЕ, РАБОТА РЯДОМ С ПОЛИТИКОЙ ОТНЮДЬ НЕ ЛИШАЮТ ДЕВУШКУ ОБАЯНИЯ И ЖЕНСТВЕННОСТИ.

Сапунов: Куда ни кинешься, какой сайт ни откроешь, тебя везде расспрашивают о политике. Не находишь ли ты этот образ эксперта односторонним? А ведь ты любишь стихи, кулинарию и что-то еще. Что еще, кстати?

Кадырова: Спасибо, Слава, что ты начал разговор не с политики и вопросов о диаспоре. Да, действительно пишу стихи, сейчас собираю материал для книги, люблю готовить. Полюбила путешествовать... Насчет одностороннего образа эксперта, наверное, это происходит потому, что у меня не очень-то традиционная для восточной девушки профессия, и,

конечно, это в первую очередь вызывает интерес. А когда спрашивают про политику, на все остальное не остается времени.

Сапунов: Все знают, что ты работаешь в ИТАР-ТАСС – одном из крупнейших мировых информационных агентств. Что входит в круг твоих обязанностей?

Кадырова: Пишу изо дня в день о том, что происходит в мире внешней политики. Летаю в пуле с министром иностранных дел Сергеем Лавровым, естественно, это накладывает дополнительные обязательства.

Сапунов: Чему научила тебя работа в ИТАР-ТАСС?

Кадырова: Конечно, пришлось переучиваться писать, у информагентств свой стиль. В иных публикациях можно растекаться по древу, здесь же нужен более собранный, более насыщенный слог, конкурентная борьба между информационными агентствами идет на минуты. И когда я подписываюсь просто Саадат Кадырова – я несу ответственность только за себя. Но за подписью Саадат Кадырова, ИТАР-ТАСС стоит ответственность намного большая. Этому уровню надо соответствовать. Критерии жестче, требования выше. Всегда нужно быть собранной и при этом не потерять некую журналистскую изюминку, ради которой завтра купят ту или иную новость.

Сапунов: Ты работала в «Яблоке», ты была помощницей Хакамады. Что было самым трудным в сотрудничестве с такими личностями, как Григорий Явлинский, Ирина Хакамада?

Кадырова: С одной стороны, работать с людьми известными, именитыми всегда сложно. С другой стороны, это не мыльные пузыри, за которыми ничего не стоит. Это умные, профессиональные люди. А с профессионалами работать легко – не нужно доказывать, что черное – это черное, а белое – это белое. Они с полуслова все понимают.

Сапунов: Ты сумела закончить сразу два университета, а

затем еще один. И производишь впечатление очень занятого человека. Как ты все успеваешь?

Кадырова: Вопрос самоорганизации! Если человек хорошо организован – у него возможности просто нереальные! Он может успеть очень многое! А если вы будете постоянно себя жалеть: «Лягу-ка пораньше да посплю до одиннадцати», «Погуляю с друзьями, а дела подождут», – тогда вы, разумеется, ничего не успеете.

Сапунов: Главное правильно расставить приоритеты?

Кадырова: Да. В первую очередь делать то, что нужно. Сначала я должна дочитать, дописать, доучить, а уж потом идти гулять. И только так можно успеть все.

Сапунов: Сейчас ты еще и преподаешь. Представляю, какого размера у тебя CV...

Кадырова: Был в моей жизни такой интересный случай. Я пришла устраиваться на работу в очень серьезную компанию, и ее руководитель (весьма известная личность, не буду называть его имени), ознакомившись с моим CV – тогда оно было раза в три меньше, – сказал: «Вы знаете, Саадат, вы слишком хороши для этой позиции. Если я вас возьму, вы можете уйти через год, а мне здесь нужен человек постоянный». И с такой формулировкой я сталкивалась не раз. И наоборот, один начальник из международной структуры мне как-то сказал: «Вы работали с Явлинским? С Хакамадой? Беру без собеседования!» Хотя Хакамада мне советовала: «Знаешь, Сада, если ты хочешь нормально существовать в России, вычеркни эти две фамилии из своего резюме!»

Сапунов: Не убрала?

Кадырова: Нет, конечно. Никогда не изменю свои имя фамилию на более удобные в России. И никогда не вычеркну из послужного списка имена людей, с которыми работала. Даже если завтра этих людей будет разыскивать Интерпол. Это мое

прошлое, мне за него не стыдно. Я уважаю этих людей.

Сапунов: А удавалось ли тебе как-то на них влиять?

Кадырова: Ну это у них надо спросить... хотя был случай. Ты до интервью спрашивал меня про Алексея Навального, сейчас у меня почему-то все про него спрашивают...

Сапунов: Да...

Кадырова: Он вместе со мной начинал работать в «Яблоке». И когда я впервые услышала от Алексея Навального националистические высказывания вроде «вы – чернож...е», я рассказала об этом Григорию Алексеевичу Явлинскому. Тот ответил: «Сада, ты же понимаешь, что мы не можем сейчас порочить имя партии, вынося на обсуждение подобные ситуации». И тогда я сама вышла из партии. А когда спустя несколько лет Навального с треском вышибли из «Яблока» по той формулировке, мне передали, что руководство отмечало: «Девочка, годящаяся нам в дочери, еще несколько лет назад предупреждала о том, до чего мы дошли только сейчас».

Сапунов: Недаром же ты и преподаешь уже. Религиоведение преподавала, сейчас – лоббизм, управление информацией, теорию интервью, как я слышал...

Кадырова: Да, сейчас преподаю в МГУ.

Сапунов: Так каковы же главные принципы интервью?

Кадырова: Истинное лицо человека вы узнаете лишь тогда, когда выведете его из зоны комфорта. Но это очень тонкая грань. Нельзя загонять человека в угол. Надо дать своему собеседнику возможность красиво выйти из ситуации. Открыть перед ним две двери и посмотреть, в какую он выйдет.

Сапунов: Попытаюсь соблюсти ту грань ... Ты как-то призналась, что твой любимый город – Баку.

Кадырова: Да, это так.

Сапунов: Но ведь ты полжизни провела в Ашхабаде, другую

половину – в Москве. А любишь Баку. Как же так?

Кадырова: А в чем вопрос?

Сапунов: Почему любишь Баку больше, чем родной Ашхабад и ставшую родной Москву?

Кадырова: Азербайджан – моя родина, а еще, может, потому, что не живу здесь. Приезжаю сюда к друзьям. Здесь все родное: язык, еда, запахи. А поскольку я здесь не работаю, то ничто не отягощает моего пребывания в этом замечательном городе.

Сапунов: Что тебя здесь чаще всего спрашивают о России?

Кадырова: Чаще всего задают вопросы о диаспоре.

Сапунов: Может ли Азербайджан в чем-то рассчитывать на свою диаспору?

Кадырова: Сегодня нет. В Москве огромное количество умных, талантливых людей, но они неорганизованы.

Сапунов: Возможно ли их организовать?

Кадырова: Я не очень верю в искусственные организации. Признаю только пассионарность. Ты знаешь, я считаю, что нам надо быть более толерантными друг к другу и менее – к остальным. Пока все наоборот. Мы очень любим гостей, но к своим чрезвычайно нетерпимы.

Сапунов: Что тебе в нашем менталитете близко, а что ты не приемлешь?

Кадырова: Люблю нас и потому отмечаю все, что мне некомфортно. А нравится мне то, что в наш ем менталитете есть разделение на мужские и женские обязанности, что наши мужчины пока еще должны содержать семью, а женщины хранить очаг (*улыбается*). Я за неравноправие в семье, я за то, чтоб мужчина принимал решения и брал на себя ответственность – и за успехи, и за провалы своих решений.

ХАКАМАДА МНЕ СОВЕТОВАЛА:
«САДА, ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ
НОРМАЛЬНО СУЩЕСТВОВАТЬ
В РОССИИ, ВЫЧЕРКНИ ЭТИ ДВЕ
ФАМИЛИИ ИЗ СВОЕГО РЕЗЮМЕ!»

Сапунов: Ты готова доверить какому-то мужчине право принятия решений?

Кадырова: *(смеется)* Я даже готова вручить ему символический ключи к от всех возможных решений.

Сапунов: Ты же самостоятельная женщина, ты же...

Кадырова: Именно поэтому, Слава! Именно поэтому!

Сапунов: Устала? Надоело?

Кадырова: Для меня нет проблемы с принятием решений. Москва – это большой мастер-класс, после которого можно жить хоть в Мозамбике или в Афганистане, и вам не будет страшно. Дело в другом: найдется ли мужчина, способный принять решение за меня?

Сапунов: Суровые принципы, четкие правила... Тебя никогда не называли железной леди?

Кадырова: Ну какая железная леди? Я когда смотрю сентиментальное кино, плачу. Те, кто знают меня поближе, наверняка даже не поймут вопроса... Я сказала тебе, что признаю первенство мужчин в семье, что готова передать право решения вопросов мужчине. Где тут железная леди?! Может, дело в том, что сегодня так мало людей с принципиальной позицией, что если человек не прогибается, не подхалимничает и говорит то, что думает, – это уже признак несгибаемой воли?!

Сапунов: Да, иные побаиваются умных и сильных женщин.

Кадырова: С сильной женщиной не нужно самоутверждаться, эффективнее сделать ее своим партнером. Умные мужчины поступают именно так – делают их своими единомышленниками и добиваются очень многого.

Сапунов: Что для тебя главное в жизни?

Кадырова: Внутренний комфорт, который, между прочим, никак не связан с материальной ситуацией. Бывали моменты, когда у меня все было прекрасно с денежной точки зрения, но при этом я чувствовала себя очень неудобно. И напротив, не было средств к существованию, а мне было так хорошо! Потому что было с чем сравнивать. Если опуститься до простейших примеров... С одним мужчиной будет уютно даже в троллейбусе, и ты будешь чувствовать себя Женщиной, понимать, что с тобой Мужчина, с которым ничего не страшно. Ты способна взять сумку, в которой будут два пиджачка и ботиночки, да пойти за ним на край света, жить в коммуналке, испытывая абсолютное счастье. И наоборот: есть мужчины, с которыми будет жутко дискомфортно даже в роскошном Mercedes-Benz, и ты с ними не захочешь оставаться ни при каких обстоятельствах.

Сапунов: Чего еще ты избегаешь в жизни?

Кадырова: Я в жизни стараюсь избегать зависимости от ситуаций и от людей. Я выбираю друзей и работу по состоянию внутреннего уюта, не потому что так выгодно, а потому что мне комфортно с этими людьми и на этой работе.

Сапунов: Завтра ты возвращаешься в Москву. К кому?

Кадырова: Хороший вопрос. К себе, наверное (*улыбается*). Жизнь – она есть или ее нет. Как определить, каждый сам решает. В жизни мы одни рождаемся на свет. И одни мы в этой жизни умираем. Вот так.

2012 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... Исой
Меликовым

Иса Меликов - фронтмен современного азербайджанского шоу-бизнеса, одинаково успешный продюсер и композитор, с чьим именем далеко не в последнюю очередь ассоциируется победа Азербайджана на конкурсе Евровидение в Дюссельдорфе. Говорим о музыке, о времени и, конечно, о звездах.

«Зеленый диван» с Исой Меликовым

2012

Иса Меликов – фронтмент современного азербайджанского шоу-бизнеса, одинаково успешный продюсер и композитор, с чьим именем далеко не в последнюю очередь ассоциируется победа Азербайджана на конкурсе Евровидение в Дюссельдорфе. Говорим о музыке, о времени и, конечно, о звездах.

Сапунов: Что в композиторском искусстве является критерием профессионализма? Чем отличается профессионал от непрофессионала? Нужно знать ноты?

Меликов: Ноты – это хорошо! Я знаю ноты. Но! Если человек придумывает мелодии, если у него в голове образуются некие музыкальные фрагменты, как можно сказать: «Ты не композитор! Оставь это занятие!»?.. Есть три профессии, в которых я полностью отсекаю любительство – это судья, это учитель, это врач. Здесь я не допускаю никаких компромиссов. Но если ты нарисовал картину, написал музыку – хотя бы для себя – к этому я отношусь более демократично. И пусть меня закидают камнями профессионалы старшего поколения, но я не сторонник закидывания камнями кого-либо, пы-

тающего придумывать музыку.

Сапунов: Так в чем же отличие профи и дилетанта?

Меликов: Определенные навыки, способности, приобретаемые в процессе обучения. В мире немало мюзикмейкеров (не буду называть их композиторами, чтоб никого не раздражать), которые пишут хорошо, у них есть мировые хиты, но они не знают даже нот.

Сапунов: Гангста-рэп какой-нибудь?

Меликов: Хотя бы! А если ты знаешь ноты – это нужно прежде всего тебе, потому что так удобнее работать. А если не знаешь, то мой совет таким людям: идите и наконец выучите их, это не сложно, и никогда не поздно. В музыкальную школу можно поступить в любом возрасте.

Сапунов: С профессионализмом почти ясно. А что такое быть современным композитором? Ты современный?

Меликов: Я надеюсь. Я всегда боялся упустить момент, когда перестану быть современным композитором.

Сапунов: Быть современным – быть таким как все?

Меликов: Нет. Это быть... Сложное определение, очень обширное... Это... Это чувствовать время, понимать, что все меняется каждую секунду, и стараться меняться вместе с ним. Иногда я успеваю, иногда запала не хватает.

Сапунов: Значит гонишься за кем-то?

Меликов: Надо гнаться. Хотя есть тип творческих личностей, утверждающих «Я не гоняюсь за временем, я делаю то, что мне нравится». Это другой подход. Я лично до конца буду гнаться, хотя с возрастом, боюсь, буду отставать все больше.

Сапунов: То есть пожилой композитор не может быть современным?

Меликов: За исключением композиторов, занимающихся

классической музыкой, все рано или поздно начинают отставать от новомодных тенденций, находя что-то своё на определённом этапе, бросая якорь. Это мое наблюдение... Тот же самый R.Kelly – и композитор, и певец... Он дошел до какой-то точки, там закрепился, вбил колышек и сказал: «Я здесь буду работать». И сейчас уже можно увидеть, в свою очередь, много молодых музыкантов, которые работают в том подформате R&B, который выбрал для себя R.Kelly, к примеру, уже делая из этого подформата свой тренд. Я рано или поздно перестану гоняться за музыкальными тенденциями и, может быть, примусь за новомодные продюсерские фишки. Но пока я чувствую в себе значительный композиторский потенциал. И вполне способен бежать за поездом.

Сапунов: А бежать впереди поезда? Быть законодателем, чтоб за тобой бежали?

Меликов: Так уж сложилось, согласно синдрому «большого ящика», что есть четыре мейджора – EMI, Sony, Universal, Warner – которые диктуют музыкальную моду. Мы не виноваты, как не виноваты, что Милан, Париж диктуют моду на одежду... Если ты в этой игре, то принимай эти правила.

Сапунов: Ты по диплому дирижер оркестра национальных инструментов. Никогда не хотелось создать оркестр национальных инструментов?

Меликов: Нет, это не совсем моё. Есть люди, которые, наверняка, лучше меня справятся с этим.

Сапунов: У народной музыки вообще есть перспективы?

Меликов: Как и в любом другом направлении. Есть любители данного жанра, есть профессионалы. Есть перспективы, просто это не мое. Мне, к примеру, интересней совмещать жанры.

Сапунов: А еще ты работал когда-то на телевидении. Что ты еще умеешь в этой жизни?

«ТРУДНО ПРОТИВООСТОЯТЬ БОЛЬШОМУ ВЫБРОСУ НЕКАЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКИ. ПОТОМУ ЧТО НЕКАЧЕСТВЕННАЯ МУЗЫКА ПИШЕТСЯ БЫСТРО И В ОГРОМНЫХ КОЛИЧЕСТВАХ. ПОТОМУ-ТО ОНА И НЕКАЧЕСТВЕННАЯ.»

Меликов: У меня на телебеджике значилось «Композитор». Но я занимался и звукорежиссурой. Владение технологиями обработки звука мне очень помогает, ускоряет мой рабочий процесс: могу сам себя записать, сам свести свой голос, отдать певцу готовую демоверсию.

Сапунов: Аранжировки тоже?

Меликов: Я все свои песни аранжирую сам. Я очень люблю хорошую технику. Есть такое пристрастие.

Сапунов: Пишешь музыку за роялем или за синтезатором?

Меликов: Я сторонник рояля, тогда из-под пальцев выходит живая музыка. Когда сочиняешь на синтезаторе, даже ощущение пластмассовых клавиш ограничивает фантазию!

Сапунов: Ты не концертирующий композитор? Нет желания выйти на сцену, как, скажем, Игорь Крутой?

Меликов: У меня есть желание, мечта написать оперу. Настоящую, академическую, не мюзикл.

Сапунов: Либретто уже есть?

Меликов: Нет! Ищу! Есть только наброски... Нужно выкроить года полтора и написать. Чувствую в себе возможности.

Сапунов: Почему бы и нет? Может, это и будет тот самый шанс вознестись над временем, за которым ты сейчас гонишься. А диссертацию защитил?

Меликов: Нет... Пишу до сих пор... Ты, как я посмотрю, обо мне знаешь очень много.

Сапунов: А вот тему не знаю.

Меликов: Мою тему очень долго утверждали – «Современные технологии обработки звука». Я хотел написать на тему, которой владею. У нас же нет пособий такого рода, нет никаких материалов... Пишу уже четвертый год, переделываю, возвращаюсь... Ведь появляются новые технологии, новые программы. Правда, базовые принципы сохраняются.

Сапунов: Чем сейчас может прокормиться композитор?

Меликов: Написанием музыки.

Сапунов: Само собой. Но диски продаются?

Меликов: Нет.

Сапунов: На концертах можно заработать?

Меликов: Нет. Песни покупаются исполнителями. Но я в последнее время пишу немного. В последнем альбоме Нигяр Джамал из одиннадцати песен мои – две.

Сапунов: А конкуренты не дышат в спину?

Меликов: Я на них смотрю не как на конкурентов, а как на коллег. Я же еще и продюсер!

Сапунов: Хорошая идея – не бороться, а возглавить.

Меликов: Нужно подходить к себе самокритично. Для хорошего альбома нужен десяток разных песен. Быстро написать и хорошие, и очень разные я не могу.

Сапунов: Ты одна из ключевых персон в нашем шоу-бизнесе. Чувствуешь какую-то ответственность?

Меликов: Пожалуй, это не ответственность, а желание не разочаровать. Чтобы у каждой работы был знак качества. Не могу сказать, что все мои работы идеальны. Что-то получается на 90%, что-то на 60%, что-то вообще на 30. На 100 никогда не получается. Хотя я стараюсь дотягивать.

Сапунов: Наша эстрада очень часто становится объектом жесткой критики. Подчас вообще считается дурным тоном слушать местную музыку. Как ты с этим борешься-миришься?

Меликов: Я всерьез думаю над этими процессами. Трудно противостоять большому выбросу некачественной музыки. Потому что некачественная музыка пишется быстро и в огромных количествах. Потому-то она и некачественная. А качественная пишется дольше и проходит через внутренний ценз. А! Вот он критерий профессионализма! Профессионал никогда не допустит выхода некачественного продукта. А если у тебя нет ни интеллекта, ни ценза внутреннего – ты делаешь то, что делаешь. Я всегда уважал людей, которые могут себя поругать. Когда ты себя ругаешь, когда ты себя сравниваешь с чем-то высоким – в этот момент ты начинаешь расти. Во всяком случае это мой личный инструмент для воздействия на самого себя. Иногда я устраиваю для себя такую тяжелую, депрессивную терапию, просматривая, прослушивая работы каких-то очень популярных продюсеров, композиторов.

Сапунов: Тебя критикуют?

Меликов: Люблю критику аналитическую. А критику в стиле «Сам дурак» не очень. Люблю критику от людей, которые чего-то добились, в своей области, не обязательно в музыке. А критика от дилетантов выглядит жалко.

Сапунов: Ты работаешь со звездами. Чему тебя это научило? И вообще что делает человека достойным звания звезды?

Меликов: Для звезды важно осознать свою звездность, переварить ее и не сделать из этого флага. Если же ты поднимаешь свой гордый флаг «Я – звезда!», ты этим самым все свои

достижения перечеркиваешь. Зритель всегда чувствует, когда у звезды начинается «сносить башню». У многих людей есть комплексы, и если знаменитость принимается прикрывать эти комплексы гонором, то зрители видят и комплексы, и неуклюжую попытку их прикрыть. Чем проще знаменитость, чем искреннее – тем больше ее будет любить публика. В этом большой плюс забугорных звезд. Вы замечали, когда приезжают какие-то иностранные знаменитости – они просты и адекватны. Это отработанная годами технология! Это бизнес, в котором адекватное поведение артиста зачастую даже регулируется контрактом.

Сапунов: На что имеет право звезда?

Меликов: Сенека сказал, что Цезарю многое непозволительно потому что ему дозволено все. У звезд больше ограничений, чем возможностей. Если ошибется простой че-

«Если знаменитость принимается прикрывать эти комплексы гонором, то зрители видят и комплексы, и неуклюжую попытку их прикрыть»

ловец, это никто может и не заметить. Если оступится звезда – это сфотографируют со всех ракурсов и опубликуют повсюду.

Сапунов: Иса, есть ли жизнь после Евровидения?

Меликов: Да, я в какой-то момент понял, что жизнь для меня разделилась на две части – до и после Евровидения, на котором победили Нигяр и Эльдар. Помню свою эйфорию, начавшуюся в Германии. Не ел, не спал, ходил по Дюссельдорфу и размахивал флагом. Флаг выпустил только в Баку, когда он уже стал отпарываться от древка, столько я им размахивал.

Сапунов: Меня волнует вот что. Победа на Евровидении – это высочайший пик в истории нашей культуры, это Эверест! Но после восхождения на Эверест неминуем спуск. Или у нас есть еще вершины, к которым стоит стремиться?

Меликов: Следующий этап – это ротация на медиамонстрах – MTV, Viva и так далее. Это будет новый серьезный и масштабный прорыв. Нужно организовывать фронт современных, форматных артистов, чтобы наши победы были не разовыми, а постоянными.

2012 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... Вахидом
Мустафаевым

Президент группы компаний ANS Вахид Мустафаев (Нахыш) работает 36 часов в сутки: руководит холдингом, снимает кино, побывал практически во всех «горячих точках» земного шара, как фронтовой журналист. На нашу встречу он пришел минута в минуту. Вместе с ним был советник Маис Мамедов — патриарх азербайджанской тележурналистики.

Текст: Вячеслав Сапунов | Фото: Халид Зейналов

«Зеленый диван» с Вахидом Мустафаевым

2012

ПРЕЗИДЕНТ ГРУППЫ КОМПАНИЯ ANS ВАХИД МУСТАФАЕВ (НАХЫШ) РАБОТАЕТ 36 ЧАСОВ В СУТКИ: РУКОВОДИТ ХОЛДИНГОМ, СНИМАЕТ КИНО, ПОБЫВАЛ ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕХ «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ» ЗЕМНОГО ШАРА, КАК ФРОНТОВОЙ ЖУРНАЛИСТ. НА НАШУ ВСТРЕЧУ ОН ПРИШЕЛ МИНУТА В МИНУТУ. ВМЕСТЕ С НИМ БЫЛ СОВЕТНИК МАИС МАМЕДОВ – ПАТРИАРХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ.

Сапунов: Кажется, вы первый наш герой, у которого есть телохранитель...

Мустафаев: *(улыбается)* Вы Маиса-муаллима считаете телохранителем? У меня никогда не было телохранителя и не может быть. У меня специфическое отношение к спорту...

Сапунов: А на недавней презентации часов с вами был не телохранитель?

Мустафаев: Нет, вы, наверно, приняли за мою личную охрану службу безопасности Raymond Weil. Мы пережили очень серьезные времена в истории развития компании. Большую часть жизни занимались стрингерством, были дей-

ствительно серьезные, тяжелые моменты. Но! Мама моя всегда говорила: «Если у тебя есть проблема, не нужно в нее вовлекать еще кого-то». Телохранитель – это всегда возможность кого-то подставить. Мы этим не занимаемся. Да я и не нуждаюсь в телохранителе, слава Богу.

Сапунов: Ваша биография очень насыщена. Когда-то в ней важное место занимал и рок, группа «Чарли Атл». Куда пропал азербайджанский рок?

Мустафаев: В нашей жизни рок был всегда и сегодня есть. Просто поднять эту субкультуру на высокий уровень не получилось, потому что в Азербайджане есть своя исконная музыкальная культура, с которой року трудно конкурировать. Легче всего року было пробиться в Соединенных Штатах, где не было никакой музыкальной предыстории. А у нас богатейшие музыкальные корни – азаны, ашуги, мугамат и так далее... Мы занимались роком в конце 1980-х годов, когда был золотой век рока, как 1960-е были золотым веком джаза. Вообще я должен вам сказать: отдельно взятый азербайджанец, если он, что-то делает, то делает это великолепно, на очень высоком уровне. Просто большое количество людей не делает ничего.

Сапунов: Почему же вы тогда не нашли режиссера для своих фильмов?

Мустафаев: В этой области у нас тоже проблемы. Хотя азербайджанский кинематограф – это очень серьезная сфера, которая до сих пор совершенно не исследована. Александр Мишон снял первый азербайджанский фильм в 1898 году! Скажу вам больше. Азербайджанское кино долго шло вровень с американским! В 50-х годах Говард Хоуке снял «Вождя краснокожих», и почти в это же время вышла комедия Гасана Сеидзаде «Не та, так эта». После эпической драмы Куросавы «Семь самураев» и американского вестерна «Великолепная семерка» Тофик Тагизаде снял «Семь сыновей моих». И наши

фильмы, ничем не уступающие мировым шедеврам ни в техническом, ни в художественном плане, получали призы в Каннах! Что случилось потом? Распался Советский Союз, к власти пришли чиновники, которые не понимали, что такое культура, финансирование кино упало, разрушилась система кинопроката. Так мы потеряли кинематограф. И сегодня мы пожинаем плоды того уродливого времени. Сфера должна развиваться. Когда у Наполеона спросили, что нужно для того, чтобы выиграть бой, он сказал: «Три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги». Сейчас президент выделил деньги, и все должно сдвинуться с мертвой точки, к позитиву. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить главу нашего государства. Без его помощи нам было бы очень сложно...

Сапунов: Сколько стоила ваша картина «Ходжа»?

Мустафаев: У меня после ответов на такие вопросы обычно появляются проблемы... Потому что государственные институты заявляют очень завышенные цены, они снимают, на мой взгляд, не очень серьезные фильмы за несколько миллионов манатов. А я снимаю масштабные вещи, бюджет которых не дотягивает до миллиона. Фильм «Ходжа», в котором было уничтожено 7-8 автомобилей, 4-5 зданий, где в массовках участвовало 3 тысячи человек, обошелся в 750 тысяч манатов, включая питание во время съемок. Фильм был очень сложный с точки зрения производства... У меня есть в данном случае преимущество перед многими режиссерами с академическим кинообразованием, способными просто экранизировать сценарии. Я знаю войну изнутри – я был на всех войнах, кроме, пожалуй, Руанды – от Афганистана до Боснии.

Сапунов: Вы сами снимаете?

Мустафаев: Конечно, я сам езжу, не пускаю своих корреспондентов, это опасно. В марте прошлого года я был в Египте и Ливии.

Сапунов: Ищете приключения?

Мустафаев: Нет, мы просто работаем.

Сапунов: Опасная работа для главы огромного холдинга!

Мустафаев: Азербайджанский зритель должен получать качественные новости, созданные его соотечественником. Я обязан это делать, и я умею это делать! Когда мир потерял Гамсахурдиа (*первый президент Грузии, – В.С.*), когда все думали, что он уже умер, я сделал репортаж и интервью с ним в бункере! Кстати, это стало причиной открытия телеканала: нас уже достало, что мы делаем репортажи мирового уровня, а их приписывают ВВС или какому-то другому каналу, просто купившему у нас эти материалы. И мы решили показать своему народу: «Ваши дети могут делать такое телевидение!» И Дудаева мы выгаскивали, и Басаева, и из Афганистана шли мои репортажи с Хекматеяром (*премьер-министр Афганистана, лидер Исламской Партии Афганистана, – В. С.*), считавшимся погибшим во время бомбежки.

Сапунов: Вы часто рискуете...

Мустафаев: Для меня намного рискованней играть в большой теннис, к котором, как я читал, самый большой травматизм. Никогда не буду играть в большой теннис. А война – это профессия.

Сапунов: Главное не потерять чувство опасности.

Мустафаев: Да. Я знаю людей, у которых не было этого чувства, и поэтому их сейчас нет среди нас. Один из них – мой брат Чингиз Мустафаев. А на войне что в первый день, что в последний, страх не уменьшается. Как говорил мой отец, мужество это не отсутствие страха, мужество – это наличие идеи, ради которой можно наступить на горло страху. А таких идей много, и мы за ними гонимся до сих пор.

Сапунов: Что скажете про наше телевидение?

Мустафаев: Телевидение в погоне за рейтингом, за GRP

«Распался Советский Союз, к власти пришли чиновники, которые не понимали, что такое культура, финансирование кино упало, разрушилась система кинопроката. Так мы потеряли кинематограф.»

(Gross Rating Point – рейтинг, который показывает общее количество контактов аудитории с событием, – В.С.) снизил свой уровень до общей массы, ведь процент тонкой прослойки интеллигенции куда меньше. Если интеллигенция смотрит передачи с более глубоким контентным характером, то для масс достаточно соблюдения древнеримского лозунга «Хлеба и зрелищ!» Это должно регулироваться. В цивилизованных странах есть законы, регламентирующие количество образовательных программ, передач о путешествиях и так далее. У нас таких законов нет. Сфера молодая, и я думаю, что этим кто-то должен заниматься и, возможно, занимается. Но мы пока этого не чувствуем. Вам я скажу первому: с нового сезона мы значительно поменяем лицо ANS; у нас будет меньше развлекательных передач, больше новостей. Эфир будет очень интересным. Мы приглашаем специалистов из Европы и Азии для достижения международного уровня вещания.

Мы открываем корпункты в США, Турции, России. Будем служить своему народу на более высоком уровне.

Сапунов: Кто вы по образованию?

Мустафаев: Я мелиоратор, закончил инженерно-строительный институт. Это очень помогает в моей жизни, потому что подготовить почву к орошению, обогатить ее и взрастить на ней плоды – всё это требует большого искусства. Это очень хороший тренинг по менеджменту.

Сапунов: Свой характер вы могли бы описать?

Мустафаев: Это зависит от угла зрения. Для мамы я очень добрый, очень ласковый. Мама говорит: «Похвали его немножко – сядь на него и езжай». Для врагов, естественно, картина другая...

Сапунов: А изнутри?

Мустафаев: Изнутри... Раньше не задумывался... Пожалуй, я человек, который все время должен работать.

Маис Мамедов: Он трудоголик! Он пытается из 24 часов сделать по крайней мере 36! Может ночью поднять людей и сказать: «У меня идея!» Он двигатель всего нового! Но если вы думаете, что его все любят... У него врагов больше, чем друзей.

Мустафаев: Я так не считаю!

Сапунов: Может быть, вы не знаете о ваших врагах потому, что вас защищают ваши друзья?

Мустафаев: Я уверен, что у человека доброе начало главенствует. Каждый человек хороший, все люди добрые. Бог нас такими создал. Аллах не может ошибаться. Просто обстоятельства порой заставляют людей выбирать методы, которые их не красят.

Сапунов: Что вас раздражает в людях?

Мустафаев: У нас сейчас есть очень серьезный стимул и очень много горячего, чтобы поднять нацию во всех сферах. Есть люди, которые этого не понимают; эти люди делают вещи, из-за которых развития не происходит. И еще меня раздражает лень.

Сапунов: Какими достоинствами надо обладать, чтобы устроиться к вам на работу?

Мустафаев: Это вопрос, скорее, к HR... Наверно, прежде всего надо быть профессионалом в своей области.

Сапунов: Но во многих отраслях у нас попросту не учат. И с профессионализмом все не так хорошо, как хотелось бы.

Мустафаев: Да, это большая проблема, с которой мы только сейчас начинаем сталкиваться. В ближайшие десять лет нас ожидают еще большие проблемы в этой области. Сравним Азербайджан с Турцией. Я помню, в период, когда я учился в школе, у нас в стране 98% населения были образованны. В Турции этот процент был ниже 50. Сегодня, боюсь, что мы отстаем от Турции в сфере образования. И этого мы «добились» всего за 20 лет ... В XX веке мы подарили миру минимум 5-6 выдающихся композиторов, а Турция – ни одного. Зато сейчас ситуация иная. И меня возмущает, что у нас такие проблемы с национальным самосознанием, которые непосредственно связаны с образованием.

Сапунов: Может, стоит очередное кино этому посвятить?

Мустафаев: Совершенно верно! Многое связано и со знанием истории, ее героев. Возьмем, к примеру, армянское нашествие на Баку в 1918 году. Нам говорят, что нас спасли турки. Великолепно! Но неужели все азербайджанцы сидели и ждали, когда их спасут? Нет, нашествию оказывали сопротивление наши вооруженные формирования, с врагами дрались азербайджанские гочу. Потом они также оказывали сопротивление XI Красной Армии. Позже их называли врагами. Но сегодня мы же понимаем, что они боролись за неза-

висимость Азербайджана!.. Или возьмем трагедию 20 Января. Вы можете назвать хоть одного героя из оказывавших сопротивление входящим советским войскам? Нет. Но ведь они же были! Я сам участвовал в этих событиях и видел этих людей. Но их имен нет. На Аллее Шехидов захоронены, в основном, невинные жертвы.

Сапунов: О чем ваш новый фильм?

Мустафаев: Один фильм я хотел снимать уже в этом году – о событиях 20 Января. Но в силу некоторых обстоятельств сейчас полностью переписываю сценарий. А следующий фильм будет посвящен 1918 году. Там будут названы имена выдающихся сынов Азербайджана, защищавших нашу страну. Это очень важно для национального самосознания. Не нужно думать, что нас все время кто-то спасает. Надо четко знать, что мы сам и не лыком шиты, и как нация готовы в любой момент любому неприятелю дать отпор.

2012 год

«Зеленый диван» с Бахрамом Багирзаде

2012

НАРОДНЫЙ ЛЮБИМЕЦ БАХРАМ БАГИРЗАДЕ – «ПА-РЕНЬ ИЗ БАКУ», АКТЕР, РЕЖИССЕР, ХУДОЖНИК, ИЗДА-ТЕЛЬ – НЕДАВНО ТИХО ОТМЕТИЛ СВОЕ 40-ЛЕТИЕ. ГРУСТНО ЭТО ИЛИ ВЕСЕЛО – ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ ОСОБО ТОЖЕ НЕКОГДА. ПОТОМУ ЧТО ЕСТЬ БОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ЗА-БОТЫ И МЫСЛИ.

Сапунов: Все определено началось с КВН, с легендарной команды «Парни из Баку», где была неременная линейка фронтменов: Тимур Вайнштейн, Энвер Мансуров, Вадо Корвин, Олег Бланк и другие. А ты был неким фронтфронтменом – первым из первых, таким символом команды и следовательно – символом страны. Изображал ли ты азербайджанца среднестатистического, азербайджанца идеального или, может быть, какого-нибудь другого?

Багирзаде: Во-первых, все началось, не с КВН, а раньше, с ансамбля «Джуджальарим», в котором я танцевал в 1978 году. Когда в Баку приезжал Леонид Ильич Брежнев, я вручал ему цветы на сцене Дворца Ленина. Затем я играл детские роли в телепостановках из цикла «Вечер рассказов», танцевал в ан-

самбле «Айпара» у Вагифа Герайзаде. Однажды, во время фестиваля «Бакинская осень», наши танцы увидел капитан сборной Баку Анар Мамедханов. Он вспомнил меня и по школьному КВН, где я уже был «парнем в кепке», и пригласил в команду, правда, сперва в качестве танцора. Я не был фронтменом, а подтанцовывал где-то на третьей линии. А потом мне поручили две фразы, которые я помню до сих пор: «Ответное письмо нефтяников заканчивалось так...» и «Уж больно!» Их я произносил на игре «Львовских гусар» и «Магмы» в 1991 году. Я стоял на сцене с краю, но когда Юлий Соломонович Гусман увидел, что я отыгрываю все шутки, он посоветовал «переместить этого мальчика в центр». Тогда же Ян Альбертович Гельман (*художественный руководитель «Одесских джентльменов», шеф-редактор телепроектов «Городок», «Утренняя почта», «Голубой огонек». – В.С.)* вручил мне кепку и порекомендовал лепить образ среднестатистического азербайджанца. Они короновали меня на эту роль, и я жил в ней очень долго.

Сапунов: Не надоедало?

Багирзаде: Да, я даже жаловался, дескать, сколько можно? Но мне говорили: «Пока образ работает, он должен быть». И признаюсь, мне этот образ нередко помогал в быту – при встречах со всяческими гаишниками и сотрудниками министерств.

Сапунов: Мне кажется, что КВН, «Парни из Баку» были таким звездным часом, который просто не сможет повториться. Когда я в 1990-е годы предьявлял в метро удостоверение «парня из Баку», полицейские принимались улыбаться и передавать «привет Бахраму». Кстати, тебе привет от тех полицейских... Так вот, вряд ли такая всенародная любовь повторится. Грустишь ли ты от этого?

Багирзаде: Не-ет. Не стоит жить прошлым. Надо жить здесь, сейчас и в то же время думать о будущем. Я уже думаю не как актер, режиссер, а как отец, как глава семьи. Чтобы мои дети

– Джавид и Таира – когда-нибудь порадовали меня так же, как я радовал своего отца. Дочка моя уже стала чемпионкой Азербайджана по русским шашкам. На чемпионате мира заняла восьмое место среди десятилетних, хотя ей было всего восемь. Сын занимается баскетболом, плаванием, танцует.

Сапунов: Но и на себе в 40 лет крест ставить рановато, а?

Багирзаде: Конечно! В КВН в таком возрасте уже играть странно. Но творчества в моей жизни достаточно. К примеру, много снимаюсь в кино. Сейчас – в фильме по произведению Анара «Красный лимузин», вместе с Сарханом Сарханом. Режиссер Арзу Уршан. До этого снимался у Надира Мачанова в проекте Егора Кончаловского «Баку, я люблю тебя», у Юлия Гусмана в «Не бойся, я с тобой! – 2» ... Но, конечно, таких побед, как в КВН, не будет. Даже если я получу «Оскар» или приз Каннского фестиваля. Того молодого драйва уже не будет.

Сапунов: Прощание с молодостью меня тревожит еще и тем, что сейчас очень помолодела смерть. Уже умерли пятеро «Парней из Баку».

Багирзаде: Да, уже ушли актер Фарис Джасим, авторы Махир и Коля Шваров, директор команды Леня Рабинович, ушел и наш капитан Анар Мамедханов...

Сапунов: Римляне говорили: «Memento mori». Ты сам помнишь о смерти?

Багирзаде: Нет, признаться, я стараюсь об этом не думать. Хотя, как правоверный мусульманин, я, конечно, должен всегда быть к ней готовым.

Сапунов: Образ комика, от которого всегда ждут искрящегося юмора, шуток, часто бывает очень докучливым. Тяготит ли он тебя?

Багирзаде: В молодости мне это нравилось. К 30 годам это уже надоедает. А в 40 от тебя этого уже не требуют. У меня

сформировался вполне круг общения, где меня хорошо знают, и не требуют чего-то неправильного. 40 лет вполне уютный возраст. Говорят, что 40 – это старость молодости, а 50 – молодость старости. 70-летний Александр Ширвиндт сказал на 50-летнем юбилее своего друга: «Ничего не бойся. В 70 – это то же самое, что и в 50, только помедленнее».

Сапунов: А ведь есть что вспомнить из задорной молодости! Помнишь, что «Парни» вытворяли на выездах, на гастролях? Подшучивали над солнцевской мафией, издевались над ОМОНОм, проводившим в «Измайловской» ночные обыски...

Багирзаде: На Вадо наставили «Калашникова» и спросили «Где травка?». А он указал на гостиничный газон... Чего только не было! Во время круиза на лайнере «Тарас Шевченко», где половина пассажиров были армяне, я ночью спустил украинский флаг и поднял азербайджанский...

Сапунов: А каким, по-твоему, будет фильм «Не бойся, я с тобой! – 2»? Сиквелы редко повторяют успех первых картин.

Багирзаде: Мы 30 лет смотрели «Не бойся, я с тобой!». Я уверен, что новое поколение будет 30 лет смотреть его продолжение. Должно получиться очень хорошее кино!

Сапунов: Там снялось много неактеров. Например, знаменитые знатоки Балаш Касумов и Ровшан Аскеров ...

Багирзаде: С ними Юлик прямо на площадке придумал хорошую шутку. Ровшан с Балашем в кадре говорят, что азербайджанский народ должен знать всё: что, где, когда... А я предложил, чтобы мой герой – депутат-оппозиционер, ненавидящий всё и вся – сказал бы: «Веселый и находчивый народ эти анархисты!» Но Гусман не принял.

Сапунов: Что в азербайджанском кино сейчас прекрасно, а что прискорбно?

Багирзаде: Прекрасно, что государство стало выделять деньги на производство кино, сериалов. А прискорбно то, что

«Почему у нас город становится с одной стороны все красивей, а с другой – все уродливей? Потому что у нас нет новых профессиональных архитекторов, профессиональных дизайнеров»

все снимают непрофессионалы. Старое поколение ушло, а новых учить некому.

Сапунов: Зато реконструкцией нашей киностудии занимается и сам Жерар Депардьё. Как ты думаешь, что из этого получится?

Багирзаде: Что-нибудь получится обязательно! Пусть приезжают к нам больше, пусть учат! Мы сейчас беседуем в особняке братьев Нобель. Когда-то они приехали, научили азербайджанцев технологиям нефтедобычи. И теперь Азербайджан – одно из передовых нефтяных государств. И в других отраслях тоже надо учиться у знающих, опытных. В том же КВН я учился у одесских ребят, у донецких, а потом адаптировал все под азербайджанский характер. Очень важно учиться, очень важно учить! Я считаю самым великим азер-

байджанцем Узеира Гаджибекова, который создал у нас музыкальную школу. Все джазовые фестивали, мугамные, классические, Евровидение – все это благодаря Узеиру Гаджибекову. Он в 30-е, 40-е годы пригласил сюда из Москвы и Ленинграда педагогов, которые ставили нашим музыкантам руки. И сейчас все лучшие пианисты – из Азербайджана. И все наши музыкальные победы – благодаря Узеиру Гаджибекову. То же самое касается футбола. Почему-то у нас все надеются на Берти Фогтса (*главный тренер сборной Азербайджана по футболу. – В.С.*). Поверьте, один он ничего не сделает. Для того чтобы в Азербайджане через 15 лет появился футбол, нужно уже сейчас привозить целые вагоны «Берти Фогтсов», открывать в регионах школы, чтобы немцы учили наших детей футболу. И тогда позже очередному «Берти Фогтсу» будет с кем работать – с ребятами, которые могут мыслить и играть как европейцы.

Сапунов: Для начала нужно хотя бы просто футбольные площадки для детей оборудовать...

Багирзаде: Почему у нас город становится с одной стороны все красивей, а с другой – все уродливей? Я не боюсь таких слов! Потому что у нас нет новых профессиональных архитекторов, профессиональных дизайнеров. Однако есть очень талантливые люди, которых надо просто научить. Многие на меня обиделись, когда я выдвинул такую идею: для того чтобы в Азербайджане появились новые хорошие архитекторы, нужно закрыть архитектурный факультет. А на сэкономленные деньги в год четырех самых способных отправлять на учебу за границу – к Норману Фостеру, к Жану Нувелю, к Сантьяго Калатраве. Этого будет вполне достаточно. То же самое в кино: нужно посылать в ГИТИС, во ВГИК по несколько человек в год. И через 20-30 лет мы почувствуем добротный результат! Выявлять в каждой области лучших учителей и отправлять к ним наших студентов. Обучить, наконец, наших искусству сервиса. Чтобы официант в кафе «Жемчужина» на глазах изумленных иностранцев не собирал

руками в моей тарелке куриные кости. Я его не виню, он не знает, как правильно. Его тоже надо обучить.

Сапунов: Хорошо, а чему Азербайджан может научить другие страны? Ради чего будут присылать на учение к нам?

Багирзаде: Да хотя бы кулинарии! У нас очень вкусная кухня, и могли бы распространить ее на другие страны, сделать такой же популярной, как итальянская, китайская, португальская... Только сделать это стильно, элегантно.

Сапунов: А чему научишь ты?

Багирзаде: Быть искренним.

2012 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

С... Эльнуром
Баимовым

Эльнур Баимов – легенда азербайджанского интернета, бывший и нынешний руководитель десятка популярнейших сайтов, автор успешных проектов – рассказывает о своих взглядах на интернет, на бизнес и на общество.

«Зеленый диван» с Эльнуром Баимовым

2012

ЭЛЬНУР БАИМОВ – ЛЕГЕНДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИНТЕРНЕТА, БЫВШИЙ И НЫНЕШНИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДЕСЯТКА ПОПУЛЯРНЕЙШИХ САЙТОВ, АВТОР УСПЕШНЫХ ПРОЕКТОВ – РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ ВЗГЛЯДАХ НА ИНТЕРНЕТ, НА БИЗНЕС И НА ОБЩЕСТВО.

Сапунов: Ты где сейчас? Чем занимаешься?

Баимов: Я сейчас занимаюсь своим бизнесом.

Сапунов: Независимым?

Баимов: Он всегда был независимым, просто раньше параллельно были проекты, на которые меня приглашали в качестве руководителя. Сейчас, наконец, у меня есть время заниматься только собственными проектами, достаточно известными в Азербайджане. Также собираюсь запустить проекты, встроенные в Facebook. К примеру, «Азербайджанская республика» и новостной канал. При сегодняшнем дефиците времени людям некогда бродить по новостным сайтам, чтобы найти важную новость. А мы ее будем сами выводить ему на рабочий стол. Это новая концепция, я уверен, что она будет очень популярна.

Сапунов: Значит, ты возвращаешься в новости.

Баимов: В свое время я приучил людей читать новости в интернете и назвал газеты «вчерашним днем». Сегодня, с появлением Facebook, вчерашним днем становятся новостные сайты. Их слишком много, они публикуют одно и то же, публикуют много «Воды», из-за чего у людей теряется интерес, что приводит к депрессии в новостной индустрии.

Сапунов: Какие нынешние твои проекты сейчас наиболее востребованы?

Баимов: Мои проекты – сервисные сайты. Например, на автомобильном сайте turbo.az каждую секунду присутствует больше 5 тысяч человек.

Сапунов: Потому-то у нас и пробки, что люди так любят машины.

Баимов: Машины у нас любят потому, что в обществе, где ты не можешь выделиться интеллектом или чем-то другим, тебе приходится выделяться антуражем – автомобилем, брендовой одеждой, аксессуарами. Но не обязательно твоя роскошь связана с твоим интеллектом.

Сапунов: Надо сделать сайт «Совесь-точка-аз».

Баимов: Он не будет популярен... Это связано с моральным кризисом в обществе, где нет уважаемых всеми аксакалов, нет священников, к которым можно обратиться за советом в трудную минуту, за бесплатным советом. Общество разрознено и общих авторитетов нет. Кто авторитет для меня, для тебя – никто. Родители и то часто авторитетны лишь до определенного возраста... (задумывается) Да... Скоро мы запускаем второй автомобильный сайт, конкурирующий с первым. Есть сайт о недвижимости Bina.az, имеется ресурс о трудоустройстве boss.az. С его помощью можно не только подыскать работу, но и определить реальную стоимость своих услуг. Загляни, посмотри, сколько стоит редактор глянцевого журнала (улыбается).

Сапунов: Трудно запустить с нуля такого рода сайт?

Баимов: Недавно мы запустили сайт частных объявлений tar.az. Если тебе нужно продать старую кровать, публикуешь объявление, к тебе приезжают и ее увозят.

Сапунов: А еще есть знаменитый disput.az. Долго ли осталось жить интернет-форумам?

Баимов: Форумам – вряд ли. Но «Диспут» перешел в новую стадию своеобразной социальной сети остатков русскоязычного населения Баку. Мы внедряли и азербайджаноязычную версию, но она не так успешна.

Сапунов: А чем бы ты не мог управлять?

Баимов: Да чем угодно могу. Ведь принципы управления едины и просты: ставишь цель и выстраиваешь пошаговую схему, которая будет приближать тебя к этой цели.

Сапунов: А как поступаешь с кадрами? Квалифицированные кадры порой очень дефицитны.

Баимов: Те, кто называет американцев тупыми, неправы. Они великая нация. Они придумали систему, благодаря которой даже недалекий человек четко выполняет свою работу, потому что его функции подробно расписаны: Если завтра твой специалист захочет уйти, ты не горюешь, а ставишь другого. И твоя система не зависит ни от кого.

Сапунов: Есть проблема, может быть, в другом. В том, что твоя отлаженная система вступит в противоречие с другой – более широкой.

Баимов: Конечно, она может противоречить. Приходится подстраиваться, приходится договариваться. Надеваю маску и иду урегулировать противоречия.

Сапунов: У тебя много масок?

Баимов: Конечно.

Сапунов: Вернемся к кадрам. Выходит, что ты нанимаешь кого попало?

Баимов: Нет, чаще всего я набираю сотрудников по рекомендации людей, которым доверяю. Но если рекомендованный человек будет плохо работать, мы его уволим.

Сапунов: Даже родственника?

Баимов: Ни один родственник у меня не работает! Я им говорю: «Вы не выдержите наш режим и все равно через три месяца уйдете». Никаких поблажек! Зато можно работать удаленно. Интернет-бизнес очень интересен, потому что он идет в авангарде информационных технологий. Иногда меня приглашают оценить перспективность того или иного проекта. Увы, 90% этих проектов просто не продуманы.

Сапунов: В своих интервью ты часто говоришь об анонимных критиках. А «вживую» кто-то к тебе обращался?

Баимов: Нет. Им нечего мне предъявить. Даже когда я баллотировался в депутаты, я был открыт и незащищен, ко мне никто не подошел с критикой. А что он и могли поставить мне в вину: что я кого-то забанил на форуме?

Сапунов: Об ошибках переживаешь?

Баимов: Конечно! А в случае бизнес-ошибки еще и подсчитываю убытки. Но ошибки нужны, чтобы их не повторять.

Сапунов: Чем отличается успешность у нас от успешности зарубежной?

Баимов: Числом нулей в заработках. У нас рынок очень маленький, поэтому зарабатывая здесь, ты получаешь значительно меньше, чем в той же России.

Сапунов: Не пытался запуститься где-нибудь там?

Баимов: Нет. Мне предлагали даже переехать за границу. Но я работаю здесь.

«Ни один родственник у меня не работает!
Я им говорю: «Вы не выдержите наш режим
и все равно через три месяца уйдете»

Сапунов: Плюс интернет-работы в том, что ты можешь вести свой сайт хоть с Фарерских островов.

Баимов: Нет, специфика нашего бизнеса подразумевает личное присутствие. Нельзя отрываться. Нужно все контролировать лично. Ведь у нас люди такие ленивые!.. У нас полтора месяца в год – нерабочие! А за них надо платить зарплату. Это я тебе как бизнесмен говорю. Столько праздников не должно быть!

Сапунов: А я очень люблю Новруз.

Баимов: Новруз – один из великих праздников! Я, будучи верующим человеком, будучи мусульманином, всегда защищаю этот языческий праздник. Он, принадлежа к нашим корням, к нашему исконному культурному пласту, не позволяет скатываться нам в радикализм. Наши культурные традиции сильнее религии. И надо сохранять этот баланс, чтобы быть прогрессивным народом.

Сапунов: Немало сфер, где надо сохранять порядок и баланс. С тех пор как ты покинул Интеллектуальную систему управления транспортом города Баку, кажется, автобусы стали чаще переворачиваться. Не чувствуешь ли свою ответственность за это?

Баимов: Я переживаю, потому что общественным транспортом пользуются и мои близкие люди. Меня, как гражданина, ситуация на дорогах очень беспокоит. Я надеюсь, что в этой сфере скоро проведут ряд реформ и наведут порядок.

Сапунов: Как разгрузить пробки?

Баимов: Когда я сюда ехал, проезжал по улице Самеда Вургуня. Там рядом с цирком возвели бизнес-плазу, перед которой из-за парковки улица сузилась до полутора полос. Создается пробка, которая перерастает в пробку, создающуюся перед Тезе-базаром... А это единственная артерия в районе, потому что проспект Азадлыг уже забит.

Сапунов: Это же все вскоре встанет окончательно ...

Баимов: Да, в конце 2014 года я предвижу техногенную катастрофу из-за этих пробок. Плюс ежедневно покупается огромное количество автомобилей.

Сапунов: Да, тебе ли, автору turbo.az, не знать... Вариантов спасения нет?

Баимов: Варианты есть. К примеру, разрешать выезд в город по четным дням – автомобилям с четными номерами, а по нечетным – с нечетными. Но, разумеется, прежде всего надо воспитывать народ. Ведь всякий норовит припарковаться прямо у входа в, скажем, кинотеатр. Не желает, видите ли, найти паркинг в паре кварталов отсюда и прогуляться. Или возьмем общественный транспорт. На коротком участке у нас могут быть задействованы 16 маршрутов! Они создают пробки. Должна быть система пересадок. Ведь 25% трафика у нас занимается автобусами. А еще строятся в центре огромные бизнес-тауэры без специальных парковок. Автомобили их сотрудников перекроют все улицы. Нельзя ждать 2014 года, нужно уже сейчас решать эти проблемы, и регулировщиков профессиональных готовить, и народ воспитывать.

Сапунов: Как? Ввести дикие штрафы?

Баимов: Нет. Большие штрафы не нужны. Нужно лишь уровнять всех перед законом. Тогда все будет работать. Почему на Азнефти никто не выезжает на «встречку»? Потому что там не разрешено выезжать на «встречку» ни-ко-му. И у постового есть соответствующие полномочия. И все ведут себя законопослушно. А чуть дальше поезжай – нарушения за нарушениями. Площадь Азнефть – маленький автодорожный рай. Надо эти ее особенности распространить на весь город.

Сапунов: Государственный у тебя ум... Что еще важно?

Баимов: Вообще важно определиться, кто мы, куда мы идем. Это серьезно. Наше общество устало от ожидания чего-то. Почему повсюду стресс, все недовольны, повсюду негатив? Потому что скопилась огромная негативная энергия. Ее надо выпустить. Для этого нужна победоносная битва.

Сапунов: Чем можно, чем нужно гордиться в Азербайджане?

Баимов: Нужно гордиться успехом своего дела, тем, в чем ты добился хороших результатов, в чем ты хоть чуть-чуть продвинулся. А гордиться тем, к чему ты не имеешь непосредственного отношения, не имеет смысла. Гордиться Девичьей башней бессмысленно... Нужно работать. Я когда-то жил в Ахмедлах. Недавно заглянул в старый двор. Дворовые приятели как сидели на корточках, грызя семечки, так и сидят до сих пор. Ничего не хотят даже попытаться. Наше общество инертно. А потому, даже гребя одной рукой, здесь можно вырваться вперед. Надо лишь захотеть.

2012 год

«Зеленый диван» с Татьяной Михайловой

2013

Татьяна Михайлова, генеральный директор PR-агентства RED COMMUNICATIONS, директор рекламного агентства MAXMEDIA, – человек многогранный, а потому беседа с ней чрезвычайно поучительна, о чем бы ни говорить: о работе, о праздниках, о репутации или о тараканах.

Сапунов: В моем визиточном альбоме по крайней мере три твои визитки. Видимо, на одну ты вся не помещаешься... Сколько же у тебя ипостасей?

Михайлова: Меня даже для самой себя порой много. Но ипостасей на самом деле всего две – есть рекламная компания и PR-агентство. Правда, в последнее время начинаю заниматься и общественной деятельностью. С Нигяр Кочарли и с несколькими другими бизнесвумен мы основали организацию женщин-предпринимателей, инициатором которой стало посольство США в Азербайджане. Как-то мы проводили бизнес-лекции, рассказывали девчонкам 18-20 лет об успехе женщин-предпринимателей. И у подавляющего большинства слушательниц в глазах читалось совершенное неверие в то, что женщина может создать сама себя, что может продви-

нуться сама. Да я и сама с подобным сталкивалась. То и дело слышала за спиной: «Интересно, кто же за ней стоит? Кто ее «держит»?» Так что наша с Нигяр организация – это вопрос нашей социальной ответственности. Жаль, времени постоянно не хватает.

Сапунов: И не будет хватать, если будешь постоянно придумывать новые занятия.

Микаилова: А как не придумывать? Делая какой-то проект, всегда ловишь себя на каких-то параллельных идеях. И тут возникает SNS – Starbucks Napkin Syndrome (в хорошем его проявлении) – на чем бы записать мысль, чтоб не ушла, чтоб после не мучиться, ведь идеи обладают поганым свойством – улетучиваться. Записать, осознавая то, что воплощение – это долгий и сложный путь. Впрочем, история знает немало случаев, когда хорошие идеи реализовывались, но с совершенно жутким результатом.

Сапунов: Хотя чем-то заканчивались.

Микаилова: Ты знаешь, иногда я думаю, что лучше бы они ничем не заканчивались. Рекламный бизнес полон таких случаев. К примеру, рекламное агентство разрабатывает идею. Клиент говорит: «Ребята! Мне все очень нравится! Все классно! Только давайте поменяем собаку на кошку, мальчика на девочку, они будут не в азербайджанской школе, а в Европе на газоне». И ты получаешь полное разрушение смысла основной идеи.

Сапунов: Занимаясь рекламным креативом, я сам не раз сталкивался с тем, что клиент тебя приглашает как специалиста, но при этом почему-то не доверяет тебе как специалисту.

Микаилова: Это от отсутствия профессионализма у клиента. Если я иду к парикмахеру, я же ей не говорю, как надо щелкать ножницами. Я лишь высказываю ей пожелания относительно желаемого результата. Дэвид Огилви сказал потрясающую вещь: «Зачем иметь собаку и лаять самому?»

Сапунов: Клиента можно переубедить?

Микаилова: Иногда мы переубеждали. Но иногда, если он продолжал на нас давить, мы даже отказывались от проекта. Потому что понимали, что результат, которого вдруг начал добиваться клиент, может повредить нашей репутации. А репутация дороже всего! Ты можешь стать богатым или бедным, можешь сменить место жительства, имя, имидж, но репутация останется с тобой.

Сапунов: На каком этапе компромисс невозможен?

Микаилова: На этапе, когда ты понимаешь, что компромисс погубит все – проект, твоё имя. И не важно, какие деньги тебе предлагают.

Сапунов: Как ты реагируешь, когда слышишь «Нет»?

Микаилова: Плохо! И стараюсь понять, почему «нет». Если не говорят, почему «нет», это-то и бесит меня больше всего! В делах я за честность и открытость. Пусть сразу скажут, что не так!.. Потому что важно доверие. И пиар, и реклама – сродни медицине. Чтобы вылечить, ты должен знать все симптомы. Но если клиент тебе заведомо не доверяет, скрывает цифры продаж, скрывает недостатки своего бренда, утаивает прошлые скандалы, то можно так подставиться... Правда, мы с таким почти не сталкивались, потому что делаем глубокий research, пытаемся выяснить. Между заказчиком и исполнителем должно возникнуть взаимопонимание – основа сотрудничества. Все люди разные, у каждого в голове свои тараканы, у меня их столько, что мама дорогая!.. Так вот важно, чтоб мои тараканы с тараканами клиента не передрались, а наоборот – подружились.

Сапунов: По-моему, и человеческая дружба начинается именно с дружбы этих тараканов. С общей интеллектуальной волны, со сходного чувства юмора...

Микаилова: О, да! А ещё лучше, когда тараканы не только дружат, но и собираются вместе, чтоб обсудить своих хозяев. Это высший пилотаж! Это значит, что тараканы сбежали из моей головы, которая способна сама себя критиковать.

Сапунов: Ты не раз говорила, что пиар необходим для создания репутации. Как часто сейчас люди обращаются к профессионалам, чтобы построить репутацию?

Микаилова: Честно? Сейчас очень редко. Потому что бренды сейчас не интересуются собственными репутациями! Их не волнует, что о них говорят, как о них говорят и кто о них говорит. Но рано или поздно это приведет к потерям бренда. Есть вдумчивые компании, но их очень мало. У остальных серьезные проблемы с бренд-менеджерами, которые мнят себя суперпрофессионалами, а сами лишь рассылают никчемные пресс-релизы, от которых всех тошнит.

Сапунов: Ты закончила инженерно-строительный институт по специальности «Водоснабжение и канализация». Как ты оцениваешь наши городские водопровод и канализацию?

Микаилова: Никак! Я уже давно непрофессионал в этой сфере. Я в пиаре с 1997 года!

Сапунов: То есть как строитель...

Микаилова: ...Я не состоялась вообще. Но техническое образование мне помогло. Без обид, но у технаря шансов построить себя в жизни намного больше, чем у гуманитария. Мыслишь по-другому, раскладываешь все по полочкам, алгоритмы придумываешь... Я за то, чтобы дети получали техническое образование, им легче потом двигаться.

Сапунов: Имиджмейкинг вы не занимаетесь?

Микаилова: Это к вопросу о репутации. Если репутация никого не волнует, то о каком профессиональном создании имиджа может идти речь? Маркетинг-менеджеры, рекламные менеджеры не хотят расти... Я все время говорю сотрудникам: «Ребята, ваше развитие – это увеличение вашей рыночной стоимости! Чем больше ты в себя вкладываешь, тем больше у тебя шансов продать себя дороже на этом рынке, в хорошем смысле слова». Да и почему мы должны стесняться этого слова? Не верю я людям, которые говорят: «Мне доста-

точно». Либо этот человек кривит душой, либо...

Сапунов: ...Он святой.

Микаилова: Не верю. Я в святость не верю. У меня вообще напряженные отношения с религией. Я атеист, который верит в физику. Плохое возвращается согласно банальному закону сохранения энергии. Не надо никому ничего навязывать. А учить прежде всего надо самого себя! Себя надо учить постоянно!

Сапунов: Чему ты научилась в последнее время?

Микаилова: Терпению. К своим годам я пришла к мнению, что надо терпимее относиться к человеческим недостаткам потому что они могут оказаться достоинствами. А глядя на мои достоинства, люди могут принимать их за недостатки. Это к вопросу о своих тараканах. Чтобы сохранять свой внутренний мир, надо терпимее быть к миру внешнему. Я не говорю о совершенных идиотах. Но порой имеет смысл снижать планку, снижать требования. Только я прошу не путать терпимость с лестью, с неискренностью, с манипулированием ради выгоды.

«Мужчины-бизнесмены зачастую
НЕ ДЕРЖАТ СВОЕ СЛОВО. УВЫ!»

Сапунов: Проявляя терпимость, ты допускаешь право человека на то, что тебе не нравится.

Микаилова: Именно! У него есть своя жизнь, свои постулаты.

Сапунов: А если он твой сосед и любит слушать «Металлику» по ночам?

Микаилова: Тогда, конечно, я могу не сдержаться.

Сапунов: А как изменился мир вокруг тебя?

Микаилова: Если говорить о моем мире, то меня очень пугает отсутствие профессионализма вокруг, пугает скатывание мира куда-то вниз. И мужчины-бизнесмены зачастую не держат свое слово. Увы! А что изменилось в хорошую сторону? Стало больше хороших людей вокруг меня.

Сапунов: Здесь есть какое-то противоречие...

Микаилова: Согласна! Важно не смешивать профессиональное с личным. Профессиональная деятельность очень часто мешает и дружеским связям, и порой – родственным... Что ж еще изменилось? Зависть как была, так и осталась...

Сапунов: Тебе много завидуют? Ведь успешным завидуют прежде всего...

Микаилова: Если бы! Иногда завидуют на пустом месте. Иногда завидуют пакетам из супермаркета! Почему у меня в машине лежат шесть пакетов, а у него всего два? А то, что у тебя шесть человек в семье, тогда как у него – два, уже не имеет значения. Зависть очень сильно тащит назад. И это тоже от нежелания учиться, развиваться. Те, кто учится, понимают, что завтра достигнут больше, чем ты. Что меняется? Чуть-чуть улучшается система образования. Открылась Дипломатическая Академия – я счастлива. Когда я захожу туда, я попадаю в другой мир, я понимаю, что дети, обучающиеся в АДА, будут людьми с новым сознанием. А в целом, в среднем, наверно, ничего сильно не изменилось все равно. И это к луч-

шему, потому что сильные колебания часто приводят к нехорошим последствиям.

Сапунов: Ты руководишь изрядным числом сотрудников. Как ты строишь свою работу с людьми?

Микаилова: Ты правильно сказал – работу с людьми. А не с работниками!.. В этом важно доверие! Хотя в доверии есть огромные риски, вплоть до риска потери бизнеса. Но без доверия построить ничего нельзя. И конечно, надо брать умных специалистов. Только слабый человек нанимает работников заведомо слабее себя, чтобы на их фоне выделяться. Я обожаю людей, которые сильнее меня, умнее меня. «Я начальник, ты дурак» – концепция провальная. И очень важна лояльность бренду, чтобы сотрудника держало на работе что-то, кроме зарплаты, – реализация творческого потенциала, дружный коллектив-семья и так далее. Иначе зачем мне работник, который за лишние 50 манатов перебежит в соседнюю фирму?

Сапунов: Мы беседуем для мартовского номера. Скажи, пожалуйста, как ты относишься к сохранению коммунистического праздника 8 Марта?

Микаилова: Ненавижу 8 Марта! Потому что не верю в искренность мужчин, поздравляющих меня с 8 Марта! Не верю я вам, не верю!

Сапунов: Какие же праздники ты любишь?

Микаилова: Обожаю Новый год! Там все искренне!

Сапунов: Может, ты и в Деда Мороза веришь?

Микаилова: *(смеется)* Нет, я слишком часто исполняю его обязанности! А 8 Марта самые честные поздравления делают сами женщины! Не для галочки, а от чистого сердца. Моя близкая подруга постоянно шлет мне открытки. И по поводу 8 Марта она как-то прислала мне открытку: «Мы заслужили этот грёбаный праздник!» Вот это было от души!

2013 год

ЗЕЛЁНЫЙ ДИВАН

С... Рухангиз
Гасымовой

Гостя нашего «Зеленого дивана» — остроумная, неунывающая Рухангиз Гасимова — композитор, сценарист, писатель, автор песен, романсов, пьес, либретто, рассказов, эссе, мемуаров, музыки к многочисленным художественным, телевизионным, мультипликационным фильмам.

«Зеленый диван» с Рухангиз Гасымовой

2013

Гостя нашего «Зеленого дивана» – остроумная, неунывающая Рухангиз Гасимова – композитор, сценарист, писатель, автор песен, романсов, пьес, либретто, рассказов, эссе, мемуаров, музыки к многочисленным художественным, телевизионным, мультипликационным фильмам.

Сапунов: Мы начнем не с музыки, вы не против?

Гасимова: *(горячо)* Конечно! Причем тут музыка?!

Сапунов: Вы недавно вернулись из Гонконга, у вас там живут дочь, зять и три внука. Как вам Гонконг?

Гасимова: Англичане после себя там оставили чудо – невероятные башни, небоскребы, но самое потрясающее – чистота и порядок. Одежда не пачкается, обувь остается чистой, хоть гуляй сутки напролет. Меня удивили огромные дыры-проемы во всех домах. Оказалось, это для того, чтобы Дракон смог пролететь к морю. Если ему преградить путь – будет несчастье. И не могу не сказать об очень популярной народной медицине. После давних переломов обеих рук у меня болели

суставы. Мне прописали какую-то страшную мазь и после трех сеансов все прошло. А после тибетского молочного гриба даже рентген не показывает, что у меня когда-то были сломаны руки.

Сапунов: Потрясающе!

Гасимова: А еще они очень трепетно относятся к деревьям. Предпочитают построить дом вокруг дерева, нежели спилить его. Повсюду цветы, во многих местах растут декоративные мандариновые деревья, усыпанные плодами. И никто не срывает! Я вспомнила, как в Греции, в парке, мне на голову упал апельсин. Их тоже там никто не срывает, пока не приехали наши туристы (*смеется*).

Сапунов: А чего вам не хватало в Гонконге?

Гасимова: Разве что обильного национального общения, но при наличии интернета это не так страшно. Да и я такой человек, который нигде не чувствует себя одиноко. Правда, если дома в Баку у меня два городских и три мобильных телефона все время дымятся, то там звонки поступали реже... Мне, кстати, предлагали открыть в Гонконге музыкальную школу, гонконгцы ведь очень музыкальный народ. Мой средний внук учится в третьем классе, их там приучают к разным инструментам – флейтам, кларнетам, саксофонам, в школе есть свой духовой оркестр.

Сапунов: И сразу музыкальный вопрос! У Азербайджана были мегазвезды – Рашид Бейбутов, Муслим Магомаев, которых знал весь мир, которых боготворил советский зритель. Как вы считаете, были ли они закономерным явлением национальной культуры (тогда почему такие не появляются снова?), порождением системы (тогда как восстановить необходимые условия?), или это были уникальные явления, совершенно независимые? Чего нам сейчас не хватает, чтобы появились новые бейбутовы и магомаевы?

Гасимова: Звезда Рашида Бейбутова взошла, когда в

фильме «Аршин мал Алан» сошлись вместе сразу несколько факторов: гениальная и любимая народом оперетта Узеира Гаджибекова, потрясающая режиссура Рзы Тахмасиба и, конечно, огромный талант самого Рашида. Фильм показывали в 40 странах, мир узнал, что есть земля Азербайджан, где живут и творят талантливые люди. А главная ария из «Аршин мал Алана» стала позывным нашей культуры... С другой стороны, давайте вспомним Чайковского, Рахманинова, Рубинштейна. Земля сама не имеет права рождать таких гениев часто. Ведь после Паганини не было никого, равного ему. Какими бы замечательными ни были Давид Ойстрах, Леонид Коган... Гении – одиночки, это штучные явления! Микеланджело был один, Гойя был один, Пикассо был один. Сейчас певцов много. Кто-то сам себя коронует, кто-то покоряет свадьбы. Это мельтешение – хороший исторический процесс. Знаете, как драга вымывает золото? Работает, работает, работает ... Вдруг что-то блеснуло! И так появляются единичные имена: Карузо, Паваротти, Каррерас, у нас – Магомаев. Но! Есть и гангнам стайл, от которого весь мир сошел с ума. Меня коробит от такой музыки. Я придерживаюсь мнения, что музыке надо уметь спеть. А в нынешних песнях очень часто идут примитивные повторы трех нот. Я как-то раз подсчитала: 18 раз повторяется рефрен! Ритм просто вколачивается в мозг, даже я не могла какое-то время от него отвязаться. Такая мелодия просто насилует!.. Я, конечно, понимаю, что молодежи, засидевшейся за компьютерами, хочется попрыгать. Но такие мелодии оказывают на них влияние, воспитывают их... А хотелось бы, что б воспитанием занималась бы более качественная музыка. На наших телеканалах нужны худсоветы, которые могли бы продвигать и классику, и современную серьезную музыку... Ведь народ тянется к хорошей музыке. Даже на современных свадьбах иной раз среди шума, среди оскомину набивших дешевых песен нет-нет и зазвучит музыка Тофика Кулиева, Рауфа Гаджиева – как глоток свежего воздуха. Когда я училась в консерватории, мой профессор Джовдет Гаджиев не разрешал писать песни, разве что ро-

«У НАС НЕТ ДВОРЦОВ КУЛЬТУРЫ, НЕТ БЕСПЛАТНЫХ ПЛОЩАДОК, ГДЕ МОЛОДЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ МОГЛИ БЫ ВЫСТУПИТЬ. А НА БОЛЬШИХ – ПЛАТНЫХ – ПЛОЩАДКАХ ИНОГДА ВЫСТУПАЮТ ТЕ, КТО ЭТИХ ПЛОЩАДОК НЕ ДОСТОИН»

мансы... Я, будучи студенткой четвертого курса, тайком отнесла Рашиду Бейбутову несколько своих песен, некоторые из которых Бейбутов записал в Москве с ансамблем Мещерина. Профессор узнал и погрозил мне пальцем: «Твое счастье, что песни хорошие!»

Сапунов: А еще нас учили, что искусство должно быть национальным.

Гасымова: Вы заметили, что в последние годы все чаще в песнях присутствуют этнические мотивы? Стинг неспроста записал песню Desert Rose с арабом. Я думаю, что музыка, имеющая национальный колорит, больше трогает за душу, да и более жизнеспособна!

Сапунов: Как вам современный культурный процесс?

Гасымова: Времена разлада и растерянности, наставшие после распада СССР, к счастью, позади. Театры работают, ездят на гастроли... Но! Я ведь и драматург тоже. И если когда-то мне платили за пьесы, за музыку к спектаклям, за любое участие в постановках, то сейчас мне говорят: «Найдите деньги – мы поставим ваш спектакль, снимем телефильм». Деловые качества выходят на передний план.

Государство, конечно, финансирует многие проекты. Но не всегда выбор проекта бывает удачным. Я так осторожно формулирую свою мысль.

Сапунов: Увы.

Гасимова: Увы. У нас нет Дворцов культуры, нет бесплатных площадок, где молодые исполнители могли бы выступить. А на больших – платных – площадках иногда выступают те, кто этих площадок не достоин.

Сапунов: Кто платит, тот и исполняет музыку. Зато у нас есть Союз Композиторов. Он нужен? Кому?

Гасимова: В основном, конечно, он нужен самим композиторам. Мы надеемся, что не все еще потеряно и мы еще сможем послужить преградой безвкусице, непрофессионализму. До сих пор существуют факультеты композиции в музыкальном училище, в консерватории. Их выпускники должны знать, что у них будет хотя бы одна концертная площадка – в Союзе Композиторов, где они смогут показывать свои произведения. Они слышат свою музыку! И у нас в зале имени Гаджибекова – на 160 мест, с хорошей акустикой – проходят очень интересные музыкальные вечера. И Союз позволяет композиторам общаться на международном уровне, быть членами мирового музыкального сообщества. Проходят и мои концерты... Так что я даже боюсь, что кто-то поднимет вопрос, нужны ли эти творческие союзы.

Сапунов: А кого вы слушали в Гонконге?

Гасимова: О! В Гонконге я была на концертах Чикагского филармонического оркестра, победителей American Idol, квартета Бородина, на спектаклях американского балета, на антрепризных постановках Владимира Этуша... Гонконг – культурная столица! Я когда-то относилась к китайской музыке с некоторым пренебрежением. А ведь они давно вышли за рамки пентатоники! У них потрясающее исполнительское мастерство, у них десятки музыкальных каналов, в том числе

и симфонической музыки!.. Нам бы не растерять то, что есть у нас. У нас есть талантливейшие дети, президентские стипендиаты... Нельзя их утратить.

Сапунов: Несколько ваших произведений были когда-то занесены в Золотой фонд Гостелерадио. Какие творения современной культуры, на ваш взгляд, достойны Золотого фонда? Нам есть чем пополнить этот фонд?

Гасимова: Увлечение сериалами значительно принизило настоящее искусство – кино, театр ... Актеры пытаются любыми способами вызвать утробный смех, и лучший способ, по их мнению. Это когда мужчина переодевается в женскую одежду и накладывает толстый слой макияжа. Это такая непотребность!.. Когда-то, до революции, мутрюбы играли в театрах женские роли – это было вынужденно. А сейчас все подалось в верки-сердючки. и пожалуйста: плохие сценарии плохо ставятся с плохими актерами в дешевых декорациях. Ты берешь непрофессионального актера с улицы и этим хочешь удержать зрителя у экрана? Я пыталась смотреть и не выдержала. Я получаю от этих сериалов такой заряд отрицательных эмоций, что выть хочется. А ведь когда-то был великий театр! Я помню, как конная милиция охраняла входы в Аздраму, где играли Алескер Алекперов, Фатьма Кадри... Это были времена, когда для похода в театр специально шили костюмы и платья.

Сапунов: Мы с вами больше года дружим на Facebook. Как изменили вашу жизнь эти современные технологии?

Гасимова: Когда мне дочка подарила первый мобильный телефон, я его чуть не разбила! Я сказала: «Ты зачем издеваешься над матерью? Я ж никогда не разберусь в этих кнопках!» Она: «Мама, клянусь, ты научишься!». Прошли годы. И вот как-то сижу я на съемках программы «Йени Улдуз», вожусь с двумя своими мобильниками. Мурад Дадашов, сидевший рядом со мной, воскликнул : «Рухангиз-ханум, что вы делаете?!» Я говорю: «С этого телефона отправляю меседж

дочери, а с этого – сыну». – «Вы умеете отправлять SMS?!! Моя мама может только отвечать на звонки!» Так же было и с ноутбуком, который мне подарили для связи с детьми, живущими за границей, и постепенно я тоже привыкла. Теперь без компьютера я никак. Утром сперва включаю ноутбук, а затем иду ставить чайник. У меня обширная переписка, почтовый ящик всегда переполнен. Дочка меня как-то пристыдила: «Мама, людей твоего возраста нет на Facebook!» На что я ей возразила: «Если людям со мной интересно, если они обращаются ко мне за советом, почему я не могу во всем этом участвовать?» Facebook, Google, YouTube и так далее позволяют мне быть в курсе самых главных новостей. И потом, вы знаете, может быть, благодаря всем этим технологиям, я не чувствую себя старухой!..

2013 год

ВЕЛЕНЬИЙ ЦИРАН

**С... Сананом
Алескеровым**

Каждый третий фотограф в Баку считает себя учеником Санана Алескерова. При этом признанный гуру фотографии, список выставок и наград которого не умещается на одной странице, предпочитает называть себя любителем. Объясняет просто: "Люблю я это дело!"

«Зеленый диван» с Сананом Алескеровым

2013

КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ ФОТОГРАФ В БАКУ СЧИТАЕТ СЕБЯ УЧЕНИКОМ САНАНА АЛЕСКЕРОВА. ПРИ ЭТОМ ПРИЗНАННЫЙ ГУРУ ФОТОГРАФИИ, СПИСОК ВЫСТАВОК И НАГРАД КОТОРОГО НЕ УМЕЩАЕТСЯ НА ОДНОЙ СТРАНИЦЕ, ПРЕДПОЧИТАЕТ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ЛЮБИТЕЛЕМ. ОБЪЯСНЯЕТ ПРОСТО: «Люблю я это дело!»

Сапунов: Когда-то Ленин сказал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Сегодня, благодаря распространению цифровой техники, самым популярным «искусством» стала фотография. Фотографов в Баку все больше и больше. И граница между истинным фотоискусством и просто фотографированием несколько размылась. Каково такому признанному профессионалу, как вы, живется и творится среди дилетантов в эпоху девальвации фотоискусства?

Алескеров: Да, есть люди, покупающие сложную технику и не знающие, как с ней обращаться. Рано или поздно они приходят ко мне и спрашивают: «Санан, что мне с ней делать?» Я отвечаю: «Купи маленький фотоаппаратик, пускай он будет всегда рядом с тобой». Очень большая часть населения, которая сейчас увлекается фотографией, скоро

бросит это дело. Потому что некоторые из них даже не способны перебросить фотоснимки на компьютер, хранят их на камере, там и показывают их друзьям, словно на телефоне. Дай им бог здоровья! Но и во времена Ленина, когда кино было «важнейшим из искусств», был и Эйзенштейн, который учил весь мир, как надо снимать кино. С одной стороны, простота и доступность современной фотографии – это неплохо: некоторые фотографы делают то, на что я в ранние годы никогда бы не осмелился, например, снимать в темноте. Многие делают прекрасные снимки для самих себя, при этом не являясь фотографами. С другой стороны, это, несомненно, девальвация. Многие думают, что купив дорогую технику, они немедленно выйдут на уровень Де-Маршелье, Брессона, прославятся и заработают много денег. Впрочем, когда фотографируют все, несомненно, появятся «сливки» – настоящие таланты. Нужно лишь время.

Сапунов: Насколько важны габариты камеры?

Алескеров: Я недавно приобрел маленькую фотокамеру Fujī. Меня многие увещевали: «Куда ты с такой малюткой, это не солидно, тебя и за серьезного фотографа не примут!» Полагают, что главное – тяжелый длинный объектив, бустер, бленда побольше. Но я подошел к черте, когда мне уже безразлично мнение посторонних людей. Кто меня знает и меня приглашает – мне доверяет. И если я буду снимать «Сменой» (*советский фотоаппарат, производившийся с 1939 года, отличавшийся простотой устройства и невысокой ценой.* – В.С.), значит так и надо! А я часто обращаюсь к самой простой технике: Holga, Polaroid. Чтобы относиться к съемке, как ребенок относится к рисунку – свободно, незакомплексованно!

Сапунов: Вам помогло журналистское образование?

Алескеров: Образование – нет, а вот опыт журналистский мне немало помог для установления контактов с людьми. Я работал в газетах, в «Азеринформе», и, когда понял, что со-

ветская журналистика совершенно несвободна, она потеряла для меня всякий смысл. А я потерял к ней интерес.

Сапунов: Но любая свобода не может быть абсолютной. И свобода журналистики в том числе.

Алескеров: Я думаю, что сейчас журналистики почти нет. Я имею в виду фотожурналистику. Почему? Потому что нет изданий, которым требуются такие материалы, как фотоочерк, развернутый репортаж. Не говоря уже о таких жанрах, как проектная работа, чтобы, скажем, я провел в Хыналыге неделю, месяц, год и сделал бы подробный рассказ о том, как там живут люди. Меня интересует не поверхностная журналистика, не новостная, а более глубокая.

Сапунов: Каковы критерии профессионализма в фотографии? Как отличить талантливого любителя от профи?

Алескеров: Сколько я знаю великолепных фотографов – почти все они говорят: «Я не профессионал, я – любитель». И сколько я знаю людей, которые понятия не имеют, скажем, что такое глубина резкости, и при этом считают себя профессионалами. Чем скромнее, тем лучше. Я тоже считаю себя любителем, потому что я люблю это дело. Если брать за критерий заработка, то раньше больше всех зарабатывали «стояночники» – те, который караулил студентов у входа в институт и фотографировал их «под пальмой». Четкой линии нет. Каждый определяет сам. Я могу сказать, что Фарид Мамедов – профессионал. Прежде чем снять пейзаж, он стоит 2-3 часа, смотрит, думает, ждет нужное освещение. Мастер пейзажа!

Сапунов: Вы много преподаете. С чего вы начинаете занятия?

Алескеров: Мы говорим, зачем ему нужна фотография. Если он пришел только потому, что модно, я так и буду его учить. Если он говорит: «Я работаю в больнице и хочу запе-

чатлеть страдания людей», я его пойму. Хуже всего, когда приходят люди, думающие, что уже все умеют и все знают.

Сапунов: А зачем же тогда приходят?

Алескеров: Хотят называться учениками Санана Алескерова!

Сапунов: Но вы же не даете сертификат.

Алескеров: Нет. Мой сертификат – моя книга с дарственной надписью. Я думаю, это лучший диплом.

Сапунов: Значит, самое главное для начинающего фотографа...

Алескеров: ...понять, что он хочет снимать! Например, мы идем в Ичери Шехер. Что вы хотите там снимать? Старые двери, цвета, святые места, стариков, социальную тему, улочки? Это же целый мир – Ичери Шехер, который нужно уметь видеть. С этого умения начинал я сам. Я был самоучкой, но учился хорошо, на «пятерки» (*смеется*). Я как-то разговаривал со знаменитым Йозефом Куделкой (*чешско-французский фотограф, обладатель Золотой медали Роберта Капы и других наград. – В.С.*), я заметил, что продолжая разговор, он постоянно сканирует местность, постоянно выглядывает новый кадр.

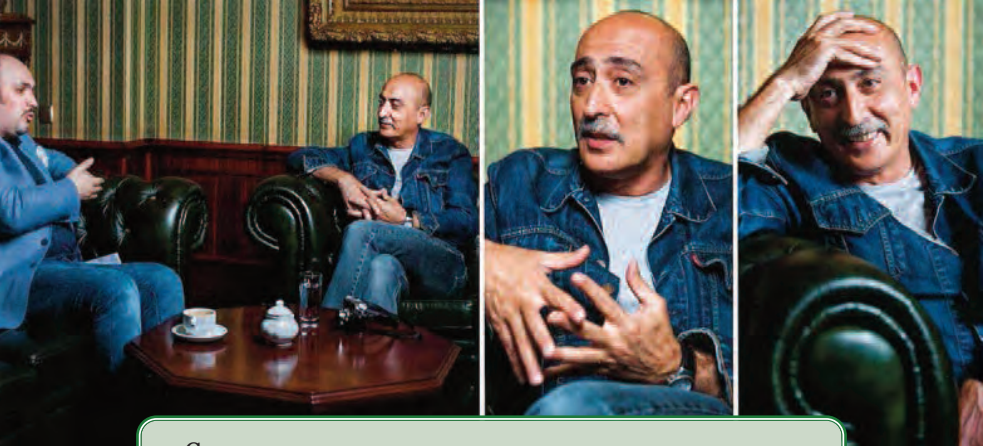
Сапунов: Вы всегда берете с собой фотоаппарат?

Алескеров: Обязательно! Хотя бы небольшой – непременно. Я вчера был на Джингилдаге. Сделал буквально 2-3 кадра. Это такое святое, на мой взгляд, место, что там и снимать нет необходимости. Но! То что ты там не снял, ты снимешь в другом месте! Потому что этот Джингилдаг тебе будет советовать!

Сапунов: То есть подсознательно что-то накапливается.

Алескеров: Конечно! А если не беру камеру, то непременно что-то случается. Поэтому фотоаппарат всегда со мной.

Сапунов: У вас есть табу?

«СКОЛЬКО Я ЗНАЮ ВЕЛИКОЛЕПНЫХ ФОТОГРАФОВ – ПОЧТИ ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ: «Я НЕ ПРОФЕССИОНАЛ, Я – ЛЮБИТЕЛЬ»

Алескеров: То, что не относится к моей компетенции, к моему миру. Например, война в Сирии – не мое. Мне неинтересно делать фотографии, где какая-то проблема вылезает «В лоб». Я стараюсь запечатлеть проблемы так, чтоб они подспудно выходили из обычной фотографии, мягко, может быть, лишь со временем. Табу – всякая безвкусица, несмотря ни на какие деньги. Табу – съемка свадеб. Это сейчас целая культура, многие прекрасно снимают свадьбы, но для меня это – табу.

Сапунов: Из-за массовости свадебного жанра?

Алескеров: Нет. Просто потому что это не мое дело. И еще меня очень легко обидеть. Если меня кто-то поманит пальцем, я просто повернусь и уйду. Хотя на это и не стоит обижаться – ведь на свадьбах разные люди бывают. Но таков уж я.

Сапунов: А на непонимающих ваши работы обижаются?

Алескеров: Это проще. С людьми, которые мне не нравятся или которым не нравлюсь я, поступаю согласно суре Корана – просто встаю и ухожу, ничего не объясняя, не оправдываясь. У меня есть даже серия работ – «Уходящие». На них люди, которые уходят от плохого. Это не слабость, это правильно.

Сапунов: «И не оспаривай глупца».

Алескеров: Да! Один раз я даже так развелся! (смеется)

Сапунов: Как вы относитесь к ню?

Алескеров: Я очень серьезно к этому отношусь. Снимать ню очень и очень скользко и тонко. Здесь очень велик риск повторить чужой кадр, велик риск скатиться в пошлость. Почти все ню для меня делятся на две категории. Первая – красота женского и мужского тела. И меня от этого тошнит. Вторая – в лучшем случае страсть или в худшем случае порно... Анри Картье-Брессон немного снимал обнаженной натуры, но в его кадрах удивительная жизнь. Эдвард Уэстон снимал ню так же, как снимал натюрморты или, к примеру, горы. Для него было очень важно донести красоту пластики, независимо от объекта. У меня очень мало ню-фотографий, и я пока это не покажу. Прежде всего из-за местных нравов. Видите, какой шум поднялся после публикации фотографии Айдан Салаховой?

Сапунов: Мне не нравится ее творчество, но она молодец!

Алескеров: Мне точно так же не нравятся ее работы, они чересчур «современные», а значит для меня не интересны. Но она правильно сделала, что снялась, правильно сделала, что опубликовала, и правильно делает, что посылает всех по-дальше.

Сапунов: Знаменитостей вы снимаете?

Алескеров: Я снимаю своих друзей, некоторые из них достаточно известные люди. Но со «звездами» предпочитаю не работать. Наверно, потому, что у меня был дурной опыт: капризы, опоздания на 2-3 часа. К сожалению, у меня не хватает терпения для этого. Я люблю точность. Некоторое время назад во Флоренции я снимал итальянских аристократов, делающих вино. Все было восхитительно четко! «У тебя есть 20 минут, затем моя дочь должна уехать». И ровно 20 минут я с ней работал! Эту краткость компенсировал ее отец, который никуда не торопился. Он сказал: «Мне приятно с тобой работать», – и снимался аж три часа. У наших же нередко странные претензии, извините за выражение, понты. Я же

предпочитаю, чтобы мы находились на одном уровне, ведь это работа. Зазнаваться будем в другом месте, в другое время. А сейчас давайте работать! Я работал с четырьмя «магнумовцами» – фотографами мирового класса. Ни один из них не позволял даже назвать его по фамилии – только по имени! «Называй меня Йозеф!», «Я – просто Реза! (*Йозеф Куделка, Реза Деггати – известные фотографы. – В.С.*). Наши фотографы нередко принимаются «меряться объективами». Когда же я говорю: «Покажи свои фотографии», – спор сразу прекращается.

Сапунов: Что в Азербайджане недофотографировано? Где у нас белые пятна?

Алескеров: Весь Азербайджан – сплошное белое пятно. Весь Азербайджан нужно снимать, снимать и снимать! Объектов и тем – тысячи! Где книги про тот же Ичери Шехер? Загляните в парижские, миланские, московские книжные магазины! Там сотни и сотни книг о Париже, Милане, Москве. У нас такого пока нет. Это забота издательств, но не фотографов. Публикуют часто «рекламные», «вылизанные» городские образы, которые читателям неинтересны. А про 200 моих снимков Старого города мне сказали: «Такое нельзя публиковать! У тебя там старый дом с трещинами!» Но ведь в этом вся прелесть, красота в правде! У Ричарда Аведона есть портрет Софи Лорен, где видны все морщинки и даже пудра. Все смотрят и говорят: «Какая красота!», потому что понимают: это не пластмасса, это настоящее! Сила фотографии в чем? В документальности! В том, что мы верим в ее правдивость. Если пропадает правда – фотография превращается в картинку.

Сапунов: Как вам помогает йога?

Алескеров: Мне 56 лет. У меня хорошая «дыхалка», у меня есть желание жить, я могу отличать хорошее от плохого! Все! До свидания! (*улыбается*).

2013 год

«Зеленый диван» с Фуадом Шабановым

2013

Если в титрах российских телеканалов появляется азербайджанское имя, то чаще всего это оказывается имя режиссера Фуада Шабанова, за последние годы отснявшего в Москве и ее окрестностях около 150 документальных и художественных фильмов.

Сапунов: Я не поленился посчитать. И выяснилось, что мы знакомы 22 года. И уже 19 лет, как мы сняли первую совместную телепередачу. А что с тобой случилось дальше? Что самое главное?

Шабанов: Самое главное — у меня родилась дочка Айла.

Сапунов: Предсказуемый ответ... А в творческом плане?

Шабанов: Ты помнишь, что я снимал в Баку клипы, был фильм, но затем наступило затишье, безработица... И в начале 2000-х я уехал в Москву. Уехал с двумя сотнями долларов в кармане, уехал почти в никуда. А спустя несколько лет мои фильмы стали идти по главному российскому каналу — Первому — в самый что ни на есть прайм-тайм.

Сапунов: Благодаря чему все произошло?

Шабанов: Наверно, благодаря случаю. В Москве зацепиться очень трудно. Я долго обивал пороги многочисленных телекомпаний, пока мне, как вгиковцу, ни предложили снять для канала REN TV фильм о московских такси — «Желтые короли». Я придумал сюжет, согласно которому некие бандиты захватили московского чернокожего таксиста и, приковав его наручниками к рулю, бесплатно катались двое суток по Москве. Это, конечно, был блеф, но он привлек внимание и к фильму, и к реальным проблемам таксистов Москвы. Фильм завоевал изрядный рейтинг. Потом сразу был другой проект — фильм «Рак. Зона страха», где я впервые показал Владимира Левкина — солиста группы «На-На» — после операции. Снова рейтинг. И третьим фильмом той поры был «Привет от Кобы», завоевавший приз на телефестивале. Потом пошли циклы «Тайны века», «Последние 24 часа»... Мы очутились на Первом канале. И совсем позже были сняты игровые картины, показывавшиеся на канале «Россия».

Сапунов: Твои однокурсники — Федор Бондарчук, Иван Охлобыстин — никак не связаны с твоим возвышением?

Шабанов: Нет. Понятие *selfmade man* — это про меня. Когда я приехал в Москву, я позвонил ребятам, мы встретились — Федя, Ваня, я — посидели в ресторане. «Как твои дела?» — «Нормально!» — «А твой?» — «Хорошо!». Я не мог их просить о каком-нибудь продвижении. Интуитивно догадался, что не стоит. И спустя годы понял, почему.

Сапунов: Почему?

Шабанов: Потому что ни один режиссер, который чего-то добился, который забрался на какую-то вершину, не будет продвигать другого режиссера. Никогда! Я сам сейчас преподаю актерское мастерство, но не режиссуру. Никому не расскажу свои профессиональные секреты. И на ребят я абсолютно не обижаюсь. Зато я никому не должен. Это потрясающее чувство.

Сапунов: Многие до сих пор поглядывают на Москву как на

некое Эльдорадо, как на пространство великих возможностей. Что бы ты сказал этим людям? Может, от чего-то предостерег?

Шабанов: Я бы посоветовал этим людям смотреть на Москву как на город, где им никто ничего не должен. Никому в Москве до тебя дела нет. Там таких 20 миллионов! Все отношения, которые были в Баку, там, как правило, прерываются. Если ты в Баку ел с кем-то шашлык — не факт, что этот человек в Москве тебе поможет.

Сапунов: Но есть и плюсы.

Шабанов: Конечно. Чем хороша Москва: как бы москвичи ни отстранялись от гастарбайтеров и черно... таких-то, если они разглядят в тебе профессионала, они сразу забудут, что ты не русский, будут с тобой работать и платить нормальную зарплату. Москва, действительно, город, который слезам не верит. В Баку у людей самооценка сильно завышена. Когда я жил в Баку, и со мной было то же. Но как я оказался там, я понял, что ни черта не стою, ничего из себя не представляю. И начал все сначала. Если ты в Баку считаешь себя лучшим фотографом, звукорежиссером, в Москву ты должен все равно приезжать как ученик. И учиться, учиться. И лишь тогда у тебя что-то получится. Иначе сопьешься (*смеется*).

Сапунов: Ты давно бросил пить?

Шабанов: Да я особо никогда и не пил. А сейчас и вовсе завязал.

Сапунов: Трудно непьющему в Москве?

Шабанов: Трудно. Ведь всяческие контракты там так любят заключать под коньячок. Но есть один важный нюанс: они любят людей, с которыми пьют, но не уважают. Если же ты хочешь, чтоб тебя больше уважали и больше тебе доверяли — скажи: «Не пью». Хотя, конечно, в Москве пьют очень много. И в «Останкино» особенно. Это одно из немногих мест, где можно с утра прийти пьяным и тебе ничего не будет.

«Если ты в Баку считаешь себя лучшим фотографом, звукорежиссером, в Москву ты должен все равно приезжать как ученик. И учиться, учиться»

Сапунов: Пока я не забыл... В Википедии сказано, что ты член Международного Рыцарского ордена? Ты рыцарь? Где твоя лошадь?

Шабанов: Это такая организация, куда могут входить только представители настоящей аристократии... Не очень хотелось бы об этом говорить. Будет похоже на похвальбу.

Сапунов: Но не секрет же, что ты — один из последних потомков мамлюкского султана из династии Бахритов — Шабана Второго.

Шабанов: Ну да. В связи с этим мне эта почтенная организация и выдала сертификат достоверности. Потом покажу, если хочешь.

Сапунов: Какие обязанности налагает на тебя рыцарство и какие права дает?

Шабанов: Выплачиваю ежегодно некоторую сумму. И знаю, что в трудный момент орден не даст мне помереть с голоду (*смеется*).

Сапунов: Вернемся к кино. Ты снял множество документальных фильмов о замечательных людях — Юрии Гагарине, Андрее Миронове, Фаине Раневской, Джоне Ленноне и многих других. Чему научили тебя эти виртуальные встречи?

Шабанов: Я почувствовал, что эти люди жили иначе, у них был иной мир, своя особая эпоха, когда люди «читали книги и смотрели на звезды». Они жили ради идеи, ради искусства. Не думали о деньгах столько, сколько население думает сейчас. Сейчас актер сразу спрашивает о гонораре и работает на нескольких шаблонах. Ему не до переживаний.

Сапунов: Неужели все молодые такие? Есть же настоящие, классические таланты!

Шабанов: Да, разумеется. Могу выделить Серēju Безрукова, Машу Аронову, Александра Арсентьева, еще несколько человек. Но их мало... Раньше все было глубже: мысли, настроения... Дольше переживали, дольше и тщательнее снимали. Сейчас все быстрее, поверхностнее.

Сапунов: Ты тоже дётя эпохи? Тоже быстрый и поверхностный?

Шабанов: Очень каверзный вопрос. Да, я дитя эпохи, и меня продюсеры тоже подгоняют. Но перед большой работой я всегда нахожу несколько дней, чтобы собраться с мыслями. Ухожу в себя, не отвечаю на звонки, переживаю новое состояние, планирую работу с актерами.

Сапунов: Другой каверзный вопрос. Я перед нашей долгожданной встречей, разумеется, посмотрел несколько твоих последних фильмов. И что я увидел? Фильм «Яблоне́вый сад» начинается с того, что героиня, в связи с личным кризисом, уезжает на малую родину, припадает, так сказать, к корням. В фильме «Я подарю себе чудо» в самом начале героиня под влиянием семейного кризиса уезжает в провинцию — опять-таки вспомнить молодость. К режиссуре претензий нет, но сценарии пахнут шаблонностью. Почему так?

Шабанов: Ты совершенно прав, режиссерской вины тут нет. Как бы я ни старался, как бы я это ни показывал, все зависит от сценария, который уже утвержден телеканалом. Сейчас в России все распределено по ячейкам: НТВ — стрелялки и убивалки, СТС — сплошь комедии, канал «Россия» — драмы, и так далее. С одной стороны такое сегментирование правильно: кто что хочет смотреть — на соответствующий канал и идет. С другой стороны исчез эффект неожиданности. Это беда сценаристов и тех продюсеров, которые им заказывают сценарии и стараются быстро отмыть деньги. В сценарном деле сейчас вообще большой кризис. Телевизионное кино делается по упрощенным схемам и с тем расчетом, чтобы домохозяйки, отлучившись от экрана на несколько минут, ничего бы не упустили.

Сапунов: Каково же кино твоей мечты?

Шабанов: Для кино моей мечты, к сожалению, нужны очень большие деньги. Очень хотелось бы снять художественный фильм о царе Кавказской Албании Оройсе. О сражении его войска с помпейским легионом на реке Куре в 66 году до н.э. Вот это кино, ребята! Но на это кино нужно, как минимум, 20 миллионов евро. Но если мы хотим, чтобы о нас услышали, чтобы о нас узнали, нужно снимать именно это кино. Оно будет в Голливуде, оно будет на всех фестивалях и покажет прежде всего нам самим, какими были предки азербайджанцев — кавказские албанцы, что в переводе значит «высокие сыны». Представляешь, у Оройса был полк амазонок, числом в 500 мечей!

Сапунов: Ты подробно изучил вопрос...

Шабанов: Да, надо было уехать в Москву, чтобы оттуда вернуться к азербайджанским корням (*смеется*).

Сапунов: Большое видится на расстоянии...

Шабанов: Да. Вот такова моя мечта. Но на то это и мечта, что пока малоосуществима. Тем не менее я надеюсь, что со време-

нем в Азербайджане будет создан собственный «голливуд»... Когда-то по распоряжению Гейдара Алиева вся республика помогала работе над фильмом «Бабек». Теперь было бы здорово снять высококачественное кино про Оройса. Некогда, благодаря фильмам с Рашидом Бейбутовым, о нас весь мир говорил как о жизнерадостной, музыкальной, поющей нации. Пора снова заявить, что мы нация и поющая, и жизнерадостная, и героическая. Что у нас есть великие воины, ученые, художники... Самим тоже пора узнать историю. А то далеко не каждый знает, что Маштага — массагетское селение, что Раманы названы не в честь Ромы Хромого, а в честь римского войска...

Сапунов: И режиссеров стоит узнать тоже. Хотя им сейчас непросто.

Шабанов: Да-а... Раньше режисерам было удобнее: они не знали, что такое искать спонсора, что такое обивать пороги, больше думали непосредственно о режиссуре. Сейчас же про-

«В МОСКВЕ ПЬЮТ ОЧЕНЬ МНОГО. И В «ОСТАНКИНО» ОСОБЕННО. ЭТО ОДНО ИЗ НЕМНОГИХ МЕСТ, ГДЕ МОЖНО С УТРА ПРИЙТИ ПЬЯНЫМ И ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ»

фессия режиссера не такая фешенебельная, какой была раньше.

Сапунов: Насколько я знаю, ты решил поднимать кинематограф с другой стороны — открыв актерскую школу... Зачем?

Шабанов: Открыть актерско-модельное агентство FS-Style меня заставил один случай. Я снимал фильм в Серпухове. И мой кастинг-директор привлек к работе несколько актеров для «ролей третьего плана» — статистов. Боже, какие это были «актеры»! Один стоял как столб, от другого, извини меня, разило. Девушки переигрывали по-страшному. Я отменил съемку и принялся орать, что с таким составом работать не буду, на что мне кастинг-директор сказал: «А других актеров у нас нет!» После этого мне пришлось открыть актерское агентство, одновременно являющееся и школой. За два-три месяца мы подготавливаем актеров-статистов. Это не профессионалы, но они могут правильно сказать: «Кушать подано!», правильно себя вести на площадке, играть небольшие, но яркие роли со словами. Ты не представляешь, какой был успех!

Сапунов: Сколько у вас уже выпускников?

Шабанов: Больше восьмидесяти — от 11 до 55 лет. И все они снимаются — в реконструкциях, в программах российских телеканалов, у меня в фильмах...

Сапунов: Кто преподает?

Шабанов: Я учу актерскому мастерству, есть педагоги, которые ведут сценическую речь, сценическое движение.

Сапунов: Но они же остаются непрофессионалами. Удобно ли с ними работать?

Шабанов: Вполне! Есть такие самородки!.. Ведь для многих съемок нужны новые лица, незнакомые зрителю. У меня в проекте «Настоящая жизнь» с Эммануилом Викторганом в 100 сериях снялось 700 человек, среди кото-

рых не было ни одного профессионального актера!

Сапунов: Если бы ты устроил подобную школу в Баку или, скажем, провел бы мастер-класс, были бы востребованы азербайджанские выпускники FS-Style?

Шабанов: Сейчас восточная тема вполне модная, это видно по работе в Баку иностранных съемочных групп. Да и я сам, к примеру, если приеду в Баку снимать кино, мне потребуется местная актерская база.

Сапунов: У нас уже есть немало актеров!

Шабанов: Здесь очень плохая актерская школа. Они играют не эмоции, а просто меняют выражение лица. Системой Станиславского и не пахнет. А у меня есть свои «скелетики в шкафу», помогающие настроить актера.

Сапунов: Приезжай еще и привози своих скелетиков.

Шабанов: Уверяю тебя, что, если кто-то проявит к такой школе или такому мастер-классу интерес, он не будет разочарован!..

Весна 2013 года

«Очень хотелось бы снять художественный фильм о Царе Кавказской Альбании Оройсе. О сражении его войска с помпейским легионом на реке Куре в 66 году до н.э. Вот это кино, РЕБЯТА!»

«Зеленый диван» с Севдой Алекперзаде

2013

ВПЕРВЫЕ В ГОСТЯХ НА НАШЕМ «ЗЕЛЕНОМ ДИВАНЕ» ПЕВИЦА. И НЕ ПРОСТАЯ, А ЗАСЛУЖЕННАЯ, МНОГО И УСПЕШНО ГАСТРОЛИРУЮЩАЯ, АЛЬБОМЫ КОТОРОЙ ПРОДАЮТСЯ ПО ВСЕМУ МИРУ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СЕВДА АЛЕКПЕРЗАДЕ. А ВПРОЧЕМ И ВПОЛНЕ ПРОСТАЯ. НЕ «ЗВЕЗДА».

Сапунов: Меня всегда интересовало отношение людей к их титулам и званиям. Уже несколько лет вы являетесь Заслуженной артисткой Азербайджанской республики. Что изменилось в вашей жизни, когда вы стали заслуженной?

Алекперзаде: Для меня звание — это признание государства, получив звание, становишься, как говорят турки, Devlet Sanatçısı — государственным деятелем. Заслужить такое внимание приятно. С другой стороны на творчестве это никак не отражается. Если народ, если публика тебя любит, то это не зависит от наличия или отсутствия званий.

Сапунов: Вы не знаете, чем отличается Заслуженная от Народной?

Алекперзаде: Нет, не знаю *(улыбается)*...

Сапунов: В советские времена была целая иерархия званий, каждое из которых давало определенные привилегии — в гонорах, в пенсиях и так далее.

Алекперзаде: Не думаю, что звание как-то отражается на гонорах. Звания — это советское наследие... Сейчас другое время. Сегодня одни стремятся к вершинам творчества, их волнует прежде всего качественная музыка, для других же важно, чтобы их узнавали на улице. Разные подходы.

Сапунов: Вот именно! Противостояние шоу-бизнеса и культуры с каждым днем все острее. При том, что вы, безусловно, прежде всего деятель культуры, вы не можете не оставаться и частью шоу-бизнеса. Как вы к нему относитесь?

Алекперзаде: Я считаю, что у нас пока нет шоу-бизнеса. Если даже россияне говорят, что у них нет шоу-бизнеса, на что претендовать нам? Шоу-бизнес — это Бейонсе, это Кристина Агилера, это Мадонна! Правда, когда они родились, у них на родине уже был развитый шоу-бизнес, они видели и шоу, видели и бизнес. А что видели мы? Как Шовкет Алекперова поет, стоя у рояля. Поэтому нужно, как минимум, еще несколько лет, чтобы у нас появилось какое-то подобие настоящего шоу-бизнеса. Пока же, увы, наш «шоу-бизнес» закручен вокруг свадеб. Той-бизнес. И я к этому абсолютно нормально отношусь, потому что другого заработка нет.

Сапунов: Не представляю вас поющей на свадьбе.

Алекперзаде: Я очень редко пою на свадьбах, да и те, которые похожи на концерты (*смеется*). Да, изредка я не могу отказать.

Сапунов: Концертами нашим певцам не прокормиться.

Алекперзаде: Конечно! В огромной России певец если даст по концерту в каждом городе — он будет вполне обеспечен. А наши исполнители за год могут дать разве что один концерт в большом зале — во Дворце Гейдара Алиева. Дальше им

ехать по районам, по деревням? Что они там соберут? Вот поэтому они все на свадьбах.

Сапунов: К счастью, вы не такая как все.

Алекперзаде: Да, у меня немножко другая история. Когда я пришла в эту профессию, для меня на первом месте был не заработок, а творчество. И до сих пор так осталось. Теперь я много гастролирую, у меня контракт с немецкой фирмой, которая выпустила мои диски, продающиеся во многих странах мира, со всего этого я имею определенный доход. Иногда выступаю на мероприятиях.

Сапунов: Корпоративы — это святое (*улыбается*)... Вы единственная, кто так гастролирует и выпускает за границей диски?

Алекперзаде: Насколько я знаю, это Алим Гасымов и Азиза Мустафазаде. Хотя Азиза уже и живет за рубежом.

Сапунов: А ведь Алим Гасымов — ваш учитель. Чему самому главному он вас научил?

Алекперзаде: Алфавиту мугама!.. Когда я к нему пришла — 14-летняя русскоязычная девочка — он был в шоке! «Зачем тебе это нужно?!» Но когда, спустя несколько уроков, я запела «Баяты-Шираз», он был в шоке снова.

Сапунов: При том, что вы из литературной семьи.

Алекперзаде: Но у моего отца был потрясающий голос. Он даже хотел стать певцом, но ему не разрешили родители.

Сапунов: А он вам разрешил?

Алекперзаде: Он мне тоже не разрешал. Но после долгих войн, после многочисленных просьб моей мамы и моих слез, он сдался. Когда отец убедился, что я пою везде — на балконе, в блоке, в парке, — он сказал: «Бог дал моей дочери талант, как я могу этому противиться?» Это был самый счастливый день в моей жизни. И я сразу записалась на курсы вокала, сразу побежала к Алиму Гасымову.

«Алим Гасымов научил меня алфавиту мутама!.. Когда я к нему пришла — 14-летняя русскоязычная девочка — он был в шоке! «Зачем тебе это нужно?!»

Сапунов: Это какой год был?

Алекперзаде: Примерно 1991-й...

Сапунов: Самые трудные времена были, многим было не до пения.

Алекперзаде: А я была ребенком и для меня кроме пения ничего не существовало.

Сапунов: Как удается отстраняться даже от любого намека на скандальность? Во всяком случае я не нашел ни одного негативного упоминания о вас.

Алекперзаде: Да? При этом меня постоянно пытаются втянуть в какие-то дразги. Я занимаюсь творчеством, никого никогда не задеваю. Но какие-то совершенно посторонние люди на каких-то странных сайтах полощут именно мое имя.

Может, потому, что они знают — я никогда не отвечу. И не отвечу не потому, что боюсь, а потому, что не хочу опускаться до их уровня. И мне они безразличны. Я считаю, что певец должен заниматься искусством, а не дебатами.

Сапунов: Дебаты? Вы им польстили таким определением.

Алекперзаде: Я считаю ниже своего достоинства говорить о ком-то за спиной. А сказать про кого-то плохое в эфире — это тоже самое сказать за спиной. В лицо мне никто ничего сказать не осмеливался — опускали глаза и тихо садились в углу. Уж лучше пусть обсуждают мое творчество.

Сапунов: Здесь уж вам грех жаловаться — творчество обсуждали предостаточно!

Алекперзаде: О, да! Когда вышел альбом Şəbi Nisran, столько было споров, столько критики! Ну и что? Зато эт был один из немногих дисков, который вышел на европейский уровень, его продавали по всей Европе, моя сестра купила этот диск в Нью-Йорке. Из Японии пришло письмо: «Нельзя ли использовать ваши композиции для альбома, собираемого в помощь пострадавшим от цунами?» Я согласилась, и на этом диске среди хитов мировых звезд есть и мои две песни. Мой первый альбом попал в десятку World Music Chart Europe, что не так легко, ведь в Европе выходят тысячи дисков. В сборник «Мировая баллада» вошла моя песня — единственная из азербайджанских. Я спела азербайджанскую версию «Гимна Европы»... Работой я уже все доказала. Это же не поп-музыка, где многое зависит от промоутера и от вложенных денег. Музыка, подобную моей, либо принимают, либо нет. Либо она выходит, либо не выходит. А эти альбомы позволили мне выступать на многих международных фестивалях наравне с мировыми звездами.

Сапунов: При том, что у вас относительно слабая позиция, потому что вы поете не по-английски, а по-азербайджански.

Алекперзаде: Нет-нет! Это ж не поп-музыка. Мою музыку ценят именно за самобытность. Если бы они хотели бы слу-

шать песни на английском — выбор более чем широк. Но моим слушателям нравятся азербайджанские песни. Для тех, кто интересуется мировой музыкой, это давно не экзотика. Сейчас же 2013 год!

Сапунов: Вы производите впечатление человека со строгими принципами. А формулировали ли вы для себя принципы творчества? Есть ли у вас табу? Что вы никогда не споете? Где вы никогда не споете?

Алекперзаде: Я знаю лишь, что «никогда не говори никогда». Не люблю зарекаться. Во всяком случае... сколько лет уже я пою?.. 22 года... За всего эти годы люди слышали от меня только качественную музыку. Мне не стыдно ни за одну песню... В свое время группа «Раст», где я пела, первой стала собирать залы на азербайджанскую поп-музыку — с качественной аранжировкой, с такой манерой исполнения.

Сапунов: Да, вы во многом были первыми.

Алекперзаде: Мою манеру не все понимали, говорили: «Это мужчина что ли поет? Что за тембр?!»

Сапунов: Как вы относитесь к критике? Критикуют ли вас?

Алекперзаде: *(смеется)* По-моему, кроме меня никого не критикуют! А кого надо критиковать — не трогают. Но судьи-то кто?.. Если меня хвалит Фархад Бадалбейли, если обо мне хорошо отзываются европейские музыкальные критики, если, наконец, меня хвалил такой человек, как Магомаев, что мне до лепета дилетантов?

Сапунов: Неужели никто из профессионалов не критиковал?

Алекперзаде: Пока нет. И я думаю, что он бы не интервью обо мне давал, а отвел бы меня в сторону и сказал: «Севочка, я тебе советую вот здесь петь не так, а так...»

Сапунов: При всем при том, звездной болезни у вас, кажется, нет.

Алекперзаде: Нет. Да и звезд — в правильном понимании — у нас нет. Что-такое звезда? Это мировая известность и миллионные гонорары! Кто из наших исполнителей может этим похвастать? Кого знают не только в Азербайджане?

Сапунов: Судя по вашим гастролям, вы ближе всего к статусу звезды.

Алекперзаде: Вряд ли. Я же пою не поп-музыку.

Сапунов: Что вам дают гастроли?

Алекперзаде: Опыт! Бывало, что я давала пять концертов в неделю и самым лучшим получался последний — я уже привыкала, меньше нервничала и лучше раскрывалась.

Сапунов: Отдыхать получалось?

Алекперзаде: На гастролях? Никогда! Ну разве что в Швейцарии... Там природа наполнена таким умиротворением... Особенно мне понравился городок возле Монтрё — Веве. Какая тишина, какая красота, какие цвета, какие горы! Чтобы прийти в себя не нужен ни психолог, ни психиатр (*смеется*), нужно просто посидеть на берегу озера.

Сапунов: А еще в Веве умер Чарли Чаплин... Однако, говорят, в Швейцарии скучно.

Алекперзаде: Да, наверно, жить в Швейцарии я бы не смогла. Но побыть там месяц — просто мечта.

Сапунов: Каково потом возвращаться в Баку?

Алекперзаде: Хорошо. Я всегда люблю возвращаться в Баку. Я не могу без него долго. Исключение — когда я жила во Флоренции, мне казалось, что могу прожить там еще и еще...

Сапунов: Какой у вас любимый концертный зал?

Алекперзаде: Я люблю маленькие клубы — с уютom, с аурой, чтобы видеть каждого. У нас таких, увы, нет. Если и

есть клубы, то там кушают и пьют, а значит не слушают. За границей я такого не видела, в зарубежных клубах слушают внимательно, там идеальная тишина для исполнения, там не позволяют себе разговаривать и выпивать во время концерта.

Сапунов: Какой же зал вам нравится в Баку?

Алекперзаде: Пожалуй, мугам-центр — небольшой, уютный.

Сапунов: Вы передаете кому-нибудь свое искусство? Как когда-то вас учил Алим Гасымов...

Алекперзаде: У меня в Институте Искусств были прекрасные преподаватели, но я сама не педагог. Это совсем другое искусство.

Сапунов: Кстати вы же по диплому «актриса музыкальной комедии»

Алекперзаде: Ох, как я не люблю это сочетание — «музыкальная комедия». Да простят меня ее любители, но мне в мюзикомедии чудится что-то глубоко устаревше-советское. Сейчас время мюзиклов. В мюзикле я бы спела. Но мюзиклов у нас пока нет. Это сложно и дорого. А ведь надо привносить современность и в классику. Я смотрю телеканал Mezzo — как там все потрясающе выглядит! Хочу, чтобы у нас тоже так было.

Сапунов: Ваши песни наполнены грустью... Где же та «актриса музыкальной комедии»?

Алекперзаде: Развлекать всегда легко. А если задуматься, уйти вглубь, ничего в жизни веселого нет. Музыка для меня философия. Поэтому последние мои проекты — философские, они преисполнены печали. А уж если вы послушаете мой новый проект — там вообще невесело (*смеется*). Нет великого искусства без грусти.

Сапунов: Что же вас радует?

Алекперзаде: Многое. Творческие люди — они же словно дети. Я могу обрадоваться порой сущему пустяку. Иногда проснусь радостная — сама не знаю почему. Ну и завершение большого проекта — тоже всегда радость. Хотя после нее наступает опустошение... Ничего. В январе, даст Бог, презентую результаты трудов, что велись три года и позволю себе немножко поп-музыки. Буду петь, как вы говорите, радостные песни (*улыбается*)!

2013 год

«Зеленый диван» с Наргиз Джалиловой

2013

НАРГИЗ ДЖАЛИЛОВА – ПРИЗНАННАЯ ПРИМА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ. ОНА ТРУДИЛАСЬ НА РАЗНЫХ КАНАЛАХ В РАЗНЫЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ЭПОХИ. НАРГИЗ-ХАНУМ ДОСКОНАЛЬНО РАЗБИРАЕТСЯ В НЮАНСАХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОФЕССИЙ. ЕЙ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ ПРО СОВРЕМЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ. И НЕ ТОЛЬКО.

Сапунов: Знаю вас 17 лет и примечательно, что я за эти годы постарел и поседел, а вы не изменились совершенно. Это обыкновенное чудо, и, казалось бы, нужно задать вопрос о секретах вашей красоты. Но я отойду от шаблона и спрошу у вас, как у опытного интервьюера, какие вопросы не стоит задавать никогда?

Джалилова: Никогда не ставила никаких преград!

Сапунов: Никаких табу?

Джалилова: Разве что не спрашивала о совсем личном, со-

кровенном. В каждой беседе я старалась быть осторожной, предугадывая, что о чем можно спросить, а о чем нельзя, насколько далеко можно зайти в обсуждении той или иной темы. Подобная интуиция — рецепт телевизионного долгожительства.

Сапунов: А бывало, чтоб вы разочаровывались в собеседнике?

Джалилова: Бывало... А случалось, и во мне разочаровывались. Очень много зависит от степени контакта, от вашего настроения, от настроения собеседника. А вдруг павильон холодный? Мы же все живые люди. Но я всегда старалась раскрыть тему и характер гостя. А окончательного совершенства добивалась на монтаже, ведь для правильного темпа программы порой важна даже длительность вдоха героя.

Сапунов: Вы помните советское телевидение, вы помните ТВ 90-х годов. Какими словами можно охарактеризовать современное телевидение — наше, отечественное?

Джалилова: Оно на этапе становления.

Сапунов: Как-то прозвучало и его сравнение с подростком. Но сколько десятилетий подросток может развиваться? Не превратился ли наш подросток в недоросля Митрофанушку?

Джалилова: Профессионалов мало.

Сапунов: Но если недостаточно профессионалов, это значит, что развивать телевидение некому?

Джалилова: Какие-то исключения есть... Да, исключения... Сегодня телевидение основано на «реалити». Раньше мы приглашали в студию знаменитостей, теперь же на экран стремится каждый. Каждый хочет стать знаменитостью, не зря же все так любят выставлять в социальных сетях свои фото, свои видео... И стремясь удовлетворить это стремление, телевидение запускает всяческие развлекательные, соревновательные программы — чтобы там принимал участие обычный зритель.

Потому что зритель хочет видеть на экране и такого, как он сам, видеть себя! Это мировой тренд. Телевидение всегда опережает общество!

Сапунов: В каком же состоянии наше общество, если телевидение его даже опережает?

Джалилова: Должно опережать, чтобы вести за собой!

Сапунов: Но вы же сами сказали о недостатке профессионалов. Кто же будет вести за собой зрителя? Родственники теленаачальников, получившие собственные шоу за красивые глаза?

Джалилова: Вы знаете, чего еще не хватает нашему телевидению? Режиссуры. Все обращают внимание на ведущего. А как его снять, чтобы было интересно? Нет программ, основанных на глубоких сценариях, на вдумчивой режиссуре. А в свое время мы знали и работу операторов, разбирались в постановке света, в ракурсах.

Сапунов: Иногда наблюдаю, как работают иные телеоператоры на выезде. Включают камеру, поставленную на штатив и уходят!.. Амбиций все больше, а тщательности все меньше.

Джалилова: Что касается новостных съемок... Новостники — это охотники. А у наших эта способность утрачена. Репортаж — полузабытая профессия.

Сапунов: Необходима политика канала, который осознает необходимость горячих, ярких репортажей и начнет натаскивать своих репортеров...

Джалилова: И еще мне не достает разнообразия подходов. К примеру, случается в стране некое важное событие — то же Евровидение. Почти все телеканалы преподносят, комментируют его одинаково. А где разнообразие точек зрения, где варианты ракурсов, где альтернативные мнения, где дискуссии? На Западе именно так делают, поэтому у каждого канала свой преданный зритель.

«Я счастливый человек, потому что считаю, что мне удалось сохранить уровень и на экране, и на сцене. Это не так часто бывает. Вы заметили, как у нас мало ведущих?»

Сапунов: Основа драматургии — конфликт... А у нас порой вместо конфликта — аплодисменты.

Джалилова: Бесконфликтность! Именно! Авторам программ кажется, что в передачах не должно быть драматургии. Вы делаете ток-шоу на злободневную тему — а где завершение, где итог, подводимый ведущим? Я очень люблю, когда ток-шоу завершается хоть какими-то решениями.

Сапунов: Позитивный финал?

Джалилова: Не обязательно позитивный!.. Но некий внятный вывод должен сформироваться у зрителя. Почему я собрала в своей программе — социальной, политической и так далее — этих людей и что я этим собранием хотела сказать, что я, собственно говоря, выяснила? Тема должна раскрыться и дойти до кульминационной точки. Если я, как ведущая, как

редактор, не дошла до этой кульминации, значит моя программа не состоялась и я вообще не имею права делать ток-шоу!.. А у нас, знаете, как бывает: «Наше время истекло! До свиданья!» А где последняя точка? Чего мы достигли в программе? Хотя что-то ведущий должен сказать в конце — сделать резюме, основанное на всем течении программы. Вот этого у нас не хватает.

Сапунов: Вам когда-нибудь было стыдно?

Джалилова: За что?

Сапунов: За что угодно.

Джалилова: Наверно, было. Человек всегда учится, в том числе и на собственных ошибках. Говорят, что в профессии важна конкуренция. А я всегда была сама себе конкуренткой, критически относясь и к своим телепрограммам, и к своим сценическим выступлениям. Всегда чем-то остаюсь недовольной! А ведь иначе не будет роста... Жизнь-то идет.

Сапунов: Чего не стоит делать нашим девушкам, женщинам? Или мужчинам.

Джалилова: Слава, это настолько индивидуально. Нельзя никому диктовать.

Сапунов: Но раздражает же что-то?

Джалилова: М-м... Чувство меры! Нужно соблюдать чувство меры! Особенно телеведущим. Иначе можно порезаться.

Сапунов: А надо ли бояться порезаться?

Джалилова: Иногда нет, конечно. Фигуристы на льду порой могут порезаться о свои же коньки, но этот риск необходим для выполнения важного элемента. Да, иногда надо порезаться. И это приятная раночка.

Сапунов: В фигуристах меня всегда восхищала способность после падения подняться и продолжить танец.

Джалилова: Вы знаете, самый большой профессионализм

— в способности встать. И на сцене — в способности сгладить ошибку, в способности преодолеть неудачу. Преодолевая, тоже получаешь огромное удовольствие! Это полет!

Сапунов: Странно, что вы вспомнили фигурное катание раньше большого тенниса...

Джалилова: *(горячо)* О, да! Я обожаю большой теннис! Сегодня будут транслировать финал Australian Open — я предвкушаю! Если бы мне было 25 лет, я бы непременно занялась бы большим теннисом! Очень люблю Надаля! Вы не представляете, как я болею за него! Кричу в экран! Хорошо, что живу одна — никто не пугается *(смеется)*.

Сапунов: Телеведущие, считаете, похожи на спортсменов?

Джалилова: Немного. Схожесть в том, что процентов на десять важен талант, но чтобы достичь успеха, важно трудиться, трудиться и трудиться. А разница в том, что спортсмены очень рано выходят на пенсию, а телеведущие могут оставаться в профессии до конца жизни. Вспомните, например, Ларри Кинга. Мне его манера очень близка. Я тоже всегда хотела быть оппонентом своему собеседнику, а не просто задавать вопросы по списку. Сейчас это не удивительно, а в наши годы это было из ряда вон. Но уже тогда я, не зная ничего про Ларри Кинга, сама к этому приходила. По такому принципу были сделаны мои эфиры на телеканале АВА, который остался в нашей памяти как самое прогрессивное телевидение в Азербайджане. И в последующие годы я придерживалась этого принципа в других своих программах.

Сапунов: С чего должно начинаться такое прогрессивное телевидение? Кто должен его начать?

Джалилова: Профессионалы. Надо приглашать своих, пока они еще есть. Надо приглашать иностранцев... Бюджеты многих телеканалов вполне это позволяют. Не стоит винить молодежь... В мое время были специалисты, на которых мы могли равняться. А на кого равняться молодым сейчас?

Сапунов: Вы сами передаете свой опыт?

Джалилова: Да, я стараюсь, хотя, разумеется, ничего на этом не зарабатываю. А еще для профессионала важно не оставаться на месте. Если не смотреть современные программы, если не учиться у более продвинутых коллег, ты рискуешь серьезно отстать от жизни, от профессии!

Сапунов: А ведь вы еще и на сцене успеваете блистать!

Джалилова: Я счастливый человек, потому что считаю, что мне удастся сохранить уровень и на экране, и на сцене. Это не так часто бывает. Вы заметили, как у нас мало ведущих? Я очень надеюсь, что мне удастся еще долго сохранить сценическую форму (*улыбается*).

Сапунов: Я уверен, что и мои внуки будут вами любоваться!.. На сколько вы себя ощущаете сегодня?

Джалилова: На хороший зрелый возраст, этак на 35 — то, что нужно для женщины.

Сапунов: Скажите, пожалуйста, что для вас пошлость? Все чаще задаюсь этим вопросом.

Джалилова: Я неспроста заговорила сегодня о чувстве меры. Когда его забываешь — случается пошлость. Мне кажется, что на телевидении самодеятельность — это немножко пошлость. Когда забываешь о культуре — это пошлость. Даже самый разухабистый ведущий развлекательной программы должен быть внутренне культурным, и тогда зритель поймет, что его манера ведения — это просто игра. Вот Иван Ургант порой доходит, казалось бы, до грани, но никогда ее не переходит и никогда не выглядит пошлым. Потому что есть внутренний стержень. Кстати, Окан Баюлген — турецкий шоумен — помнится, задавался вопросом, почему нельзя те или иные слова произносить с экрана. И проводил в этой области рискованные эксперименты. Но никогда не выглядел пошлым. Это тоже сродни хождению по лезвию бритвы. Всегда вспоминаю этот роман Ефремова.

Сапунов: Чувство меры — это ведь способность сказать «нет». Когда вам говорят «нет», как вы реагируете? Или вам никогда не отказывают?

Джалилова: Ну что вы! К чему такой нарциссизм? Я делаю выводы. Именно благодаря тому, что я делаю выводы из всех негативных моментов, я и сохранила свое место, свою нишу! Каждый человек, который хочет добиться чего-либо, должен найти свою нишу и занять ее так, чтобы никто не смог его оттуда отодвинуть.

Сапунов: Вы очень любите свою профессию, именно о ней вы стараетесь говорить больше всего...

Джалилова: Я очень люблю свою профессию, я очень хочу сохранить себя в ней как можно дольше. Когда-то моя профессия меня просто спасла. Я больше всего счастлива в этой профессии. Может, не настолько в личной жизни... Хотя я была очень любима и прожила прекрасную жизнь, негоже жаловаться. Я люблю свою дочь. Это тоже достижение. Просто жалко, что она у меня одна. Возможно, самая большая ошибка в моей жизни в том, что я не родила хотя бы еще одного ребенка. Чувствую в этом ужасную неудовлетворенность. Я развелась, когда моей дочке было 10 лет, и не случилось другого брака. Но у меня есть племянники: дети брата, дети сестры — моя большая семья, которую я очень люблю. У племянницы скоро будет свадьба... Это большой праздник для всех нас... *(задумывается)* Знаете... по-любому жизнь удалась. И если сегодня или завтра меня не станет, даже в этом возрасте, после меня останется немало.

Сапунов: Вы думаете о смерти?

Джалилова: Каждый день. Смерть не должна страшить человека. И каждый день проводить как последний — не так уж неправильно.

2013 год

«Зеленый диван» с Михаилом Дегтярем

2014

Михаил Борисович Дегтярь — журналист, путешественник и, пожалуй, самый именитый теле-репортер России. Перечень его профессиональных премий, начиная с четырех ТЭФИ, чрезвычайно длинен. Вот и с бакинского Международного фестиваля туристических фильмов Михаил Дегтярь также увез очередную статуэтку. Но в Баку он оставил свое сердце. Еще в конце 1970-х...

Сапунов: Вашу программу «Репортер» я полюбил в юности и до сих пор уверен, что это один самых оптимальных телеформатов. Так что греха таить, вы для меня корифей. И я несколько волнуюсь. А перед какой встречей вы волновались особенно?

Дегтярь: Давно уже, к сожалению, не волнуюсь. И это, наверно, не совсем правильно, волнение все-таки необходимо — как у актера. Но за 23 года существования программы оно куда-то ушло. Да, вот такой рекордный возраст. Обычно говорят, что телепрограммы живут не больше 3 лет. Долгожи-

телей очень немного. А среди еженедельных их почти нет.

Сапунов: Кстати, не могу не отметить важную подробность из вашей биографии. У нас на «Зеленом диване» бывали композиторы, телеведущие, бизнесмены, шоумены, редакторы, актеры... Но впервые у нас в гостях ветеран канализационной службы станции «Баладжары». Добро пожаловать обратно в Баку! Мне приятно, что есть люди, которые, пожив здесь всего несколько лет, влюбляются в мой родной город. И в вашей книге воспоминаний «Репортер» вы очень тепло о Баку отзываетесь.

Дегтярь: Баку — буквально город моей юности. Здесь я жил с 22 до 28-ти лет — самый прекрасный возраст! Сперва было очень тяжело: я был один, чистил баладжарскую канализацию, жил в общежитии в одной комнате с семьёю азербайджанцами из района, которые не говорили по-русски... Мне тогда помогла выжить бакинская филармония. Я переодевался из рабочей робы в пиджак и ехал на электричке в Баку. Каждый день на протяжении года. Сперва покупал билеты, а потом бабушки-билетерши меня стали пускать бесплатно.

Сапунов: А затем случилась первая ваша публикация в «Молодежи Азербайджана» и началась карьера журналиста... К журналистам тогда относились по-другому. И описанная вами в книге история, как в провинции вам вручали канистры коньяка, очень показательна.

Дегтярь: Да, тогда могло случиться все что угодно. Когда я стал корреспондентом «Комсомольской правды», однажды в Ялте первый секретарь горкома «забыл» для меня в гостиничном номере девушку — второго секретаря горкома комсомола. Абсолютно довлатовская история. Вот так делались карьеры в комсомоле.

Сапунов: Вы много путешествовали, и так получилось, что Азербайджан стал первой страной, которую вы посетили. После вспоминался ли он в дальних странах?

Дегтярь: Ну тогда это была не отдельная страна, было общее большое государство. А вспоминать, разумеется, вспоминал. Например, невероятными темпами строительства Баку очень напоминает Дубай. Но мне не нужен какой-то особый повод для воспоминаний. Баку был мой дом, и я всегда вспоминаю о нем с любовью. Когда мне пришлось покинуть Баку, мне это далось очень нелегко.

Сапунов: Вы на днях встречались со своим старым другом — Максудом Ибрагимбековым. О чем говорили, о чем вспоминали, спустя столько лет?

Дегтярь: Вспоминали его старую квартиру на улице Гаджибекова. Там на балконе был установлен штурвал, и Максуд, изображая капитана, иногда «рулил» домом-кораблем. Вспоминали закрытые просмотры в Доме кино. Вспоминали бульвар. Вспоминали Кубинку, где можно было купить все: крабов, сигареты, пистолет... Но из машины выходить не рекомендовалось. Сейчас того Баку почти нет. Я вчера нашел несколько улиц, сохранивших прежний флёр, там я вновь оказался в Баку, некогда накрывшем меня своим дыханием. Тогда я мог войти в любой двор, где меня сразу же приглашали сесть за стол, угощали шашлыком... Сто национальностей жили в Баку! Припоминаю сцену: улица Петра Монтиня, люди сидят на стульях, установленных на тротуаре, и смотрят телевизор, который находится в доме. «Что вы здесь-то сидите?» — «А здесь прохладней!» Такого сейчас мне не хватает.

Сапунов: Многие города изменились — Москва, Одесса...

Дегтярь: Москва — вообще кошмар, превратилась в таджикский город. Когда я приехал в Москву 30 лет назад, она была другим городом — городом, о котором все мечтали. А о современной Москве я не могу мечтать, понимаешь?

Сапунов: В своей книге вы прекрасно описываете свою способность проникать куда угодно. Этот талант врожденный или приобретенный?

Дегтярь: Наверно, это генетическое, хотя мои родители никуда особо не проникали, да и брата моего никуда не пустят. Это такой остапобендеровский авантюризм, основанный на тонком расчете. Бывало для каких-то материалов я представлялся сотрудником горкома партии. В советское время за это можно было серьезно пострадать. А взять историю, когда я с Юлием Гусманом приехал в Ташкент, и нам досталась никудышная гостиница! Я купил на базаре гранаты и пошел к секретарю обкома партии, сказал, что я от секретаря бакинского горкома Вагифа Гусейнова, которого я никогда в глаза не видел. И нам сделали сразу номера в лучшем отеле города и бесплатно. От таких проделок я получал колоссальное удовольствие.

Сапунов: Оглядываясь на пройденный путь... Куда бы вы не стали проникать, в какую авантюру не ввязались бы, какой стендап бы не сняли?

Дегтярь: Я бы, наверно, отказался от поездок в Ирак. Я был там дважды. Вот уж не моя страна! Лондон — мой город, Берлин — мой, а вот Багдад — не мой. Я это чувствую нутром сразу и не могу объяснить. Еще в первый раз, в 1995 году, я дал себе зарок — не ездить в Ирак, и все равно в прошлом году снова там оказался. Я там такого наглотался!.. Жара 52 градуса, мы в бронезилетах, нас охраняет американский спецназ, жуткие условия... Не хочу больше!

Сапунов: Ни о каких своих репортерских подвигах не жалеете?

Дегтярь: Я считаю, что репортер ради съемки должен быть готов на все: раздеться догола, прыгнуть с 15-метровой высоты, пить кровь кобры. Это основа профессии. Нельзя говорить, что я чего-нибудь бы не сделал. Ни о чем не жалею. Интуиция меня никогда не подводила.

Сапунов: Основа вашей теории — детский интерес к жизни. А есть темы, к которым вы потеряли интерес?

«РЕПОРТЕР РАДИ СЪЕМКИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОТОВ НА ВСЕ: РАЗ-
ДЕТЬСЯ ДОГОЛА, ПРЫГНУТЬ С 15-МЕТРОВОЙ ВЫСОТЫ, ПИТЬ
КРОВЬ КОБРЫ. ЭТО ОСНОВА ПРОФЕССИИ»

Дегтярь: Нет. Меня все интересует. Другое дело, что я некоторое время не занимаюсь репортажной работой, у меня на данный момент нет договоренностей ни с одним каналом, потому что из-за своих откровенных выступлений я испортил отношения со многими телевизионными начальниками. Сейчас я снимаю документальное кино по заказу Министерства культуры, но, конечно, телевизионного репортажа мне не хватает. Это любовь моей жизни и смысл существования. Часто думаю: ах, как я бы это снял, как бы это преподнес.

Сапунов: В стол вы не снимаете?

Дегтярь: Нет. Да и техника быстро идет вперед. Если вчера мы снимали на DVСam, то сейчас все принимают только формат High Definition. И эта гонка будет постоянной.

Сапунов: Сегодня снимают все и всем. Много хороших репортеров, еще больше плохих, того больше — дилетантов. Создается ощущение информационной пресыщенности. Не знаешь, что смотреть, и в результате не смотришь ничего. Вы можете два месяца снимать сложный фильм, а завтра какой-нибудь котик наберет в YouTube в сто раз больше просмотров.

Вам никогда не приходило в голову, что мастерство, подобное вашему, уже не нужно? Как и телевидение вообще...

Дегтярь: Трудно сказать. Как это ни банально звучит — время покажет. Действительно сейчас молодежь почти не смотрит телевизор. Мой 18-летний сын использует его лишь как монитор, скачивая фильмы по Apple TV. А я смотрю 5-6 кулинарных каналов, географические передачи. Ну и спорт смотрим. Но новости — никогда. Потому что это бессмысленно, все намного быстрее приходит в интернете. И тем не менее я думаю, что телевидение не умрет. Генетическая память очень сильна. Мои родители каждый день в 9 часов садились смотреть программу «Время». Даже у меня иногда возникает такое желание.

Сапунов: В Баку вы приехали на фестиваль туристических фильмов. Я знаю, что у вас премий ну очень много, начиная с четырех «ТЭФИ»...

Дегтярь: Да, железа много.

Сапунов: Зачем еще-то?

Дегтярь: Все-таки важно, чтобы у моего труда было признание. И отчасти спортивный интерес. Хотя порой премии дают не за качество, а по каким-то политическим мотивам и так далее.

Сапунов: Последняя «ТЭФИ» вам дорогого стоила.

Дегтярь: Да, руководство ВГТРК сказала: «Мы не выдвигаемся на ТЭФИ», а я все равно выдвинулся. И это стоило мне работы. А сегодня саму премию «ТЭФИ» уничтожают. Очень жаль.

Сапунов: Все-таки хорошо, что вы не пошли по водно-хозяйственной части.

Дегтярь: Да, вы знаете, как тяжело найти свое место в жизни. Вот мой сын закончил лучшую московскую школу, поступил в международный институт экономики и финансов,

где преподавание только на английском языке. Он свободно владеет английским. Я так был рад!.. А он, закончив первый курс, сказал: «Это не моё. Я хочу на режиссерский факультет ВГИКа». И поступил!

Сапунов: Гены.

Дегтярь: Я поступил во ВГИК с четвертого раза, после стройфака Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. А он в 18 лет уже студент в мастерской Вадима Абдрашитова!

Сапунов: Вы в Баку включали местные телеканалы?

Дегтярь: Да, в прошлом году. Получил большое эстетическое удовольствие (*грустно улыбается*)... Это, конечно, позорное телевидение. Три года назад мы — делегация Академии Российского телевидения — Михаил Швыдкой, Анатолий Лысенко, я и другие — встречались с азербайджанскими телеруководителями. И говорили, что многое надо менять. Серьезные мужчины в костюмах нас внимательно выслушали, предложили, чтобы мы приезжали, давали мастер-классы... Мы согласились... И всё. После этого они даже на письма наши не отвечали. Им это оказалось не нужно. А ведь мы были на АзТВ, мы видели студии, технику. Там все по-взрослому! Просто они этим не умеют пользоваться... А мы так хотели помочь.

Сапунов: Если этот разговор возникнет вновь, вы не откажетесь приехать и устроить мастер-классы.

Дегтярь: Да, с удовольствием! Можно было бы сделать интересное, информационное телевидение, с хорошими документальными фильмами, с умными, качественными программами... Просто не знаю, с кем еще можно об этом разговаривать. Ведь мы говорили с первыми лицами телевидения.

2014 год

«Зеленый диван» с Фаиной Алекперовой

2014

Школу №160 можно назвать самой знаменитой бакинской школой – благодаря множеству известных выпускников, прославляющих родную школу при каждом удобном случае, благодаря удивительной атмосфере, полной жизнелюбия и творчества, сохранившейся, несмотря на все политические и социальные коллизии. Подумать только: с 1943 года в школе №160 сменилось лишь 4 директора! Почти четверть века легендарной школой руководит Фаина Эммануиловна Алекперова, Заслуженный учитель Азербайджана.

Сапунов: Даже давая интервью Владимиру Познеру на российском Первом канале, Юлий Соломонович Гусман не удержался и вспомнил свою родную 160-ю школу. Припоминаю, что у вас учились телеведущий Виталий Вульф, шахматист Теймур Раджабов, многие «Парни из Баку». И в устах каждого 160-я всегда настоящий символ всего самого доброго и светлого. Как же удалось сохранить этот дух? Вот загадка!

Алекперова: Я в 160-ю школу пришла после восьмого класса, в 1962 году. Услышала, что там существует интересный «вожатский класс», и сама перевелась! Просто пришла к директору и сказала: «Я хочу учиться в вашей школе!» Он удивился, но согласился. И я сразу заметила, что в этой школе — а прежде я училась в 1-й и 46-й школах — какая-то редкая, демократическая атмосфера. Особенно для той поры. И директор — Юрий Петрович Курдюмов — был замечательным человеком. Помню, например, как-то раз мы собирали металлолом и он участвовал со всеми наравне: помогал, носил, складывал... Такого я ни в 1-й школе, ни в 46-й и представить не могла! Мудрый, рассудительный, Юрий Петрович был непререкаемым авторитетом для всех. Он был крупный мужчина, с седыми волосами и, будучи русским, говорил с грузинским акцентом, потому что долго жил в Грузии. Почти все уважающие себя старшеклассники могли его изобразить с любовью: «Слушай меня, дарагой!»

Сапунов: Никогда не слышал про вожатские классы. Как они появились?

Алекперова: Эти классы были созданы по инициативе ЦК комсомола, потому что была большая потребность в вожатых. А в нашей школе общественная жизнь особенно кипела, среди наших учителей было много бывших пионерских и комсомольских работников. В 1969 году мы даже получили из Москвы звание школы имени 50-летия Всесоюзной пионерской организации. Вожатские классы просуществовали 5 лет, и было сделано три выпуска — один до нас, наш и один после. Из нас воспитывали людей с активной жизненной позицией, водили по другим школам, где мы знакомились с их достижениями, их организаторскими находками. Культурная программа тоже была усиленной: выставки, экскурсии, театры... Было очень интересно. Вы знаете, кроме хорошего обучения, в школе должна быть такая атмосфера, в которой дети становятся настоящими людьми. В нашей школе очень хорошие учебные показатели, но я считаю, что главная за-

слуга — тот самый дух, который позволяет нашим выпускникам гордиться своей школой спустя многие годы.

Сапунов: Как же он сохранился?

Алекперова: Все дело в людях. Нашей школе повезло: 160-й руководило всего четыре директора, это все-таки признак стабильности. И некоторые учителя — выпускники нашей школы, что важно для связи между поколениями. У нас в школе есть свой девиз, свой гимн, герб, знамя, есть школьный парламент. Такое маленькое государство... Человек вырастает свободным, если у него и в процессе воспитания есть свобода выбора. Поэтому мы уделяем много внимания внешкольной работе. И с 1951 года каждое 31 января у нас проводятся встречи выпускников. Приходят бывшие ученики нашей школы, вновь вдыхают школьный воздух и убеждаются: все сохранилось. Лишь в 1990 году из-за трагедии Черного Января встреча не проводилась. Так что 160-я сильна традициями. Увы, редкие школы в Баку сохранили их. А ведь хорошее здание можно построить только на крепком фундаменте.

Сапунов: Кто придумал школьный парламент?

Алекперова: Вообще-то я придумала, но будем считать, что это было коллегиальное решение. И однозначно наша школа стала первой, где появилась такая форма ученического самоуправления. Сегодня спикер парламента — Айша Абдель Гадир (ее отец иностранец) — энергичная, талантливая, очень правильная девочка, которая все способна организовать сама, иногда лучше учителей.

Сапунов: И наверняка члены парламента могут заходить к вам в кабинет когда угодно.

Алекперова: Не только они. У меня вообще дверь закрывается о-очень редко. И прийти может каждый, в любой момент. В этом-то и суть! Помню, как-то раз, еще до ремонта, подошел ко мне первоклашка: «Директор-ор! А там возле лестницы ды-ырка. Оттуда мышка может выскочить!» Я его внимательно выслушала и не отправила «Ступай, мальчик, не

мешай!», а поблагодарила за наблюдательность, пообещала организовать ремонтную бригаду по месту жительства мышки (*улыбается*). Чтобы мальчик почувствовал свою причастность к жизни школы. И ко мне в кабинет постоянно ходят ученики — предлагают, жалуются, возмущаются, советуются. Это очень важно.

Сапунов: Как изменились дети с наступлением нового времени?

Алекперова: Дети — они всегда дети. Кто-то более способный, кто-то менее, кто-то более энергичный, кто-то — напротив... Но и изменения есть. Они все с техникой, с электроникой «на ты». А вот с книгой «на вы». А ведь книга — это все-таки очень важно! Книга дает человеку больше, чем техника.

Сапунов: А как изменились родители?

Алекперова: Молодые родители больше думают о развлечениях и меньше о детях. Продвинутые родители больше думают о работе и опять-таки меньше о детях. Зарабатывают, казалось бы, для детей. Но воспитанием занимаются няньки. Был у нас вопиющий случай, когда один младшеклассник сильно ударил девочку, она упала, повредила нос... Мы стали разбираться. Психолог провела с ним беседу: «А какие сказки ты любишь? А какой твой любимый герой в сказках?..» И выяснилось, что мальчишка попросту путает плохих героев и хороших, у него смещение моральных понятий, явный дефицит базовых представлений «Что такое хорошо? Что такое плохо?» Мы выяснили, что у его матери еще два маленьких ребенка, она целый день с ними, отец с утра до вечера на работе, а с пацаном занимается приходящая учительница — уроки делает и уходит. И мальчишка учится хорошо, а вот в простых этических принципах путается. В классе учитель, конечно, этого тоже касается, но ведь этого мало! И сейчас в большинстве семей так... Раньше мы общались с детьми хотя бы по дороге в школу и из школы: «Что задали? О чем гово-

рили? Кто с кем подрался?» А сейчас детей возят водители. Печально это.

Один родитель, преподаватель психологии, спорил со мной: «Зачем первоклассникам выставлять оценки за поведение? Как можно малышу ставить «неудовлетворительно»?» Нужно и важно! Чтобы он понял, как можно себя вести, а как нельзя. И чтоб родители больше говорили с ним на ту самую тему, сформулированную Маяковским «Что такое хорошо? Что такое плохо?»

Все-таки что-то сместилось. И даже родители, от которых ты ждешь адекватной реакции, нормальные, грамотные, перестали уделять этому внимание. Во главу угла ставят прагматизм. «Мне это выгодно, а это не выгодно!» Я ненавижу слова «выгодно», «не выгодно» в области человеческих отношений!

Сапунов: Ну и, разумеется, вопрос — «Как изменились учителя?»

Алекперова: Я уже упомянула, как важно для сохранения традиций, для поддержания этой легендарной атмосферы, когда к нам в школу возвращаются бывшие ученики, но уже в роли учителей. Сейчас, увы, у нас связаны руки. Сейчас распределение учителей централизованное. Это правило ввели еще при прежнем министре, для преодоления, скажем так, коррупции. И это было действительно там, где проблема существовала. Однако таким школам, как наша, это здорово мешало. Кого-то подозревают, а страдают все. Я хорошо понимаю министерство, возможно, на их месте я поступала бы так же. Но все же стоит давать школам больше самостоятельности, а по осени считать цыплят. А то ведь что получается: учителей теперь подбирают без меня, но отвечать за качество их работы должна я!

Сапунов: И какие нынче учителя?

Алекперова: У нас хороший, творческий, дружный, многонациональный коллектив, но его постоянно надо пополнять.

К величайшему сожалению, лучшие выпускники сейчас не идут в педагогику. Причины понятны — чего уж говорить. Лучшие идут в экономические специальности, нефте-газовую сферу, в информационные технологии, меньше в медицину. К тому же тестовых экзаменов не достаточно для отбора людей, которые завтра будут воспитывать подрастающее поколение! В конце концов, нужно как-то проверять на любовь к детям, на коммуникационные способности... А то помню, пришла как-то молодая учительница начальных классов — шепелявая! В тестах же этого не заметно! А как она будет детей учить с «фефектом фикции»? Учитель должен быть оратором! Еще я как-то раз не приняла на работу учителя истории, который мне написал заявление с ошибками. «Я же не филолог!» Но у любого учителя должен быть определенный уровень грамотности, уровень культурного развития... В

«160-й руководило всего четыре директора, это все-таки признак стабильности. И некоторые учителя — выпускники нашей школы, что важно для связи между поколениями.»

школу идут середняки. А общеизвестно, что талантливому ученику воспитает талантливый учитель, а середняк породит середняка. Вот в чем беда нашего учительства. Хорошие, талантливые учителя есть, но это скорей исключение. Сегодня есть новая образовательная концепция, где написано, как должно быть. Но никто не знает, как этого добиться.

Сапунов: Что вы думаете о репетиторах?

Алекперова: В нынешней моде на репетиторов снова виноваты родители. Именно они предпочитают нанимать учителя, потому что сами заниматься с детьми либо не могут, а чаще всего не хотят.

Сапунов: Но ведь, как я слышал, некоторые учителя сами предлагают позаниматься, и, конечно, их ученик немедленно начинает получать лучшие оценки. А на уроках выдают знания дозированно, предпочитая спрашивать.

Алекперова: Хороший учитель — тот, который знает свой предмет, любит свой предмет, никогда не позволит себе преподавать плохо. И, разумеется, к тому, кто в классе преподает плохо, за частными уроками тоже не придут. Я же своим учителям всегда говорю: ни в коем случае не предлагайте дополнительные занятия сами.

Сапунов: А ведь еще и с учебниками беда!

Алекперова: Да, пособия в основном переводились с азербайджанского малограмотными переводчиками, а после этого их набирали нерусскоязычные наборщики. Сейчас это исправляется. А меня однажды чуть с работы не выгнали — за то, что я параллельно с азербайджанскими учебниками использовала российские. Но учителю нужно давать право выбора, право допуска! На Западе у учителей больше свободы.

И еще есть курикулум, который не всегда хорошо работает. И плохо, что он не предусматривает времени для выработки навыков. Особенно это сказывается в начальной школе. Ведь кто-то сходу схватывает, а кто-то не сразу. А если ребенок в

первом классе не научится читать с определенной скоростью, то все дальнейшее обучение для него будет проблемным. И еще я вам скажу: любопытных детей стало меньше. Хороших учеников много, а вот пытливых, любознательных маловато.

Сапунов: Это устойчивая тенденция, или есть шанс на исправление ситуации?

Алекперова: Я думаю, что следующее поколение будет лучше. Это мое личное наблюдение. Родители нынешних младшекласников — преимущественно те, кто вырослел в конце 80-х, начале 90-х годов. На их глазах ничего не строили, ничего не создавали, а все разрушали. И поэтому психологически они не привыкли к устойчивости системы, к созидательности. А вот детям их детей будет лучше. Они уже видели нормальную, стабильную страну, которая приобретает все больший вес в мире, видели нормальный порядок. И дети нынешних детей будут качественно лучше — в отношении образования, в отношении моральных ценностей, во всем. А нынешний момент мы должны пережить.

Сапунов: Очень позитивный финал для интервью!

Алекперова: А как же! Для этого и работаем — чтобы в конце что-то получилось.

Апрель 2014 года.

«Зеленый диван» с Айнур Мамедовой

2014

У Айнур Мамедовой столько профессий, что только их перечисление занимает немало времени. Но даже те, кто неплохо знаком с неутомным PR-директором отеля Four Seasons Baku, порой не догадываются, что ей приходилось тушить пожары и ложиться под БТР.

Сапунов: Когда делаешь интервью с человеком, которого знаешь «ндцать» лет, так и подмывает удариться в воспоминания. Мы же с тобой и в газете Baku Sun работали, и финальную церемонию национальную интернет-премию Netty вдвоем вели, а сколько в Park Bulvar встречались! А сколько в Four Seasons!.. Где ты только ни работала! Что это – поиск себя или такое количество профессий – способ подстраховаться от жизненных коллизий?

Мамедова: Все началось с того, что я реально искала себя, не могла понять, где мне интересно, и меня перекидывало с одной крайности в другую. До газеты, я еще три месяца трудилась в турецком NTV, пару раз вышла в эфир. После Baku Sun работала на ресепшене в эфирно-кабельном телевидении, далее занималась рекламой в агентстве McCann Erickson. В то

же время познакомилась с режиссером Агилем М. Гулиевым, который спросил: «А не хочешь ли попробоваться на телевидении?» Я прошла пробы, но на ТВ порой все не так быстро... И когда Агиль дозвонился до меня с заявлением «Ты принята!», я уже поступила на работу в колл-центр нефтяной компании. Тогда я бросила, как говорится, все, пошла на телевидение... И завертелось!

Сапунов: Хотя...

Мамедова: Да, хотя, наверно, уже могла бы сегодня оказаться каким-нибудь региональным нефтедиректором. Но оказалась я на телеканале АВА, где три месяца проработала без зарплаты и училась, училась, училась. Педагоги мне ставили речь, объясняли, как дышать... Начала делать свою передачу, писала сценарии, озвучивала рекламу, была продюсером в журнале, переводила караоке на азербайджанский язык... Да-да-да! Даже такое за мной было! Попробовала себя как диджей на одной радиостанции, попробовала себя как актриса у Асифа Абрамова, а затем и в сериале Ульвии Кенуль. Было очень много всего! И однажды меня пригласили заниматься пиаром в Park Bulvar. Я сразу прошла собеседование и начала работать на стройке (*смеется*). Было много нового, было непросто. Но у меня стало получаться и мои проекты стали «выстреливать» – благодаря знакомым, друзьям, журналистам. Были еженедельные представления кукольного театра, была make-up-station, где женщинам делали бесплатный макияж, было garage-party, куда продали 2500 билетов, а пришло 5000! Охрана не справлялась с потоком! Но все прошло хорошо!.. Препозаксы, флешмобы, детские утренники, выставки... И тут меня забрал Four Seasons. О котором я не знала почти ничего. А у меня даже CV не было. Но послушалась внутреннего голоса и подписала контракт.

Сапунов: Снова сначала? Трудно, да?

Мамедова: У меня к тому времени ослабел английский и первый месяц были даже приступы паники. Но благо, что мои руководители и сотрудники были очень терпеливы, и помогали

как только могли. Я прошла несколько тренингов, пошло-поехало. И теперь я не представляю своей жизни без отеля.

Сапунов: Но жизнь показывает, что завтра тебя может и в космонавтику занести с такой-то любознательностью, с такой-то энергией.

Мамедова: Кстати я 4 месяца проходила подготовку в погранвойсках – для одного телепроекта. Ездила по разным заставам, бегала, тушила пожары, стреляла, патрулировала, скакала на лошади, с которой благополучно упала (*смеется*). Очень любила солдатскую тушенку, постоянно просила добавки!

Сапунов: Что было самым страшным?

Мамедова: Когда через меня проезжал бронетранспортер! На полосе препятствий я зацепилась за горящую железяку, а еще чуть не утонула возле острова Наргин, потому что спасательный жилет расстегнулся, а плавать я не умею. Но все закончилось хорошо.

Сапунов: С парашютом прыгнула?

Мамедова: К сожалению, нет, не успела. Но скажу, что с возрастом появились какие-то страхи. И когда недавно у меня за границей была возможность прыгнуть с парашютом, а не рискнула. Я хотела бы, чтобы внизу меня кто-то ждал и помог «если что». Приключений в моей жизни и так было немало. Например, в Park Vulvar как-то раз пожар тушила.

Сапунов: Вот а говорят, что у светских красавиц только тирамису на уме.

Мамедова: Готовить я совершенно не умею, даже в школе, когда все девочки увлеклись кулинарией и шитьем, я поняла, что это не мое и предпочитала носиться с мальчишками, драться, бить стекла. Меня чуть из школы не выгнали. Росла сорванцом и когда в школе говорили «Мамедова», все понимали, о ком идет речь. Сейчас пытаюсь контролировать эмоции (*смеется*).

«Готовить я совершенно не умею, даже в школе, когда все девочки увлеклись кулинарией и шитьем, я поняла, что это не мое и предпочитала носиться с мальчишками, драться, бить стекла»

Сапунов: Жизнь у тебя, что и говорить, бурная и разнообразная. А чем бы ты не могла бы заниматься?

Мамедова: Пока я не могу работать вне Баку. Было много предложений, с колоссальными зарплатами, но я не готова покинуть Азербайджан. Я буквально дышу нашим городом. Я вижу как все развивается и горжусь тем, что иностранные гости восхищаются нашей столицей. А еще не могла бы работать в офисе «от звонка до звонка». Рутинная работа – не для меня. Мне постоянно нужен драйв. Да, это взлеты и падения, но всякий раз упав, я задумываюсь о причинах и стараюсь избегать их снова. Каждое падение – урок для меня. Но это совершенно не работает в личной жизни, все время наступаю на одни и те же грабли. Личная жизнь – это и друзья, и родственники и так далее.

Сапунов: Какие же грабли?

Мамедова: Постоянно придумываю людям оправдания. Может иногда это плюс, но далеко не всегда.

Сапунов: Добрая?

Мамедова: Да. Но есть важный нюанс: прощаю, оправдываю, прощаю, оправдываю, прощаю, прощаю, но в один момент просто забываю об этом человеке. Без выяснения отношений и скандалов этот человек просто перестает для меня существовать.

Сапунов: Приязнь не замещается злом?

Мамедова: Нет, я не могу держать в себе негатив. Я просто перестаю о думать о том человеке.

Сапунов: С завистью часто сталкиваешься?

Мамедова: Очень! Особенно трудно воспринять мужскую зависть. Речь идет даже не о карьере, а просто о злых взглядах на улице. Но я научилась ставить блоки, отстраняться. Я стала значительно избирательней в общении, важнее не количество, а качество. А еще *(смеется)* сейчас почему-то весь город стремится устроить мою личную жизнь. Но я капризная. Пока человека, с которым у меня пробежит искорка, не попалося.

Сапунов: Не все мужчины могут терпеть рядом с собой умную женщину.

Мамедова: И женщину, у которой такой обширный круг общения. Когда куда-нибудь приходишь, и к тебе все подходят, приветствуют по имени, принимают что-то обсуждать. И как бы я ни предпочитала, чтобы мой мужчина был первым, он сам ставит себя на второе место. Я очень сильная по характеру и слабый человек очень быстро ломается рядом со мной. Люблю часто брать инициативу в свои руки: «Колесо спустило? Сейчас накачаем! Стол передвинуть? Навалимся!» Черт! Айнуур, ты же девушка! Надо себя контролировать! *(смеется)*

Сапунов: Маскировать энергию не получается?

Мамедова: Недолго. Пробивается наружу! А всем, кто пытается меня выдать замуж, я говорю: «Ребята, вы же меня потеряете!» Потому что с каждым годом я все больше склоняюсь к семье. Природа берет свое.

Сапунов: От чего ты устаешь?

Мамедова: От безделья. Когда я беру выходной, выключаю телефон и целый день ничего не делаю, расслабляюсь, к вечеру понимаю, что я невероятно устала.

Сапунов: Каких сотрудников ты не любишь?

Мамедова: Не люблю людей без инициативы. Для меня это гиблый человек. Даже если он на солидной позиции, при деньгах — это не мой человек. И по финансовой состоятельности никогда не сужу о людях. Финансы вторичны. Если ты хорошо делаешь то, что ты любишь — финансы придут. Я никогда не была карьеристкой, никогда не гонялась за деньгами и должностями. Я даже сейчас не осознаю, на какой я позиции. Когда мне говорят: «Ах, сколького ты добилась!», я отвечаю: «Ничего не добилась!» Знаю лишь, что это далеко не конец.

Сапунов: И ты видишь некие горизонты.

Мамедова: Да, сейчас я знаю, чего хочу. У меня есть задумка. Речь идет об очень высоком международном уровне, но связанном с Баку. Не уеду в любом случае.

Сапунов: О чем же речь?

Мамедова: Приоткрою карты. Мне очень хочется заняться масштабным пиаром моей страны — Азербайджана. И у меня есть планы в этом направлении. Это и туризм, и не только.

Сапунов: В отельном бизнесе считаешь ли ты себя экспертом?

Мамедова: В определенном смысле да, но нужно еще учиться и учиться.

Сапунов: Чего сейчас недостает нашей гостиничной индустрии?

Мамедова: Очень мало профессионалов! Благо, сегодня появились отели, которые учат своих сотрудников, но этого недостаточно. Я, например, ищу себе помощницу и не могу найти ее среди профессионалов. Вероятно, придется брать неопытную и обучать с нуля. И такая ситуация не только в отельном бизнесе. Во многих сферах работодатели ищут профессионалов и не могут найти. Лет через 5-10 ситуация изменится – потому что новое поколение очень быстро обучается. Правда, некоторые новобранцы сразу претендуют на менеджерскую позицию, они непременно хотят руководить, не пройдя предварительные этапы профессионального развития. Однажды ко мне на собеседование претендентка пришла с мамой. И мама сказала: «Моя дочь хочет стать менеджером!» Каким менеджером, если она самостоятельно даже на работу не может прийти?

Сапунов: Ты же до сих пор работаешь на телевидении. Зачем?

Мамедова: Да, я до сих пор веду еженедельную лотерею. Не могу никак порвать с этим делом (*улыбается*). Порой прихожу на телецентр уставшая, вымотанная, порой без настроения. Но как только включаются камеры, я совершенно преображаюсь.

Сапунов: Адреналин прямого эфира?

Мамедова: Да. Но чтобы полностью сделать авторский проект – на это меня сейчас уже не хватит. Многие мне советуют открыть свое дело. Пока не хочу, но не исключаю этого.

Сапунов: Мне почему-то кажется, что все, что ты задумаешь – получится блестяще. От чтения сказок с медвежонком Тедди...

Мамедова: (*горячо*) Да-да-да! Никто ж не верил, что чтение детских сказок в бизнес-отеле (хотя Four Seasons – не только

бизнес-отель) может прижиться. А мишка Тедди прекрасно «выстрелил» и у нас по субботам аншлаги. А другой проект, над которым я работала год, это бракосочетания на Девичьей башне. Его цель не продажи, но популяризация нашей истории, промоутирование нашего символа. Во всем мире такие акции проводятся – в древних замках, на Эйфелевой башне и так далее.

Сапунов: А как же невеста со шлейфом будет карабкаться на Девичью башню?

Мамедова: Разумеется, мы все протестировали! И достаточно высокая девушка-модель в достаточно пышном платье легко взошла на вершину башни. Единственно – не стоит надевать туфли на высоких каблуках. Для всех гостей на шпильках там будут предоставляться тапочки (*улыбается*). Но получается очень красиво, особенно когда невеста сходит вниз и шлейф тянется за ней по ступенькам. И обряд на вершине – очень романтичен. Признаться, я и сама хотела бы там «сделать себе ЗАГС» (*смеется*).

Сапунов: Дай Бог! Кто же мужчина твоей мечты?

Мамедова: Человек, на которого я смогу опереться, с которым я смогу быть слабой, наивной, расслабленной... Такой человек в моей жизни сейчас есть, но посмотрим, что получится. А пока я почти не хожу на свадьбы, потому что надоели вопросы «Когда замуж?» И просьбы устроить на работу родственника-недоросля, который 35 лет сидит на шее у мамы, тоже утомляют. Я сама всего добивалась, сама пробивалась. Я перфекционистка и хочу, чтобы все было правильно и хорошо. Да, с этим с каждым годом все труднее. Но все будет. И все будет так, как я задумала!

2014 год

«Зеленый диван» с Нахидом Багировым

2014

ВПЕРВЫЕ НА НАШЕМ «ЗЕЛЕНОМ ДИВАНЕ» ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОГРОМНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. ЗАСЛУГИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (AZTA) ОКАЗАЛИСЬ СТОЛЬКО ЗНАЧИТЕЛЬНЫ, ЧТО ЕЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАХИД БАГИРОВ БЫЛ ИЗБРАН ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ ПО ЕВРОПЕ ВСЕМИРНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ООН (UNWTO).

Сапунов: В последние годы я нередко езжу в заграничные командировки, и стоит только опубликовать фото с какого-нибудь острова, неминуемы комментарии с неприкрытой завистью. Я представляю, сколько подобных реплик слышит человек, для которого туризм стал главным делом жизни. Завидуют?

Багиров: Да, завидуют, хотя я не понимаю чему. Были бы еще всегда прямые рейсы, а так – транзиты по несколько часов, пересадки, проверки, каждый перелет растягивается чуть ли не на сутки. Кстати, врачи выяснили, что у пилотов есть свои заболевания, связанные с пребыванием на больших высотах. Поэтому летный состав обычно ограничивают по

числу полетов. А меня никто не ограничивает (*вздыхает*). Такой пример: Я возвращался из Африки, летел из Замбии через Йоханнесбург, там транзит, затем перелет до Стамбула 11-12 часов, в Стамбуле 3-часовая пересадка и следом – Баку. А через восемь часов я вылетел во Франкфурт. Такой вот график. Порой получается, что не могу и день провести дома. Был такой период, когда я лишь успевал заезжать домой, чтобы только переодеться. И проводил в командировках по 25 дней в месяц.

Сапунов: Стоит оно того?

Багиров: Конечно, стоит. Есть цели, к которым мы стремимся, ради достижения которых упорно работаем. Вы знаете, что сегодня в мире развитием туризма преимущественно занимаются не государственные структуры, а общественные организации, такие как наша Ассоциация. И это особенно актуально сейчас, когда наше государство прилагает такие усилия для развития внутреннего туризма в стране, для привлечения сюда туристов из-за рубежа. Мы просто обязаны ему помогать. Вы наверняка знакомы со статистикой, согласно которой популярность Азербайджана как туристического направления растет из года в год.

Сапунов: Как вы различаете среди приезжих: турист это или гастарбайтер, или кто-то приехал бабушку навестить?

Багиров: У нас любой человек, который въехал в Азербайджан более чем на 24 часа, и конечно же, въехал не ради коммерческой деятельности, считается туристом. Таково правило.

Сапунов: Что скажете про местный туризм? Наш и по-прежнему любят отдыхать за границей.

Багиров: Здесь некоторые полагают, что наши граждане выезжают на отдых за рубеж потому, что здесь все дорого. Но ведь едут в основном не за низкими ценами, а ради того, что бы обстановку сменить. Да, у нас есть множество прекрасных мест для туризма, но почему раз в год наш человек не может

отдохнуть за рубежом? А цены у нас вполне приемлемы. И сопоставимы с зарубежными. Это, правда, увы, не касается ресторанов. В Грузии, например, питание значительно дешевле. И Грузия сегодня очень популярна у наших туристов, особенно под Новый год.

Сапунов: У нас очень любят, говоря о развитии туризма, начинать с растущего числа отелей. Но разве лишь в этом заключается туризм?

Багиров: Вы совершенно правы, для развития туризма нужна база: для чего сюда вообще ехать. И эта база, я считаю, у нас есть. Но отели тоже очень важны. Мы сейчас нацелены на развитие туризма для среднего класса, выше среднего и VIP туризма. Для этих людей пяти звездочные гостиницы имеют большое значение. Я вас уверяю, что только открытие в Баку Four Seasons дало изрядный импульс для туризма. Потому что для многих иностранцев – это важный показатель развития. А как сейчас популярен МІСЕ-туризм (*деловой туризм – В.С.*). Иной раз на конференции и прочие мероприятия приезжает по тысяче человек. Для этого тоже очень важно число крупных отелей.

Сапунов: А что с «частниками»?

Багиров: Для VIP-туризма мы готовы полностью. Но не стоит забывать, что большинство туристов в мире составляют люди со средним и ниже среднего доходом. Сколько пенсионеров путешествует! И они, в отличие от наших граждан, предпочитают пятизвездочный комфорт, готовы сэкономить на роскоши – им бы только принять душ и переночевать. Они привыкли довольствоваться трехзвездочными номерами – по 40-50 евро за ночь. А с этим у нас туговато, к сожалению. Но я знаю, что сейчас уже строятся трех- и четырехзвездочные отели, и надеюсь, что ситуация выправится.

Сапунов: А сколько звезд у отельчиков в Старом городе?

Багиров: У них порой вообще нет звезд, это их выбор. Хуже

то, что в этих отелях нередко хромает сервис.

Сапунов: Крупные сетевые отели проводят тренинги для сотрудников. А как быть отечественным гостиницам?

Багиров: Именно для них мы приглашаем преподавателей, проводим тренинги. Однако, увы, подчас приходится чуть ли не силой заставлять руководителей отелей направлять своих сотрудников на эти тренинги. А еще AzTA совместно с американской ассоциацией отельеров проводит в Баку курсы, дающие выпускникам сертификат АН LEI (The American Hotel & Lodging Educational Institute) – диплом, ради которого отельеры со всего мира стремятся в Америку! Теперь стремятся и к нам. Россияне, казахстанцы... Но не наши.

Сапунов: Скажите, случилось ли вам во время поездок за рубеж видеть что-то особенное, о чем бы вы думали: «Вот бы и у нас так сделать!»?

Багиров: Очень часто! Например, в одном турецком ресторане был ведущий шоу-программы, который предварительно заглядывал в зал и прикидывал, кто пришел. И после этого он работал на языках гостей. С иранцами здоровался на фарси, с русскими – по-русски, с африканцами – на их наречиях. Если замечал азербайджанцев, сразу: «Салам алейкум!» Он общался, шутил – все на разных языках. Разве нельзя такое сделать у нас? В такой ресторан все туркомпании направляли бы свои группы!

Сапунов: А еще скажу, что у нас очень не достает просто базаров. Сколько гостей меня просили повезти их на базар. А показать-то и нечего! Только остатки «Тязя-базара»: не очень приглядные...

Багиров: Да! Да и нам самим бы это не помешало. Когда-то был целый ритуал воскресного похода на базар, корзинку брал отец, корзинку брал сын... Как это было здорово! А ведь некоторые приезжие думают, что у нас тут повсюду рынки (*смеется*).

«Для VIP-туризма мы готовы полностью. Но не стоит забывать, что большинство туристов в мире составляют люди со средним и ниже среднего доходом»

Сапунов: Или что у нас повсюду нефтяные вышки.

Багиров: Вышек, конечно, осталось совсем мало, но думаю, в качестве туристического объекта они сохраняются.

Сапунов: Другой вопрос: где путеводители, как часто они издаются?

Багиров: Это вопрос, наверно, к Министерству культуры и туризма, это их забота. Но я видел путеводители на выставках: на английском, на немецком, на русском...

Сапунов: На выставках-то есть. А вот в Лондоне выходишь из аэропорта – стоит стенд с бесплатными брошюрками-путеводителями. И карты везде значительно проще найти, чем у нас.

Багиров: Согласен, наша ассоциация выпустила карту Баку и распространила ее по отелям. Я однажды зашел в одну из этих гостиниц, спросил карту, так мне вручили схему, просто

распечатанную на струйном принтере! Дело, видимо, и в недобросовестных отельерах. Карты должны быть даже в каждом номере!

Сапунов: И еще другой момент, который не может не тревожить. К нам приезжал Ицхак Перлман – выдающийся скрипач, обладатель 17 Грэмми. Уже пожилой человек, он с детства передвигается на инвалидной коляске. Он мне сказал, что для таких, как он, Баку, к сожалению, не приспособлен. А ведь все мы видим, сколько в иностранных аэропортах туристов-колясочников! Значит, в Баку они не придут.

Багиров: К моему сожалению, когда создаются дороги, отели, аэропорты, строители далеко не всегда советуются с Министерством культуры и туризма. Но хочу сказать, что сейчас основные усилия носят имиджевый характер, огромные силы направлены на продвижение страны, на популяризацию Азербайджана во всем мире. И на международной арене нас уже з нают хорошо! Меня иногда спрашивают: «Как так случилось, что вы стали одним из четырех основных вице-президентов Всемирной Туристической организации, прич ем вице-президентом по Европе?» Я отвечаю: «Не сам я стал, это случилось потому, что заслуги и достижения Азербайджана признаны на самом высоком уровне!» Проголосовал и 500 членов организации! А ведь наша ассоциация AzTA, созданная пять лет назад, вступила в ВТО лишь три года назад. Мы доказали, что Азербайджан действительно достоин этого высокого ранга!

Сапунов: Что может AzTA?

Багиров: Многое. Прежде всего мы защищаем интересы наших туристических организаций.

Сапунов: От кого же?

Багиров: Например, от каких-то монополистов, пытающихся вторгнуться на азербайджанский туристический рынок, что, безусловно, может серьезно повредить всем азер-

байджанцам, задействованным в туристическом бизнесе. Сегодня нас знают все, на постсоветском пространстве мы являемся консолидаторами всего этого сообщества.

Сапунов: Туризм в Азербайджане действительно развивается интенсивно, и очень хочется надеяться, что у нас все будет налажено по всем статьям: выходные в некоторых музеях перенесут с воскресенья на какой-нибудь другой день, что музеев вообще станет больше, что вслед за феноменальной реновацией Девичьей башни и другие туристические объекты зашагают в ногу со временем, чтоб туристические группы с экскурсоводом я встречал не только в Ичери Шехер, но и в других частях города. Да много чего мог бы пожелать.

Багиров: Я надеюсь, что все недочеты, все неровности постепенно будут исправлены – с вашей помощью, с нашей помощью. Сейчас решаются такие серьезные вопросы, что до мелких проблем пока, возможно, не дошли руки, но все будет. Сегодня самое важное уже сделано: мне нестыдно пригласить своего друга в Азербайджан. Для многих поездка в Азербайджан уже как высокая награда, и никто, побывав здесь, не жалеет об этом. Напротив, все искренне восхищаются. А больше всего мне нравится, знаете, что? Когда прежде восторгов архитектурой и тому подобным говорят: «Какие у вас замечательные люди! Добрые, гостеприимные!» Поэтому я горжусь тем, что работаю в Азербайджане и для Азербайджана. Поверьте, через пять лет здесь будет вообще что-то невероятное!

2014 год

«Зеленый диван» с тремя бизнес-леди

2015

Мы поставили эксперимент и впервые провели наш «Зеленый диван» сразу с тремя гостями, точнее гостьями – энергичными и обаятельными, представляющими разные области бизнеса: Нигяр Арпадарай, главой отдела общественных связей компании AZERFON, Фахрандой Гасанзаде, основателем и руководителем компании «ARTISHOK EVENTS», и Саидой Атамовой, совладелецей и директором представительства CREMESSO в Азербайджане.

Сапунов: Как я знаю, все вы девушки – участницы клуба «100 бизнес-вумен Азербайджана», возглавляемый замечательной Татьяной Микаиловой. На ум приходит еще нескольких женских объединений, организаций. К примеру, клуб Femmes Digitales, объединяющий дам, работающих с информационными технологиями. Мужских и не припомню. Почему женщинам так важно объединяться по половому признаку?

Арпадарай: Долгие годы женщины сами себя ограничи-

вали, сами себя недооценивали и считали многие области деятельности сугубо мужской прерогативой. Например, считалось, что женщинам не место в телекоме, я имею в виду, в руководстве. Но постепенно ситуация стала изменяться. И женщины показали свою способность покорять совершенно «мужские» профессии. И стали привлекать других женщин, «заражая» их своей активностью, своей энергией.

Гасанзаде: Я считаю, что в этом вся женская сущность – в объединениях. Мы любим посидеть вместе, поговорить, что-то обсудить. Мы нуждаемся в общении.

Атамова: И проблемы всех нас волнуют преимущественно одни и те же.

Гасанзаде: Потому что женская доля у всех одинакова – дети, семья...

Сапунов: Погодите. Бизнес-леди собираются и обсуждают детей и семейные дела?

Гасанзаде: Я не именно про этот клуб, я – вообще.

Арпадарай: А 100 бизнес-вумен обсуждают, разумеется, проблемы бизнеса, способы их преодоления, делятся опытом, как мы росли, с чем сталкивались.

Сапунов: Есть театральная поговорка: «Против кого дружите?» Против кого вы объединяетесь? Против мужчин?

Гасанзаде: Ничуть. Зачем нам объединяться против кого-то?

Атамова: Это все штампы.

Сапунов: Какие еще стереотипы о женщинах вы бы могли разрушить?

Арпадарай: Женщины не слабые. Это все уже давно поняли.

Сапунов: А стереотип, что женщины – прекрасный пол, хотите опровергнуть?

Арпадарай, Гасанзаде, Атамова: *(смеясь)* Нет-нет! Нам это очень на руку!

Сапунов: Мужчинам, как я погляжу, вообще ничего не осталось. Преимущество силы вы отняли, красоту оставили себе. Какие же, по вашему, мужчины?

Гасанзаде: Я считаю, что мужчины все-таки умнее.

Сапунов: Только очень умная женщина может такое сказать.

Гасанзаде: Женщины, конечно, сильнее, но мужчины умнее. Однозначно. Самые светлые умы в истории человечества – почти все мужчины. Женщин можно по пальцам пересчитать. Не потому, что их подавляли, а просто так сложилось. И мне это приятно, потому что я – антифеминист.

Атамова: Я тоже антифеминист.

Арпадарай: Посмотрите: лучшие повара – мужчины, лучшие гинекологи – мужчины.

Сапунов: Даже памперсы придумал тоже мужчина!

Гасанзаде: Вот видите! *(задумавшись)* Мужчины – умнее, а мы – мудрее *(смеется)*!

Сапунов: Азербайджанская женщина прошла немалый путь за последние сто лет. Еще век назад она ходила, скрыв лицо. Но немного погодя эта традиция была преодолена. В 1918 году женщина здесь получила избирательное право. В 1931 году в воздух поднялась первая азербайджанская женщина-пилот Лейла Мамедбекова, которая, к слову, чуть позже стала второй в СССР парашютисткой. Дальше – больше... Вот скажите, а в XXI веке чего уже добились азербайджанские женщины?

Арпадарай: Стало намного больше женщин на руководящих должностях. Да, мужчины в процентном соотношении все равно преобладают. Но тем не менее тенденция на лицо.

Гасанзаде: И не потому женщины идут в руководители, что

мужчина там не справится. Просто в некоторых областях желательны женский взгляд, женский подход.

Атамова: Женщина в бизнесе, я думаю, мягче и гибче мужчины. Мир вообще был бы лучше и добрей, если б у власти было больше женщин.

Гасанзаде: Я не согласна. Мир был бы лучше, если б было больше просто хороших людей. Потому что я знаю таки-и-их женщин (*смеется*)...

Сапунов: Скажите мне о другом прогрессе. Сто лет назад у женщин считалось неприличным открыть лицо. Позже считались немислимыми короткие юбки. Еще каких-то 30 лет назад никому из дам и в голову бы не пришло появиться на улице в полупрозрачной блузке или с обнаженным пупком. Тенденция очевидна, вам не кажется? Когда у нас появится журнал вроде «Плейбой»?

Гасанзаде: Я надеюсь, что никогда.

Арпадарай: Мы пока не настолько свободны ментально. Мне нравится Европа со всеми ее плюсами и минусами. Они создали себе атмосферу свободы и теперь могут себе позволить многое.

Атамова: И утратили при этом какие-то моральные ценности.

Арпадарай: Почему? Ведь у нас происходит нередко то же, но скрытно. А в Европе... Да, какое-то время назад было не принято заводить больше одного ребенка. А теперь в той же Великобритании у меня много знакомых, у которых трое, четверо детей.

Гасанзаде: Я тебе скажу, почему я с тобой не согласна. Потому что есть принцип «Глаз не видит – сердце не хочет».

Арпадарай: А глаз уже не может не видеть. Все источники открыты!

«КОГДА У НАС ПОЯВИТСЯ ЖУРНАЛ ВРОДЕ «ПЛЕЙБОЯ»?»

Гасанзаде: Я вот не хотела бы, чтобы мой ребенок смотрел какой-то очень фривольный канал и подумал: почему бы мне так же не попробовать. Если мы хотим жить в здоровом обществе, лучше подобное не смотреть. Правда, наше телевидение тоже отвратительно, только с изрядной долей лицемерия.

Арпадарай: Не подумайте... Я очень традиционный человек и даже консерватор. Но мне нравится, как люди живут в Европе. Нравится, что их не подавляют. И они сами себя не подавляют. А мы очень часто чего-то боимся. Если женщина к 38 лет не родила, она боится сделать экстракорпоральное оплодотворение, просто чтобы родить себе ребенка, не остаться одной. «Что скажут соседи? Что скажут родственники?» Мне вот, к примеру, может быть, не хочется так одеваться, но вдруг кто-то что-то скажет?

Атамова: Все равно у каждого народа свой путь и мы не можем слепо копировать европейские манеры и традиции, надеясь достичь того же уровня свободы и просветления. Ев-

ропейцы стали такими потому-то потому-то и потому-то. А у нас были другие условия и свой путь.

Гасанзаде: А мне порой кажется, что мы умудряемся заниматься самое плохое.

Сапунов: Не верю, что мы не взяли и много хорошего.

Арпадарай: Много хорошего!.. И мне нравится, на каком этапе мы находимся. Очень верный баланс традиций и возможностей. Границы открыты, каждый может уехать за рубеж, выучиться, вернуться.

Сапунов: А ведь я вопрос задал, вовсе не лелея надежды открыть порноканал. Я спросил про «Плейбой» – весьма, к слову, почтенный журнал, где несколько страниц посвящены красоте женского тела. А у нас какая-то актриса, условно, обнажила в кадре плечо и ее сразу обвиняют во всех грехах, поносят... Вот что грустно.

Гасанзаде: Вообще поносить кого-то, сплетничать – ужасно.

Сапунов: С чем приходится сталкиваться азербайджанским бизнес-леди? Что приходится преодолевать?

Атамова: Я думаю, что этап, когда работающих женщин не воспринимали всерьез оппоненты-мужчины, мы миновали. Я работаю с 17 лет. Может быть в начале моей карьеры я ловила на себе снисходительные взгляды, дескать, ну что ты нам расскажешь? Но подобное давно позади. И теперь я провожу встречи самого различного уровня. И всегда мы говорим на равных. Мне так кажется.

Гасанзаде: Приходится больше бороться с тем, что хочется домой – в семью, к детям. Самый суровый внутренний поединок – мамы и деловой женщины.

Сапунов: Как же находите верное соотношение?

Гасанзаде: Наверно, когда у женщины собственный бизнес, как у меня и у Саиды, то проще регулировать.

«Девочки, согласитесь, если бы у нас не было мужей, на которых мы опираемся, мы бы ничего не добились»

Атамова: Когда я работала на корпорацию, меня действительно постоянно глодала мысль: «Я работаю, а у меня дома малыш и что-то упускаю в его жизни». А теперь могу сама составлять свой график, работать с почтой дома и так далее.

Гасанзаде: Но у этой ситуации есть и минус. Отработав в компании, ты возвращаешься домой и забываешь о работе до утра. А работая на себя, ты работаешь постоянно. И в два часа ночи, пока мероприятие не закончится, я могу быть на телефоне, контролировать.

Атамова: Зато дети слышат это, и учатся тому, что работать – хорошо. У меня 11-летний сын. Порой он, наслу-

шавшись моих переговоров, делает весьма интересные замечания. Он как-то мне сказал: «Да, мама, моя жена будет непременно работать».

Арпадарай: Я работаю в одной из самых крупных компаний на рынке и у нас очень много директоров-женщин. Они любят свою работу, они выкладываются на своей работе. И мое счастье, пожалуй, в том, что я тоже люблю свою работу, что муж меня понимает и поддерживает, что у меня дети. И замечательная нянька (*смеется*), что реально спасает. Так что я мобилизовала все силы, чтобы и мне, и всем вокруг меня было комфортно.

Гасанзаде: А я всегда мечтала быть домохозяйкой (*улыбается*). Меня сестра чуть ли не силой заставила работать. И мне понравилось... На самом деле работа – это великолепный антидепрессант.

Арпадарай: Но все-таки, девочки, согласитесь, если бы у нас

не было мужей, на которых мы опираемся, мы бы ничего не добились.

Атамова: Да, как только какая-то проблема, как только хочу запаниковать, сразу «звонок другу». И все решается, все становится на свои места.

Сапунов: Что все-таки важнее в женщине – красота или ум?

Арпадарай, Гасанзаде, Атамова: Ум!

Сапунов: Пригласив на беседу таких женщин, я должен был предвидеть ответ.

Гасанзаде: А вот глупость с годами все больше и больше раздражает. Когда клиент туп – это просто мучительно.

Атамова: Безответственность – тоже беда. И, увы, приходится сталкиваться с ней нередко.

Сапунов: Кажется, герцог де Ларошфуко когда-то сказал, что женщины ненавидят друг друга и причина этой ненависти – мужчина. Действительно, ведь один из самых расхожих стереотипов в том, что женщины не умеют дружить. Что вы об этом думаете?

Гасанзаде: Стереотип есть. Но это неправда. У меня есть три настоящих подруги, с которыми и в огонь, и в воду!

Атамова: У меня тоже есть очень близкие подруги. И хоть одна из них живет зарубежом, мы по-прежнему так же близки. А еще моя самая близкая подруга – моя свекровь.

Гасанзаде: (*смеется*) Видите, какие мы неудачные собеседницы? Все у нас хорошо!

Арпадарай: Слава, знаете почему обнаружилась такая бесконфликтность? Потому что мы все три уже прошли тот этап, когда происходит отбор, фильтрация лучших друзей. И теперь рядом с нами лишь те, кто нам действительно дорог и те, кому мы дороги.

Сапунов: А близкий друг-мужчина возможен?

Гасанзаде: Теоретически возможен, но все равно он не будет так близок как подруга. С мужчиной не пойдешь на ту открытость, что с подругой. А вот дружить семейно и прикалываться над супругом – почему бы и нет? *(смеется)*

Сапунов: Что делаете по дому?

Гасанзаде: Кулинария – мой конек, а мыть посуду, вытирать полы и вообще все, что связано с водой, ненавижу.

Арпадарай: Моя любимая свекровь говорит: «Ты вроде сама ничего не делаешь, а все так прекрасно организуешь, что как к тебе ни придешь, у тебя и обед готов, и все в порядке».

Атамова: Это моя история! И я очень люблю наводить уют.

Сапунов: А что не любите, но приходится?

Гасанзаде: Провожать детей в школу. Пока всех четверых соберу – в одиннадцатый, в девятый, и близнецов – в третий, – и выпровожу, устаю так, что захлопнув дверь, готова кричать «Алиллуйя!» *(улыбается)*

Атамова: А я вспоминаю маму свою и поражаюсь... Как она все успевала – и работать, и за нами ухаживать, и стирать, и на базар ходить. И ведь никогда не жаловалась. Наше поколение все же более изнеженное.

Гасанзаде: А то поколение более измотанное. У нас, девочки, все-таки часть времени уходит на себя. Ведь 50 процентов успеха бизнес-леди заключается в ее внешности. Когда

«КУЛИНАРИЯ – МОЙ КОНЕК,
А МЫТЬ ПОСУДУ, ВЫТИРАТЬ ПОЛЫ
И ВООБЩЕ ВСЕ, ЧТО СВЯЗАНО С ВОДОЙ,
НЕНАВИЖУ»

партнер или клиент видит, что ты ухоженная, красивая, он тебе больше доверяет.

Сапунов: Что вы сегодня можете себе позволить, чего не могли еще несколько лет назад?

Атамова: *(смеется)* Купить себе брендовую сумку. Сумка, разумеется, условное понятие. Мы стали себе позволять больше тратить на себя.

Арпадарай: Мне кажется, мы стали более уверенными. Если несколько лет назад я раздумывала: «Высказать ли по тому или иному поводу свое мнение?» То теперь сразу решительно высказываюсь.

Атамова: Да, деньги и успешная работа, придают уверенности... С другой стороны лет пять назад я была более открыта для людей, чем сейчас.

Сапунов: Это скорей не приобретение, а утрата...

Атамова: А я считаю, что приобретение. Одно дело, когда ты разбрасываешься своей энергией, другое когда ты расходуешь ее бережно, отдавая ее лишь тем, кто действительно достоин.

Сапунов: Это возрастное уже, когда начинаешь экономить энергию.

Гасанзаде: *(улыбается)* А мы уже и немолодые, под сороковник...

Арпадарай: *(радостно)* Фаха, хватит!

Сапунов: Об этом 40-летнем рубеже часто задумываетесь, переживаете насчет возраста?

Атамова: Не переживаем, но задумываемся.

Арпадарай: Ребята, я туда еще не дошла пока.

Гасанзаде: Нигяр младше меня на 5 лет. И я действительно в ее возрасте ничуть о нем не беспокоилась. А вот после 35 начинаешь думать, как с этим жить.

Сапунов: В 50 лет вы будете смеяться над этими словами.

Атамова: Какой-то определенный участок прожит...

Гасанзаде: И большой участок...

Атамова: ...И задумываешься, к чему пришли, куда идти дальше.

Арпадарай: ...И как остаться такой же молодой.

Сапунов: А как остаться молодой?

Гасанзаде: Как минимум следить за своим питанием. Я уже несколько лет как отказалась от красного мяса. Наверно, это тоже возрастное.

Сапунов: Это мужественный поступок!

Гасанзаде: Меня когда-то называли «хищником», я съедала в день по 2 килограмма мяса! А потом я прочитала книгу «Питание как основа здоровья» и поняла, что наши красота и долголетие зависят только от еды и воды. И меня словно переключило.

Сапунов: Искренне завидую! А вы кому-нибудь завидуете?

Гасанзаде: Никому и никогда. Даже странно.

Арпадарай: Я тоже. Зачем?

Атамова: Я, напротив, хочу, чтобы у всех все было хорошо. Чтобы зависти не стало вообще.

Гасанзаде: Именно. Я вижу, насколько людям не хватает доброты. Я в последнее время стала такая чувствительная...

Арпадарай: Это потому, что мяса не ешь (*смеется*).

Гасанзаде: Да, я очень общительная, но в последние годы стала очень избирательной. Если не нравится человек – не важно, мужчина или женщина, старик или подросток – я поворачиваюсь и ухожу. А могу и с охранником на парковке разговориться «за жизнь». Потому что интересно.

Сапунов: А мне было очень приятно пообщаться с вами, девушки. Спасибо вам!

Арпадарай: Подозреваю, что мы получились чересчур правильные.

Гасанзаде: Да, на самом деле мы не такие уж мягкие и пушистые (*смеется*).

2015 год

«Зеленый диван» с Рамизом Фаталиевым

2015

КОРИФЕЙ СОВЕТСКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КИНО, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ АЗЕРБАЙДЖАНА, КИНОДРАМАТУРГ И РЕЖИССЕР РАМИЗ ФАТАЛИЕВ ГОВОРИТ О СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ, ВОЗРАСТЕ, РЕПУТАЦИИ И О ПРЕВЫШЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ.

Сапунов: Рамиз-муаллим, вы уже три года весьма активны в социальных сетях: читаете, пишете, комментируете. И это не может не радовать ваших поклонников. На ваш взгляд, чему в соцсетях уделяется чересчур много внимания, а что важное остается вне поля зрения интернет-социума?

Фаталиев: Слава, это же общество в разрезе. Все болевые точки общества, все его достоинства, вся его красота и все его уродство отражаются в этих социальных сетях. Любопытно еще вот что: нередко кому-то инкриминируют, что он, дескать, в жизни не такой, каким кажется в интернете. Ну и что? Любая тусовка, не виртуальная, а вполне реальная чревата тем же самым. Мы далеко не всегда на публике выглядим такими, какие мы есть на самом деле. Это свойство человека. И социальная сеть за это никакой ответственности, по-моему,

не несет. Просто мы стали узнавать себя и это знакомство не всегда приятно.

Сапунов: Что вам не нравится в этом виртуальном мире?

Фаталиев: Все то же, что не нравится мне и в реальном: фальшь, скупость... Хотя я вовсе не являюсь носителем истины ни в первой, ни в последней инстанции. А «Фейсбуку» я лично благодарен. Потому что он дал мне возможность тусоваться, не выходя из дома, сидя на кухне в халате. И конечно, я познакомился с очень интересными людьми, с которыми затем стал дружить и в реале.

Сапунов: Один из ваших статусов был посвящен «злобе дня». Вы считаете, что люди стали более злобными?

Фаталиев: Да, безусловно.

Сапунов: А почему? Жизнь ведь нынче не так уж плоха. Во всяком случае наши современники должны помнить куда более трудные времена... А злятся именно сейчас?

Фаталиев: Вероятно, органическая природа людей в том, что трагедии и несчастья нас сплачивают. Когда надо выжить – мы объединяемся. А когда надо просто жить-поживать, мы почему-то вместе этого делать не умеем. Пора перестать относиться к себе благодушно. Пора понять, что мы носим в себе много того, что, в принципе нам чести не делает. Я это говорю без всякого кокетства относительно себя. Я всегда начинаю с себя, пытаюсь понять, что в той или иной ситуации я сделал не так. Многие лишены этой способности ревизовать себя. А самоаудит, на мой взгляд, абсолютно необходим, если не доходить до самоедства. Это, конечно, банальность, но чем требовательней к себе, тем больше возможностей к самосовершенствованию. Человек останавливается в развитии тогда, когда оказывается собой совершенно доволен. Самое худшее в человеке – застой.

Сапунов: В «Фейсбуке» вы публикуете замечательные истории о вашей жизни...

Фаталиев: «Френды»-то и подвигли меня на эти воспоминания. И теперь социальная сеть – вроде полигона, где я проверяю реакцию читателей. Ведь какая-то история может казаться мне интересной, но у публики она интереса может и не вызвать...

Сапунов: А что дальше?..

Фаталиев: А дальше я собираюсь не позже будущего года издать книжку воспоминаний. Мне исполнится 70, хочу сделать себе такой подарок, если это можно назвать подарком. Есть люди, которые охотно публикуют все, что они написали в иных жанрах... У меня около полусотни сценариев, снятых, но мне кажется, что вещь должна существовать только в одном жанре. Но я ни коим образом никого не осуждаю. У меня, правда, есть парочка не снятых вещей, вот их, может быть, опубликую... (*задумывается*) А может и пару тех, которые были экранизированы, и мне самому нравятся, извините за нескромность. Выйдет такой жанр – «Повесть для чтения и кино».

Сапунов: Я уже предвкушаю вашу книгу. Ваши воспоминания невероятно увлекательны, ведь ваш путь переполнен встречами с интереснейшими людьми: братья Вайнеры, Никита Михалков, Евгений Евстигнеев, Леонид Филатов и многие другие!.. Порой мне кажется, что таких людей просто уже не делают. Народ помельчал?

Фаталиев: Я иногда тоже ловил себя на подобной мысли, Слава. Однако сам себя сразу останавливал: «Рамиз, если бы это было так, то развитие общества давно бы остановилось». Наверно, все происходит циклически. Надежда не потеряна, и есть кому в этом мире сказать свое слово. У меня есть комплекс: боюсь оказаться брюзгой (*улыбается*).

Сапунов: Вы можете кого-нибудь назвать современным гением?

Фаталиев: Тяжело. Критериев-то нет. Все очень субъективно. Вы можете кого-то назвать, а я скривлюсь. И наоборот.

«ТЯЖЕЛО. КРИТЕРИЕВ-ТО НЕТ»

Сапунов: Беда в том, что, возможно, гений где-то живет среди нас, а мы не можем его распознать и оценить по достоинству.

Фаталиев: Может быть. Я, к примеру, понимаю, что Сакит Мамедов – очень незаурядный художник. Но, признаюсь, у меня недостает художественных знаний, чтобы... А записывать кого-то в гении на основе интуиции – самое последнее дело. Или, как минимум, бестактно по отношению к остальным.

Сапунов: А в вашей профессиональной области – кино – кто гений?

Фаталиев: Я недавно посмотрел «Интерстеллар». Кристофер Нолан – очень интересный режиссер. Он сумел залезть внутрь меня, а это случается очень редко... *(задумывается)* «Восемь с половиной», «Амаркорд» тоже проникли... Когда я смотрю «Не горюй», я оказываюсь в Грузии... Мое замешательство связано не с тем, что я не могу назвать одного, а с

тем, что могу назвать и двадцать, и тридцать. А столько гениев не бывает (*улыбается*).

Сапунов: Ваша собственная фильмография весьма велика. «Юноше, обдумывающему житье» с какого вашего фильма посоветуете изучать ваше творчество?

Фаталиев: Слава, даже близко никогда не сумею и не захочу отвечать на этот вопрос. Я вообще не понимаю, как на моем творчестве можно учиться. Я знаю, что некоторые режиссеры меня жутко подвели и сняли совсем не то, что я писал, я благодарен некоторым режиссерам, что они, может быть, сделали даже лучше, чем я написал. И удовлетворен теми, кто снял, как я написал. А воспитывать как?.. (саркастически) «Посмотрите «Зонтик для новобрачных» и запомните, что врать не хорошо! Посмотрите «Без свидетелей» о том, что карьеризм – плохо! Убивать нехорошо – смотрите об этом фильм «Грачи»!» (*улыбается*).

Сапунов: Фильм «Грачи» очень жесткий.

Фаталиев: Это благодаря Лёне Филатову, который попросил написать ему отрицательную роль: «Мне грозит «розоватость» романтического героя, я хочу сыграть что-то противоположное». Так, благодаря Лёне и режиссеру Константину Ершову появился фильм «Грачи».

Сапунов: Когда-то мы ходили на «Грачи» всем классом, и я помню, в какой восторг пришли мои одноклассники, когда герой Филатова – бандит Грач – вдруг заговорил с бакинским блатным прононсом.

Фаталиев: Все подумали, что это благодаря мне, но на самом деле Филатов произнес несколько фраз с ашхабадским акцентом. Он же вырос в Ашхабаде.

Сапунов: Когда-то вы начали с документального фильма «Фауна Азербайджана». Были драмы, комедии, даже вестерн... А какой из ваших фильмов можно отнести к категории «накипело»?

Фаталиев: Пожалуй, фильм «Мерзавец». Я написал сценарий в 1985 году, но запустить его смогли лишь в 1987-м. И только лишь потому, что я стал директором киностудии «Азербайджанфильм». Это был единственный случай, когда я воспользовался служебным положением. Да и фильм «Анекдот», снятый в тот же период, тоже был сделан при моем участии в качестве сценариста, просто меня в титрах обозначили «редактором», а то совсем уж было бы нескромно.

Сапунов: В свое время Георгий Данелия был художественным руководителем комедии «Джентльмены удачи» и настойчиво всем повторял, что режиссер не он, а Александр Серый.

Фаталиев: Все это происходило при мне. У Серого была очень непростая судьба, он только вышел из тюрьмы, и Данелия, близкий друг Александра, передал ему свое право на постановку «Джентльменов», но монтировал «Джентльменов удачи» Данелия фактически сам.

Сапунов: Меня, как человека, давно перешагнувшего 40-летний рубеж, давно волнует вопрос возраста. А у вас какие отношения с возрастом?

Фаталиев: Есть три понятия, к которым надо относиться с особым вниманием, не быть расточительным. И я это говорю в результате личного отрицательного опыта, а не потому что я вовремя оказался таким умным. Как раз-таки наоборот. Так вот есть три понятия: здоровье, время и репутация. Если нет здоровья, остальное особого смысла не имеет. Если вы очень расточительно обходитесь со временем, вы сделаете гораздо меньше, чем могли бы. Ну а если проблемы с репутацией, тут и объяснять не надо. Аскетом быть не обязательно, но беречь эти три субстанции надо. Я, например, увы, не был бережлив. Время сперва шло весьма медленно, но как только я осознал его значимость, оно побежало очень стремительно... Еще я понял, что пока жалеешь о прошедшем, от тебя уходит настоящее.

Сапунов: У вас есть свои «Что такое хорошо, а что такое плохо»?

Фаталиев: Не-не-не... И формулировать не берусь. Лучше я поинтуичу. Формулировать «Что такое хорошо, а что такое плохо» – это воспитывать в себе педагога, понимаете. А я не считаю, что на это способен. Я готов учиться, но не учить. Спросят – отвечу, но не «Идите сюда, я вам кое-что расскажу!»...

Сапунов: Что вас радует сегодня?

Фаталиев: Меня радует уже сам факт, что есть что-то, что может радовать. Пусть не меня непосредственно. Но если у людей есть повод радоваться, это уже замечательно.

Сапунов: Я с нетерпением буду ждать вашу книгу. Я зачитываюсь воспоминаниями Георгия Данелия, а стиль и ирония ваших историй, мне кажется, очень созвучны его мемуарам.

Фаталиев: Как-то раз, когда я еще учился на Высших сценарных и режиссерских курсах, я оказался в пресс-баре Московского кинофестиваля. Встретил там Данелия, с которым уже был знаком. Гия говорит: «Ты что, тут будешь сидеть один? Поехали ко мне!» Мы вышли на улицу. Там около машины Данелия стоял высокий мужчина в шляпе, похожий на отставного морского офицера. «Поехали, поехали!» – скомандовал Данелия и мы втроем отправились к нему на Чистые пруды. Подъехал и Петя Тодоровский с гитарой. Мы замечательно провели время, пели песни, пили... А часа через два тот «Шляпа», оказавшийся прекрасным человеком, сказал: «Извините, мне пора. Очень приятно было с вами пообщаться». И ушел. Гия говорит: «Милейший мужик!». «По-моему, да», – отвечаю я. «Что значит «по-моему»? Это ж ты его привел!» – «Георгий Николаевич, как же я? Он же стоял у вашей машины!» Никто его не знал. Такая история могла случиться только с Данелия!..

2014 год

«Зеленый диван» с Рашадом Мехтиевым

2015

Художник Рашад Мехтиев — выпускник двух университетов и педагог одной академии. А еще он доктор философии в области искусства и почетный академик Императорской Академии России, автор многочисленных выставок за рубежом, обладатель многочисленных наград. О картинах доктора Мехтиева мечтают знаменитые коллекционеры. А он все сомневается: «Тем ли делом я занимаюсь?» Настоящий художник!

Сапунов: Рашад, ты занимаешься сразу несколькими делами: ты и преподаешь, и рисуешь... Кстати, правильно ли употреблять слово «рисуешь»? Может, лучше говорить «пишешь»?

Мехтиев: Можно и так, и так. Зависит от техники: рисуют карандашом, углем, а пишут уже маслом.

Сапунов: Продолжая творческую деятельность, ты одновременно учишь молодежь. С чего начинаешь свои занятия в Академии Художеств?

Мехтиев: Сперва я смотрю на уровень образованности моих

новых студентов. Не на способность рисовать, а на общую культуру.

Сапунов: Неужто не интересно, могут твои новички рисовать или нет?

Мехтиев: Увы, не все и карандаш в руках могут держать. Раньше в вузы приходили подготовленными, например, после художественного училища имени Азимзаде. Сейчас, к сожалению, приходят сразу после школы, в лучшем случае позанимавшись полгода с репетитором. Словом, Академии прежде всего приходится поднимать уровень студентов до начального академического, объяснять азы. К сожалению, эта тенденция охватывает все постсоветское пространство.

Сапунов: А можешь ли ты набрать студентов, к примеру, особо одаренных?

Мехтиев: Нынче введена европейская система: порой группа сама выбирает, к какому преподавателю пойти учиться. А преподаватель не выбирает. Случаются, конечно, подготовленные первокурсники. С ними работаю отдельно и с особым наслаждением. Ведь академическое художественное образование — это не умение рисовать, это глубокая и серьезная практика эстетического познания окружающего мира. Я говорю: «Ты должен не просто нарисовать, скажем, интерьер, ты должен сделать это так, чтоб узнаваемой стала не только эта комната, но и твой взгляд на него!» Умея просто красиво рисовать, ты рано или поздно придешь к неминуемому тупику. Должны быть мысли, чувства!

Сапунов: Много чувств выражает молодежь?

Мехтиев: Сейчас с этим непросто. Не только у нас — по всему миру. И преграды, как ни странно, информационные. У молодых нет терпения, усидчивости. Они быстро и в изобилии получают информацию и так же пытаются творить. «Кто-то продал на Sotheby's картину за полмиллиона? Я тоже хочу!» Вот и все стремления. Мечутся, не пытаюсь сосредоточиться.

О тщательности и речи не идет. И уровень знаний тоже важен. «Кто такой Леонардо Да Винчи?» — «Художник!» — «И на этом спасибо!» Подробнее ответить могут далеко не всегда, потому что перед уроком я требую, чтоб студенты свои телефоны сложили на подоконник.

Сапунов: Это сурово!

Мехтиев: Да, я очень строгий педагог. Я требую, чтобы все внимание было на мне. Тем более что мне приходится заниматься и образованием, и воспитанием. Объясняю досконально, что умение нарисовать, например, натюрморт позволит им завтра работать во всех областях искусства, потому что они овладеют формой и цветом.

Сапунов: Зачем ты вообще пошел преподавать?

Мехтиев: Мне это нравится. Есть поговорка: если сегодня что-то не отдашь, завтра сам не получишь. Скажу пафосно: «Не думай, что страна сделала для тебя, думай о том, что ты для нее сделал» > *(смеется)*. И к тому же я сам учусь со своими студентами, получаю от них энергию. И им же ее отдаю. С молодежью общаться полезно и приятно. Бывает, студентка подходит: «Рашад-муаллим, мне по телефону какой-то дурак докучает. Можете ему ответить, чтобы не приставал?» *(смеется)*

Сапунов: Девочки, значит, преобладают?

Мехтиев: Есть группы вообще без мальчиков! О каком развитии искусства может идти речь?! Я не хочу провоцировать гендерный конфликт, но даже в Европе женское изобразительное искусство значительно отстает от мужского, а у нас громкие женские имена в художественной истории по пальцам можно пересчитать. Да, женщины — прекраснейшие создания. Но для продвижения и развития искусства нужен мужской характер. Среди моих учениц есть очень талантливые девушки, но завтра они, вполне вероятно, выйдут замуж и забросят искусство.

Сапунов: Да ты пессимист! Представляю, что ты скажешь вообще о состоянии отечественного искусства!

Мехтиев: Культура и искусство у нас развиваются. Во всяком случае, государство создает для этого прекрасные условия. И продвижение нашего искусства за рубежом становится все интенсивней и интенсивней. Однако художники — не все, некоторые — порой очень несерьезно относятся к своей профессии. Относятся просто как к бизнесу.

Сапунов: К слову, спасибо состоятельным бизнесменам, наше искусство стало более востребованным. Появилось больше коллекционеров...

Мехтиев: Да! И если иные «коллекционеры» пока относятся к живописи как части интерьерной декорации, то и вдумчивых, понимающих собирателей становится больше. Хотя и не столько, сколько хотелось бы.

Сапунов: Если не о зароботке, то о чем ты, как художник, прежде всего должен думать?

Мехтиев: Без заработка невозможно. Но я не должен упиваться собой, я должен думать, что я сделал для общего развития. Пикассо говорил: «Я сегодня начинаю, пусть завтра продолжают!» Конечно, он был баснословно богат, но при этом он хотел, чтобы последующие поколения не ценили, а продолжали! Чувствуешь разницу? Когда художник 50% пишет для продажи, а 50% — для развития, это замечательно. Но если он пишет только на продажу — это проблема, проблема для культуры... Художники в прежние века занимались исследованиями, составляли новые рецепты красок, грунтовок. Годами готовили холсты. А сегодня купил акрил и вперед. А ведь акрил послезавтра распадется.

Сапунов: Послезавтра?

Мехтиев: Ну через 20 лет. Для истории искусства это 2-3 дня.

«Когда художник 50% пишет для продажи, а 50% — для развития, это замечательно. Но если он пишет только на продажу — это проблема, проблема для культуры...»

Сапунов: Скороспешность — признак времени. Но есть и такие обстоятельные художники, как ты. В твоих полотнах виден неторопливый, вдумчивый и постоянный поиск, ты экспериментируешь с жанрами, стилями. Какую из твоих картин ты бы не постеснялся показать... Рембрандту?

Мехтиев: Ой, сложный вопрос. Что касается экспериментов... Человек до конца своих дней учится, должен учиться. Я считаю, что негоже, если художник заводит себе некие стандарты стиля и больше никогда от них не отступает. А Рембрандту я бы ничего не показал. Пока недостойн. Уровень еще не тот. Это мое мнение. Мне надо еще работать, работать и работать. Дело в том, что я смотрю на искусство как на явление, как на процесс, сделавшие в незапамятные времена человека человеком и до сих пор имеющие гигантское значение в его развитии. Сегодня моя задача не просто

«красиво нарисовать», моя задача — вложить в то или иное полотно идею, которая сработает и через 150 лет. Это не просто. Но Рембрандт меня бы понял (*улыбается*).

Сапунов: Как получить удовольствие от современного искусства — contemporary art? Ты получаешь удовольствие? Тебе нравится Марсель Дюшан с его хулиганским «Фонтаном» или Джек-разбрызгиватель Поллок?

Мехтиев: Поллок — продукт чрезмерного пиара, а не художник. И таких сегодня немало, просто не всем повезло, как Поллоку.

Сапунов: Мне нравится Кандинский. Он тоже продукт пиара?

Мехтиев: О! Василий Кандинский — классик. Ты видел его работы доавангардного периода? Он был блистательный художник. Но в какой-то момент сознательно отказался от «реализма» и стал искать новые пути. Я уважаю его выбор.

Сапунов: Как появляются твои картины? Откуда вдруг возникает «Арлекин»?

Мехтиев: Здесь нет логически сформулированной цепочки. Мои картины сродни эзотерическому дневнику. Я могу выразить словами свои мысли, но не могу высказать свои эмоции. Их я выражаю в картинах и оставляю зрителю право самому трактовать увиденное.

Сапунов: А что они расскажут о нашем времени зрителю XXII века?

Мехтиев: (*смеется*) Убей меня, но не знаю.

Сапунов: Тревожные у тебя картины.

Мехтиев: Да... У меня есть серия «бессознательных» картин. Это вызвано, наверно, утратой неких ценностей, наступлением аморальности, невежества.

Сапунов: Ты ставишь диагноз обществу...

Мехтиев: Всему обществу я не имею права ставить диагноз.

Сапунов: Ну хорошо, некоторой прослойке, которая возле...

Мехтиев: Может быть.

Сапунов: ...А терапию вслед за диагнозом доктор Мехтиев предлагает?

Мехтиев: Да, надеюсь. Не знаю, насколько это у меня получается. Но пытаюсь. Это все задача каждого настоящего художника: передать свои чувства, передать состояние людей и...

Сапунов: И?

Мехтиев: ...И суметь выдержать противодействие публики.

Сапунов: Признаюсь, в современном искусстве мне не достает реализма. Я воспитан на передвижниках.

Мехтиев: О! Вот тут ты подкрался к идее, которую я хочу запатентовать. Ведь в чем заключалась идея передвижничества? Группа художников — Репин, Суриков, Перов, Саврасов и другие — собралась и, путешествуя по России, изображала быт и культуру русского народа. Вот бы здесь сделать такой проект — профинансировать семь талантливых художников, чтобы они в течение года ездили бы по Азербайджану, проводили бы, скажем, по два месяца в одном из районов, рисовали и показали бы культуру регионов. За 2-3 года можно, знаешь, интегрировать культуру регионов Азербайджана в мире!

Сапунов: Над чем работаешь сейчас?

Мехтиев: Много над чем. Но самый необычный проект — совместный с Академией Наук. Я езжу в шемахинскую обсерваторию и, наблюдая за звездами, пытаюсь увиденное внедрить в язык искусства.

Сапунов: Ничего себе! Постичь гармонию мира — ни больше ни меньше! И во что это у тебя выльется?

Вот бы профинансировать семь талантливых художников, чтобы они в течение года ездили бы по Азербайджану, проводили бы, скажем, по два месяца в одном из районов, рисовали и показали бы культуру регионов.

Мехтиев: Увидим. Лет через пять.

Сапунов: В чем ты сомневаешься?

Мехтиев: Я сомневаюсь: правильный ли я когда-то выбрал путь. Но жить, не рисуя, я не могу. Бывали годы, когда я намеренно воздерживался от мольберта. Но все равно исподволь где-то что-то набрасывал — чуть ли не на салфетках. И знаешь что? Идеи, которые возникли у меня в те годы «воздержания», оказались чуть ли не самыми яркими!

2015 год

Антикризисный «Зеленый диван»

2015

Мировой кризис, несомненно, все больше влияет на умы и на настроения. Как влияет? В чем его польза? Чего бояться, а чему радоваться? Об этом я в рамках популярного проекта журнала *VOUQTQUE ВАКУ* решил поговорить с известными азербайджанскими предпринимателями из разряда *SELF MADE*. Гости первого «тематического» «Зеленого дивана» в — Управляющий партнер агентства *RED COMMUNICATIONS*, глава клуба «*100 BUSINESS WOMEN OF AZERBAIJAN*» Татьяна Микаилова, руководитель ряда крупных медиаструктур (журнал *NATIONAL GEOGRAPHIC*, Радио *107,7 Авто-FM* и др.) Эльнур Баимов и Народный артист Азербайджана, шоумен, актер, продюсер, глава компании *MGR* Мурад Дадашов. (Беседа состоялась 12 октября 2015 года. Материал был опубликован в ноябрьском номере журнала *VOUQTQUE ВАКУ*).

Сапунов: Друзья мои, я возьму на себя смелость от имени народа обратиться к вам, успешным, энергичным, позитивным, с простым вопросом: как пережить кризис?

Микаилова: Вопрос, мягко говоря, непростой.

Сапунов: Хорошо, начнем издалека. Вы чувствуете наступление кризиса?

Дадашов: Слава прав. Реально людям нужно понять, как себя вести... Близкий мне человек является руководителем медицинской клиники. Он поделился интересным наблюдением, характеризующим ситуацию. Он сказал, что раньше ежедневная выручка складывалась из достаточно мелких купюр. Сейчас она складывается из крупных. То есть люди уже берут деньги из домашних накоплений... Безусловно, хорошего в текущей ситуации мало. И на моей работе это сказывается прежде всего. У меня же работа-десерт. А когда у людей денег становится меньше, они от торта уж точно отказываются, предпочитая более полезную пищу.

Баимов: Смелая параллель.

Дадашов: То есть от моей развлекательной продукции потребитель в первую очередь откажется.

Микаилова: А мне кажется, что хороший контент всегда будет цениться.

Дадашов: Возможно... Как не откажутся вообще от хороших специалистов. Но в любом случае кризис — это хороший холодный душ. Хороший душ для всех. Словно все разом протрезвели и стали внимательней относиться к своим расходам, к своим желаниям...

Микаилова: Еще не начали, Мурад.

Дадашов: Возьмите, к примеру, туристические фирмы. Если в начале года многие строили планы поездок — от наших районов до полетов... не знаю... на Луну и на Венеру, то позже многие стали отказываться от таких трат. Не потому что вдруг деньги пропали, а люди стали бережливее. Это, конечно, еще не кризис...

Баимов: Это девальвационное ожидание. Азербайджанцы —

люди, которые очень часто живут не по средствам. Многие залезали в долги и кредиты, пытаюсь выгладеть богаче, чем они есть на самом деле. Так было все последние 10 лет. Теперь же все живут в девальвационном ожидании, предпочитая не тратить деньги. Все ждут, что будет. Более чем в четыре раза упали продажи автомобилей, остановился рынок недвижимости.

Микаилова: Думаю, что давно требовалось что-то подобное, чтобы приостановить эту погоню... Не хочу сказать «за понтами», но за внешним лоском, за show-off. Иностранцы, с которыми я работала еще на заре своей деятельности, говорили с удивлением, что для наших граждан, приходивших на собеседование, был куда важнее не тот пакет, который они получают, устроившись на работу, а то, что будет написано у них на визитке. Это очень показательно.

Сапунов: Массовые увольнения сегодня происходят неспроста.

Микаилова: Часто приходят устраиваться люди с большими притязаниями, но без какого-либо опыта, без каких-либо профессиональных навыков. Сокращения, которые сейчас происходят во многих компаниях, связаны не только с кризисом. Многие компании наконец нашли повод почистить этот переизбыток сотрудников. У бизнесов, особенно больших, была тенденция раздувать штат, при этом теряя эффективность и постепенно впадая в дрему. Вот будильник и зазвенел. На самом деле мы от кризиса пострадаем не меньше остальных, если не больше, ведь в первую очередь режут маркетинговые бюджеты. Но с другой стороны открываются другие возможности. Я, честно говоря, не боюсь вообще остаться без работы.

Сапунов: Неужели не страшно все потерять?

Микаилова: Не страшно. Может быть, обидно утратить годами наработанное, но не страшно. Я прошла слишком много этапов и начинала неоднократно с нуля, чтобы сейчас чего-то бояться. Мы все повидали много непростых периодов.

«ДЛЯ НАШИХ ГРАЖДАН, ПРИХОДИВШИХ
НА СОБЕСЕДОВАНИЕ, БЫЛ КУДА ВАЖНЕЕ НЕ ТОТ ПАКЕТ,
КОТОРЫЙ ОНИ ПОЛУЧАТ, УСТРОИВШИСЬ НА РАБОТУ, А ТО,
ЧТО БУДЕТ НАПИСАНО У НИХ НА ВИЗИТКЕ»

Дадашов: Да уж, колбасило не по-детски.

Микаилова: Это должно было случиться. Должно поменяться мышление. Мой педагог по французскому языку говорил, что люди лишь тогда начнут хорошо работать, когда почувствуют за своей спиной очередь из претендентов на их место.

Баимов: У нас до последнего времени рынок был перегрет переплатами.

Дадашов: Когда я был в Америке, мы регулярно ходили обедать в маленький ресторан. Там был очень пожилой официант, который весьма плохо справлялся со своими обязанностями: путал заказы, что-то забывал, что-то ронял... На прощанье я не вытерпел и спросил у владельца, зачем он держит этого старика. И владелец мне сказал: «Я не могу его

уволить. Он основатель этого ресторана, он его бывший хозяин. Когда дела пошли плохо, он продал мне этот ресторан, но попросился на работу». Этот эпизод раскрывает очень много вещей... Таня неспроста упомянула про визитки. У нас есть дела, которые считаются постыдными! Не может народная артистка играть уборщицу! Она обязательно должна изображать императрицу! В этом есть некая провинциальность. Хотя, конечно, здоровые амбиции играют и положительную роль.

Микаилова: Ведь пока найдешь подходящего работника, даже без опыта, сколько приходится провести собеседований.

Баимов: Да, мы проходили через это. Из 600 человек, подавших заявку, в лучшем случае подходят шестеро. Остальные просто обращаются на удачу, даже не задумываясь, о какой работе идет речь.

Сапунов: Чего вы опасаетесь особенно?

Дадашов: Я опасуюсь упадочнических настроений. Очень не хотелось бы, чтобы от передраг у людей опускались руки.

Микаилова: А я очень хотела бы, чтобы каждый понимал, блага должны быть заработанными, заслуженными, что с неба ничего не падает.

Дадашов: И перебороли бы лень, которая в нас, ой как часто, проявляется!

Микаилова: И начали бы читать. Знал бы ты, сколько специальной литературы мы приобретаем в компанию, чтобы наши креативщики читали! И буквально заставляем ее штудировать!.. А то приходит ко мне претендент на позицию копирайтера. Задаю стандартный вопрос: «Что ты читаешь?» Его ответ: «Мне некогда читать. Работаю, провожаю свою девушку, сижу с друзьями в чайхане...» — «И? Когда возвращаешься домой, книжка, наверно, лежит у кровати?» — «Нет, я так устаю...»

Баимов: А из-за необразованности процветает двуличие, лицемерие, ханжество. На днях был распространен ролик — из-за чего оштрафовали телеканал ANS. Из-за поцелуя в кадре! И эти кадры вызвали огромное возмущение публики. Словно у нас население размножается почкованием.

Дадашов: Мне кажется, единственный метод борьбы со всеми негативными явлениями — открытая рыночная экономика. Дать возможность прийти сюда иностранным компаниям в любые сферы. Я понимаю минусы глобализации. Но именно так будет повышаться конкурентоспособность товаров, производимых нами. Любого — интеллектуального, физического... Только честная касса показывает, хороший у тебя товар или нет. Майкл Джексон разве был Народным артистом США? Нет! Пел и танцевал прекрасно и был поп-исполнителем №1. Возможность платить каждому по уму — самая гениальная вещь!

Баимов: Ну и что? Тогда лучший наш фильм — «Хохан».

Дадашов: Это пройдет. Помнишь первые коммерческие ларьки — нелепые, кривоватые? А теперь посмотри на современные торговые центры и бутики. Это нормальный рост.

Баимов: Хуже, что у нас многих видов деятельности стыдятся. Мы проводили опрос среди официантов. Никто из них не доволен своим ремеслом. Почему? Один ответил: «За меня девушку замуж не отдавали, и я был вынужден уйти из ресторана».

Дадашов: Значит, выбрал девушку не по себе. Но тут еще дело в том, что за рубежом, где, конечно, не рай и много своих сложностей, тот же официант социально защищен. И у него есть под его зарплату и машина, и квартира, и курорт для отпуска. У нас же среднего уровня нет. Все или очень дорого, или очень дешево.

Сапунов: Только не курорты.

Баимов: Я анализирую посещаемость веб-ресурсов и обра-

тил внимание на то, что больше всего сейчас читают про криминал. Видимо, читая про кровавые убийства, люди отвлекаются лучше всего. С другой стороны в обществе накопилась агрессия, которую нужно куда-то выплескивать.

Микаилова: В любых условиях экономики, в кризисе или при абсолютном благополучии всегда может создаваться ситуация, которая тебя откатит назад. Не надо этого бояться, возможно, это шанс сделать что-то новое.

Сапунов: Мы как-то с Таней говорили об этом, и она сказала, что не боится никакой, даже черной работы. А вы, ребята, как? Эльнур, на что ты способен?

Баимов: У меня таких ситуаций полна биография — и проект забирали, и с работы снимали, я откатывался на ноль. А вообще я журналист, могу и преподавать. А напряжение у населения нужно снимать. Иначе...

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕТОД БОРЬБЫ СО ВСЕМИ НЕГАТИВНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ — ОТКРЫТАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА. ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЙТИ СЮДА ИНОСТРАННЫМ КОМПАНИЯМ В ЛЮБЫЕ СФЕРЫ»

Микаилова: И волна прежде всего снесет нас, потому что публичных людей не любят больше.

Дадашов: Я уже с этим сталкиваюсь. Такое порой мне пишут, что лучше не пересказывать.

Баимов: Но стоит мыслить и позитивно. Проведя Евровидение, Евроигры, шахматный турнир и множество других международных мероприятий, мы сделали нашей стране сильнейший пиар, который, несомненно, привлечет в Азербайджан множество туристов. И получится этакое нефтезамещение.

Дадашов: Получится. Если упростится получение виз. Пока, увы, очень многие иностранцы, желающие к нам приехать — на гастроли, по бизнесу и так далее, — сталкиваются с значительными сложностями.

Микаилова: Да, я встретила недавно в Милане с руководителем крупной ассоциации, объединяющей PR-агентства. Он давно мечтает приехать в Азербайджан, но он мне признался, что не понимает, зачем он должен ждать три недели для получения азербайджанской визы.

Сапунов: Возвращаясь к главной теме, что же делать? Для начала хотя бы.

Микаилова: Для начала надо фильтровать контакты и поступки и начать-таки учиться.

Дадашов: Паоло Коэльо говорил, что все всегда заканчивается хорошо. Если все закончилось плохо, значит это еще не конец. И я каждый раз, когда мне плохо, думаю о том, что могло быть намного хуже. Порой, когда я захожу к маме вечером, усталый, ворчливый, мама мне говорит: «Самое большое счастье, это когда ты утром просыпаешься, планируешь дела, а затем своим планам соответствуешь. Не завися от давления, от уровня сахара, от врачей и так далее». И суть моего спича в том, что ничего страшного не произошло. Да, у многих людей, которые строили определенные планы, брали, ска-

жем, долларové кредиты, пойдет переоценка своих планов и поступков. Да, нас всех тряханет. Но очень хотелось бы, чтобы каждый использовал этот момент, чтобы задумался: правильно ли я живу, тем ли я занимаюсь. Может, плохой врач вдруг станет хорошим дизайнером, а?

Сапунов: Маму нужно слушать. Кстати, мама ничем не запасается на случай кризиса?

Дадашов: *(улыбается)* Мама запаслась сыновьями.

Микаилова: Да, где-то я читала: «Когда тебе плохо, открой в газете раздел некрологов. Любой из его героев с радостью бы поменялся с тобой местами». Этот вынужденный холодный душ стоит рассматривать как возможность закалиться, а значит и стать здоровее. И хорошо, что этот душ прольется сейчас, а не позже. Сейчас время полностью переключится на себя, на то, что и как ты сам можешь построить. Время работать усерднее и эффективнее, чем обычно, и время учиться, так как все процессы, которые будут происходить — это как практика после изучения теории. Которая зачастую далека от реальности.

Дадашов: Решительные меры нужны, конечно. Моя знакомая топ-модель как-то раз сказала, что мужчина после 40 лет идет тренироваться в гимнастический зал в двух случаях: когда он обзаводится молодой любовницей или когда его неожиданно серьезно побили на улице. Давайте думать, что у нас молодая любовница *(смеется)*.

Микаилова: У нашего народа все-таки есть очень много предпосылок к благополучию: природа, климат, оптимизм. Наконец просто удачливость. Создатель, согласитесь, к нам благоволит... И это обстоятельство нас очень часто спасало.

Сапунов: Эльнур, а что ты посоветуешь?

Баимов: Посоветую быть терпеливее, мобилизоваться. Ожидание кризиса хуже самого кризиса, потому что ты не знаешь, что и как планировать. Пусть все случится пораньше, потому

что тогда ты поймешь, что у тебя есть, к чему ты должен и к чему можешь стремиться... Впрочем, если заглянуть вечером в наши рестораны, заполненные до отказа, понимаешь, что народ еще не осознал.

Сапунов: А по каким приметам ты поймешь, что «народ осознал»?

Микаилова: Учиться начнут.

Баимов: 500 долларов станут отличной зарплатой, а огромная армия юристов-международников, экономистов, пиарщиков, библиотечкарей станет никому не нужна.

Сапунов: А кто будет нужен?

Дадашов: Будут нужны ребята, которые помнят, когда было плохо и как в таких случаях выживать.

Сапунов: Когда же было плохо?

Дадашов: Лет 15-20 назад.

Сапунов: Значит, это ты.

Дадашов: Поэтому мы тут и собрались (*смеется*).

Баимов: Такие обсуждения должны быть на телевидении. Чтобы люди говорили и чтобы люди слышали.

Сапунов: А вот с этим уже не ко мне...

2015 год

«Зеленый диван» с Тахиром Амираслановым

2015

О РЕСТОРАНАХ И ФИЛОСОФИИ, О КУХНЕ, ЛЮБВИ И ТЕОРИИ ЕДЫ, О КУЛИНАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ И О ЛУЧШЕМ В МИРЕ БЛЮДЕ ГОВОРИМ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ ЦЕНТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛИНАРИИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ЮНЕСКО ТАХИРОМ АМИРАСЛАНОВЫМ.

Сапунов: Вы еще и профессор. Какой же предмет вы преподаете?

Амирасланов: Я преподавал и стандартизацию, и технологию общественного питания, и организацию, и дизайн... Я же по образованию инженер-технолог, я могу построить ресторан от нуля, включая отладку электролиний и систем воздухообмена. Все это очень важно.

Сапунов: Вы создавали рестораны?

Амирасланов: Конечно. Например, этнический ресторан «Ханедан». Но мне он не принадлежит. Я – автор концепта. А бизнес мне не нужен.

Сапунов: То есть вы не ресторатор?

Амирасланов: Нет, я – ресторатор. Потому что ресторатор не тот, у кого есть ресторан, а тот, кто может рестораны создавать.

Сапунов: Сколько же ресторанов вы создали?

Амирасланов: У меня в Гяндже было 23 ресторана. Я их подарил. А за рубежом я основал несколько ресторанов, получаю с них 3-5%, да и консультирую немало. Мои технологии работают на пищевых фабриках. Какие-то разработки я запатентовал, на оформление некоторых патентов времени жалко.

Сапунов: В каких странах можно поесть ваши блюда?

Амирасланов: Во многих. Но это не только блюда азербайджанской кухни, потому что часто ресторан создается под потребности той или иной местности...

Сапунов: Замечательно. Я не знал, что у вас большой географический охват.

Амирасланов: А что вы думаете, я на 299 манатов зарплаты живу? *(улыбается)* И семья должна жить, и наша организация должна работать. Так что средства нужны.

Сапунов: Я думал, что ваша организация бюджетная.

Амирасланов: Государство помогает, то не так много. У государства есть другие важные расходы... Я, знаете ли, не политик. Представьте: я плыву в лодке по реке, впереди река раздваивается. Я поверну, скажем, налево, а там спустя километр будет обрыв. А если поверну направо, там река впадет в море... Тот, кто надо мной на самолете летит, тот видит далеко вперед, он мне может просигнализировать «поворачивай направо», ничего не объясняя. А так я мог бы сорваться с обрыва... Сверху все видней. А я просто плыву в лодке.

Сапунов: Зато в лодке вы слышите журчание воды, чувствуете аромат степных трав, ближе к земле.

Амирасланов: И я не знаю, что лучше – сорваться с обрыва или выйти в море. В Библии говорится: «Люди, вы думаете, что проходит время? Глупцы, проходите вы!» Там *(показывает глазами вверх)* нет ни времени, ни пространства.

Сапунов: Ошибки у вас были?

Амирасланов: Как без этого? Не ошибается тот, кто ничего не делает. Эйнштейн говорил, что науку двигают чудачки, которые не знают запретов. Я не знаю запретов в химии, физике, математике, иду напролом, поэтому что-то получается. К примеру, у меня есть работы по религии, я основоположник новой теории питания.

Сапунов: А сколько их вообще было?

Амирасланов: Было три. Аристотель говорил, что пища есть кровь. Вторая теория – молекулярная. Третья теория – моя – информационная: «Пища есть информоноситель». Впервые по ней я делал доклад в 1996 году в Израиле... В танцах я тоже не особо разбирался, но в 2008 году я впервые в мире поставил кулинарные танцы. Недавно я сделал доклад о влиянии музыки на пищеварение, хотя я и тот-то не знаю. Дело было на международной конференции, и каждому спикеру полагалось 20 минут и 5 минут на прения. Так другие ученые уступили мне свое время, и я выступал более полутора часа, а обсуждение вообще длилось три дня.

Сапунов: У вас ведь и теория искусства своя...

Амирасланов: Да, я считаю, что все искусства вышли из казана. Когда древние люди готовили пищу, то звук ударов о казан был самым милым их сердцу. Постукивание по казану или по крышке означало «Я иду с миром». Отсюда и ритмические колядки на Новруз, на Масленицу... Помните, у Моллы Насреддина спросили: «Какая лучшая музыка?» Он ответил: «Когда черпак играет в казане». Ритуальные танцы произошли от имитации добычи и приготовления пищи... Всё завязано на еде. Если у любого праздника мы отнимем кухню,

что от праздника останется? Ничего! Если мы уберем из жизни понятие любви – ни романов, ни стихов, ни песен – мало что останется. Если мы уберем творчество – человека не останется! Три удовольствия – наслаждение едой, наслаждение любовью и наслаждение творчеством – делают человека человеком.

Сапунов: Еда и любовь – особая тема и тоже с древних времен.

Амирасланов: Мне доводилось исследовать кулинарные архивы царей, султанов, шахов... Помните, что у многих восточных правителей были сотни жен и наложниц? Но почему-то рождались преимущественно девочки, а мальчиков было в разы меньше. Я сперва думал, что мальчиков убивали, оставляя 3-4, чтобы не создавать проблем с престолонаследием. Но потом я выяснил, что главный врач и главный повар (нередко это был один и тот же человек) так формировали диету своего государя и его жен, чтобы образовывались необходимые хромосомы. Так, у-хромосомы лучше двигаются в кислой среде, а х-хромосома – в щелочной. И все это можно регулировать посредством питания. Об этом догадывались и Авиценна, и придворные лекари Средневековья... Подобные рецепты известны и мне.

Сапунов: Можно ведь создать ресторан, где в меню будет указано «Блюда для зачатия мальчика» или «Десерты для рождения девочки»...

Амирасланов: О, я могу создать около 40 ресторанов, как их нигде нет. Пусть обращаются инвесторы. Но главное, чтоб все было сделано так, как я говорю. Это принципиально.

Сапунов: Говоря о ресторанах... Назовёте мне десяток хороших ресторанов азербайджанской кухни в Баку?

Амирасланов: Очень сожалею... Последние 20-30 лет в Азербайджане не было подготовлено полноценного повара, кроме тех, кого мы в нашей ассоциации еще дорабатывали. А

«Нынешние пособия сделаны так, что я написал в Министерство образования и в Министерство культуры письмо с просьбой эти учебники сжечь, настолько они страшные»

где их готовить? В училищах? Для подготовки профессионального повара должно быть лучшее оборудование. Его нет. Должны быть лучшие учителя. Лучшие специалисты за зарплату 160 манатов работать не будут. Третий критерий – учебники. Нынешние пособия сделаны так, что я написал в Министерство образования и в Министерство культуры письмо с просьбой эти учебники сжечь, настолько они страшные. И четвертый фактор – самый важный. За рубежом в кулинарную отрасль идут студенты, отлично учившиеся в школах. У нас же в училища поступают те, кто не смог поступить даже в техникум. И нигде в Азербайджане нет сочетания всех четырех факторов. Да и по одному фактору мало где найдется. Я уже не говорю о том, что будущим поварам во время обучения не выдаются продукты. А как они научатся готовить без продуктов? А во Франции самая знаменитая кулинарная школа Le Cordon Bleu берет за обучение 40 тысяч евро в год. Поль Бокюз берет в год 9 тысяч. И этим школам Франция подарила лучшие здания, потому что их иностранцы-выпускники становятся проводниками французской кулинарной культуры, агентами влияния! Обучение должно быть тщательным! Бокюз только три месяца обучает, как правильно нарезать яблоко! Вот кстати, если по стандарту выпускнику Бокюза нужно будет для пирога яблоко определенного сорта

и определенной спелости, он никогда не заменит его другим. И если пирог должен стоять в духовке при температуре 160 градусов 5 минут, он никогда не допустит, чтобы пирог пекся хотя бы на минуту дольше или при другой температуре. Поэтому французская кухня всегда будет французской кухней, сохранив все свои достижения.

Сапунов: Но ведь бывает авторский подход. Например, какой-нибудь повар будет готовить кутабы по-своему.

Амирасланов: Конечно, тогда этот рецепт становится фирменным рецептом ресторана и оформляется должным образом в Республиканском кулинарном совете. И никто твой рецепт без твоего спроса не возьмет. Вот мы в «Ханедане» для приготовления блюд «по старинке» используем каменные казаны. Как долго я искал подходящие камни!.. А специальный самовар для супа пришлось заказывать в Корею, только там нашелся необходимый металл!

Сапунов: И каков суп в самоваре? Другой вкус?

Амирасланов: Конечно. Ведь и чай из самовара вкуснее. Вот так же и суп, приготовленный в сп ецсамоваре. Еще мы воссоздали долма-кебаб, который готовили в 1521 году для Шаха Исмаила Хатаи, луковую долму, которую делали для Султана Мурада, специи династии Каджаров...

Сапунов: Сколько я вас знаю, вы всегда говорили о стандартизации национальной кухни.

Амирасланов: Без этого нельзя! Поваров нужно учить стандартам. В Шеки мне один повар жаловался: «Мало платят». Я попросил приготовить просто картошку, а когда он приготовил, попросил найти картошку одного размера, одного цвета. Он не нашел. «Тебе сильно переплачивают», – сказал я ему. А другого шеф-повара я спросил, почему он не в униформе? «А разве блюдо от этого будет вкусней?» – удивился он. С этим мышлением надо бороться! С таким мышлением нельзя развивать национальную и любую другую кулинарию! В рестора-

нах работают часто необразованные повара... Зато по телевидению все горазды выступать – только-только закончил училище, третьеразрядный повар, а туда же – учить население кулинарии. Вы своего ребенка доверите медику-недоучке?

Сапунов: Куда же вы ходите питаться?

Амирасланов: Только к своим ученикам. Да и ресторан «Ханедан» я помог открыть лишь для того, чтобы было куда водить гостей. А так создалась патовая ситуация, когда просто нет системы подготовки высококвалифицированных кулинаров. Я предложил: «В училищах готовят металлистов, парикмахеров и среди них – поваров. Объедините все кулинарные факультеты в одном училище и дайте мне. Я преподавателям буду платить минимум 800 манатов. И не мешайте. И через семь лет получите Cordon Bleu». Не дают.

Сапунов: Откройте частную школу.

Амирасланов: У меня на это нет времени. Такая школа – дело государства. Ведь Азербайджан – первая страна, в Законе о культуре которой есть статья о защите национальной кулинарной культуры! Уже два года парламент обсуждает Закон о кулинарии. Я надеюсь, что он даст необходимый толчок. Сам я не потяну. Оборудование только кулинарной студии, не телевизионной, а для обучения, стоит примерно 330 тысяч евро. Я пишу книги. Моя книга об азербайджанской кухне заняла первое место на международном конкурсе. Но мне говорят, что писать книги не модно. Модно быть блогером.

Сапунов: Над чем работаете сейчас?

Амирасланов: Над многим. Вот готовим книгу и выставку «Азербайджанская кулинария в изобразительном искусстве». Помните картины Гагарина, рисунки Азимзаде? В коврах есть соответствующие Изображения. Другие интересные темы: кухня и религия, кухня и политика и так далее. Я не за деньгами гоняюсь, я хочу, чтобы двигались наука, знание. Увы, нас

так мало, что мы создали Сообщество «Дяди», но не в значении «сумасшедшие», а в значении «чудаки».

Сапунов: Скажите, у вас есть любимое блюдо?

Амирасланов: У нас у всех одно самое любимое блюдо – то, что готовили нам в детстве наши бабушки. Я из товузской деревни, я люблю буйволиный гатых с медом или бекмезом, горячий хлеб со свежим сливочным маслом. А на берегу речки у нас растет кисленький кресс-салат – положить его на свежеспеченную юху с сыром – ах как вкусно!

2015 год

«Зеленый диван» о благотворительности

2016

Новый тематический «Зеленый диван» посвящен благотворительности. Наши гости – директор фонда «Счастливое будущее детей» Наргиз Керимова и соосновательницы организации AZERBAIJAN SOCIAL AID AWARENESS PROGRAM (ASAAP) Фатима Ибрагимбейли и Джамиля Вердиева.

Сапунов: Дорогие дамы, начнем с истоков. Я знаю, что фонд «Счастливое будущее детей» был основан в 2006 году и с тех пор вы, Наргиз, с друзьями, знакомыми, а равно и с незнакомыми, помогли сотням детишек, страдавшим пороком сердца. Ваша, Фатима и Джамиля, программа ASAAP несколько моложе, ей недавно исполнилось 5 лет, но и за это время вы с товарищами сделали много доброго: помогали детям, болеющим лейкемией, помогали детям-инвалидам, заботились о детях в детских домах, занимались библиотеками для детишек... Впрочем прошедшее время не совсем корректно, потому что все это продолжается и продолжается. Теперь скажите, а с чего благотворительность начинается?

Керимова: Я выросла в семье, где помощь людям была выше всего – моральная, финансовая. Мой отец, генерал

Мурад Бабаев, был состоятельным человеком и за свою жизнь помог большому числу людей – строил дома для беженцев, помогал девушкам из малоимущих семей составить приданое, помогал очень многим... Порой даже мне отказывал в каких-то детских капризах, а для людей, казалось бы, посторонних, делал много добра. Воспитанная в такой атмосфере, я попросту не понимаю, как можно не помогать людям, попавшим в беду.

Сапунов: Первую акцию припомните?

Керимова: У меня была парикмахер, которую я однажды застала заплаканной. «Что случилось?» – «Сын тяжело болен, почки отказывают и порок сердца у него...» Через знакомых мы вышли на хороших московских врачей, мальчика обследовали, оказалось, что проблема несколько иная, ему поставили стент, а спустя пять лет ему еще сделали операцию на сердце. Помню, как Хазрят вернулся в Баку после операции, я, счастливая, рассказывала об этом мужу, а присутствовавшая при этом моя подруга сказала: «Если будет подобная ситуация, пожалуйста, мне тоже сообщи». И оставила 50 долларов. Пожалуй, с этого и начался наш Фонд. Для меня это было и приятно, и удивительно. Затем была девочка-беженка из Джабраильского района и так далее...

Первые два года я обращалась только к близким друзьям и родственникам: «Если мы скинемся по 100 долларов, мы сможем спасти такого-то ребенка...» Потом круг разросся. Поэтому я себя не считаю какой-то «особенной благотворительницей». Я просто посредник, помогающий добрым людям делать добро. Все что делается моим фондом, делают мои друзья.

Сапунов: Фатима, а каким был ваш первый шаг?

Ибрагимбейли: Моя мама была учительницей и работала во вторую смену. Чтобы я после школы чем-то была занята, мама каждый день отводила меня к Ахундовскому садику, где

нынешний омбудсман Эльмира Сулейманова проводила программу Child to Child от ЮНИСЕФ. Там дети занимались просветительской деятельностью, рассказывали другим детям о СПИДе, других заболеваниях, мы ездили по районам... Потом я подросла, работала в Красном Кресте... А потом как-то раз наша с Джамилей подруга Уля Исаева сказала, что видела сон, как мы помогаем детям.

Вердиева: Удивительно, но именно с этого сна все и началось.

Ибрагимбейли: Причем Уле это привиделось 15 февраля, в Международный день детей, больных лейкемией...

Вердиева: Мы нашли трех детей из неимущих семей, детей, которые остро нуждались в медицинской помощи. Буквально за две недели мы организовали мероприятие, чтобы собрать деньги. Нам бесплатно предоставили площадку, там бескорыстно выступили наши друзья – Мири Юсиф, Эльнур Гусейнов и другие.

Сапунов: Но ведь помочь всем невозможно.

Ибрагимбейли: Увы, да. И я помню, как умер ребенок, для которого мы вроде бы все нашли и организовали, а он не дожил одного дня до операции. Эти дети, как правило, очень ослаблены, с плохим иммунитетом.

Вердиева: Мы очень сильно переживали. Понимали, что всех не спасешь, но все равно нам было очень плохо.

Ибрагимбейли: Постепенно, конечно, мы закалились... Даже не знаю, как это сказать... Ну как врачи. Самое главное не опускать руки, не отказываться от своего пути.

Сапунов: А что вы чувствуете, когда просто не достает денег?

Вердиева: Они у нас всегда бывают. Это похоже на чудо, но деньги вдруг появляются.

Ибрагимбейли: Например, сидели мы как-то, ломали го-

«Помню, к нашей сотруднице пришел офицер дорожной полиции, вручил конверт с 3 тысячами долларов и ушел»

лову, откуда взять деньги на операцию для одного мальчика. Вдруг звонок, голос несколько даже пугающий: «Вы Фатима? Нам надо встретиться!» Встретились. Парень: «Тому, кто меня послал, нужны конкретные кейсы, расскажите, кто нуждается в помощи?» Подготовили, рассказали: «Стадия такая-то, срок лечения такой-то». И вскорости на счет больницы была переведена нужная сумма. Он до сих пор нам помогает, а мы даже не знаем, от имени кого этот загадочный парень с нами сотрудничает.

Вердиева: И таких случаев много. Помню, к нашей сотруднице Мадине в офис (а своего офиса у нас никогда не было) пришел офицер дорожной полиции, вручил конверт с 3 тысячами долларов и ушел.

Керимова: Сегодня была проведена операция 912-му ребенку. И все эти операции делаются за счет добрых людей. Со многими из них мы крепко подружились. Нередко люди

жертвуют очень значительные суммы и категорически не хотят, чтобы об этом кто-то знал.

Сапунов: Почему благотворительностью занимаются преимущественно женщины?

Ибрагимбейли: Это вы так думаете. Это не так.

Керимова: А я согласна. Я старше Фатимы и Джамы. И как мать, я постоянно чувствую, что каждый больной ребенок – словно мой ребенок... Чужих детей не бывает.

Вердиева: Но нельзя и не признать, что когда в семью приходит сложная ситуация, мужчина слабеет, а то и вовсе уходит. Это доказано. А женщина выносит все.

Ибрагимбейли: Благотворительность – это не только создание организаций, не только финансовая помощь... 99% врачей, которые нам помогают совершенно бескорыстно, – мужчины. Это тоже благотворительность.

Сапунов: В ущерб чему вы занимаетесь благотворительностью?

Вердиева: Не могу сказать. Наоборот, нас насколько заносит в наших проектах, что мы обо всем другом забываем. Мы не выделяем для благотворительности какое-то время. Это все наша жизнь.

Ибрагимбейли: *(с воодушевлением)* Нам это в кайф! Я вообще занимаюсь всем этим из эгоизма! Потому что мне это доставляет наслаждение!

Сапунов: Вы взяли на себя чрезвычайно важную область – заботу о больных детях. Но в благотворительности нуждаются и многое другое, вплоть до экологии. Как вы думаете, в каких областях у нас еще очень не достаёт внимания благотворителей?

Керимова: Во всех...

Ибрагимбейли: И не только у нас... Плохо другое. Один мой

иностранный друг воспитывает своих детей под девизом «Sharing is caring» (делишься – значит заботишься). А вот у нас родители воспитанию таких качеств уделяют внимания маловато. Начиная с того, что когда видишь на улице кошку, нужно не ногой ее пнуть, а дать ей кусочек еды. А ведь потенциал у нашего народа есть, и традиции есть... Говорят, что даже самый острый камень с годами обтачивается. Вероятно, любой человек может со временем прийти к благотворительности, возможно, что-то его к этой мысли подтолкнет, что-то в его жизни случится. А с некоторыми стоит просто поговорить. И он захочет прочувствовать то счастье, какое испытываем мы, помогая людям.

Сапунов: Какие проблемы, по вашему мнению, есть у нас в области благотворительности?

Ибрагимбейли: Бюрократия. И еще... У нас есть структуры, помогающие тяжелым больным, инвалидам и так далее. Однако.. Предупреждаю, что это мое личное мнение!.. Однако

«99% ВРАЧЕЙ, КОТОРЫЕ НАМ ПОМОГАЮТ СОВЕРШЕННО БЕСКОРЫСТНО, – МУЖЧИНЫ. ЭТО ТОЖЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ»

люди, там работающие, понятия не имеют, как обращаться, как общаться с этими тяжелобольными, инвалидами, стариками... Врач может сказать: «Ребенку стало хуже? Идите к тому врачу, который вам все это напрописывал!»...

Керимова: Не достает культуры, не хватает деликатности, а порой и простой человечности...

Ибрагимбейли: У нас есть хорошие врачи. Но их мало. Как есть хорошие учителя. Но их мало.

Керимова: И ценят их плохо.

Ибрагимбейли: И поэтому врач, которая нам помогла в Анкаре, оказалась азербайджанкой, врач в Анталии оказался азербайджанцем.

Сапунов: Приходится вам сталкиваться с недоверием? Дескать, себя пиарите, а деньги прикарманиваете?

Ибрагимбейли: Что только ни говорят... «И ради пиара» и «У тебя личной жизни нет, вот ты эти и увлеклась!». Да откуда ты знаешь про мою личную жизнь?!!

Керимова: Самое противное, что человек, утверждавший «Она на наши деньги купила новую сумку», сам ни копейкой никому не помог. То ли злился, то ли завидовал. Но чему?

Сапунов: Он оправдывал свое бездействие.

Керимова: А я даже рада, когда сплетничают. Это дает мне еще больший стимул работать, помогать... Наперекор всему! Я этим занимаюсь ничуть не ради пиара. А ради самой себя, ради Всевышнего, во искупление каких-то грехов, какие у каждого человека бывают.

Ибрагимбейли: Да, стимулом может быть и религия, и воспитание, и стечение жизненных обстоятельств... У каждого – свое. А что касается финансов, мы порой настаиваем, чтобы нас проверяли. «Вы нам дали 10 манатов? Пожалуйста, придите, мы вам подробно расскажем на кого и как мы потратили

эти деньги!» И чем больше мы стараемся, тем больше людей хотят быть с нами вместе.

Сапунов: Много таких, как вы?

Ибрагимбейли: Немало, я лично знаю многих. Моя знакомая помогает дому престарелых в Маштагах, моя сестра помогает собачкам. И так в самых разных областях.

Керимова: Когда человек видит, что его вклад, его забота дали результат, он уже не может остановиться. Иногда даже неловко бывает – в кафе или в магазине подходят незнакомые люди: «Наргиз-ханум, я не знал, как вас отыскать, можно я вам деньги дам?» Аж стыдно (*смеется*). Столько людей нас поддерживают, что волей-неволей понимаешь: большим делом мы занимаемся.

Наргиз Керимова – директор фонда «Счастливое будущее детей», который помогает детям с пороком сердца. Начал работу в 2006 году, прошел регистрацию в 2009 году.

Фатима Ибрагимбейли и Джамиля Вердиева – соосновательницы организации Azerbaijan Social Aid Awareness Program ASAAP (Программа социальной поддержки и просвещения в Азербайджане).

2016 год

«Зеленый диван» с Чингизом Фарзалиевым

2016

Гость нашей рубрики – директор Национального Музея Искусств, художник Чингиз Фарзалиев.

Сапунов: Чингиз-муаллим, прежде всего я хочу признаться в любви. В любви возглавляемому вами музею. Я впервые пришел туда школьником и с тех пор достаточно часто посещаю его, продолжая наслаждаться шедеврами, наблюдая развитие музея, подмечая минусы и радуясь приобретению несомненных достоинств. Так, к примеру, вот уже несколько лет ведется реставрация старого корпуса – особняка Дебура. Когда же она закончится и музей представит свою экспозицию во всей красе?

Фарзалиев: Да, действительно, наш музей состоит из двух корпусов: того, в который вы привыкли ходить с детства, и того, в котором сегодня находится экспозиция. Старый корпус сейчас реставрирует итальянская фирма, занимавшаяся реставрационными работами по всему миру. Я видел, как они работают в Санкт-Петербурге. Просто великолепно! И также прекрасно они делают у нас. Итальянцы обещали закончить реставрацию нашего музея к концу 2016 года. Несмотря на все трудности, экономические и прочие, работа не приостанавливается. И в юбилейный год мы хотим по-настоящему

отметить эту дату именно в старом корпусе.

Сапунов: Как изменится расположение экспозиции?

Фарзалиев: Будут достаточно большие перемены. Ведь когда-то это был жилой дом, где жил Нариман Нариманов, затем Мирджафар Багиров... Там было множество небольших комнаток, подсобных помещений. Много было по-большевистски плохо переделано. Сейчас же здание трансформируется специально под музей, на самом высоком уровне.

Сапунов: То есть проводится перепланировка?

Фарзалиев: Да, значительная перепланировка... Например, помните, там был маленький дворик? Теперь этот дворик накрыт стеклянным куполом, там будет прекрасное патио с фонтаном и скульптурами.

Сапунов: Маленькие комнаты объединятся в большие залы?

Фарзалиев: Нет, что вы! Не беспокойтесь, вся прелесть старинного особняка будет сохранена... У нас как-то был директор Лувра Анри Луаретт, он сказал, что это один из самых лучших особняков в мире.

Сапунов: И как будет в итоге?

Фарзалиев: В итоге в старом корпусе будет размещено мировое искусство, а новый, ныне действующий, будет посвящен только азербайджанскому искусству.

Сапунов: Я очень рад, что всем видам искусства будет просторней. Я же видел, какой богатой коллекцией, к примеру, русского авангарда вы обладаете. Даже Василий Кандинский был, кажется?

Фарзалиев: Кандинского я вам скажу, у нас немало! В музее Гугенхайма в Нью-Йорке, где я был в гостях, в экспозиции выставлено всего два крошечных «кандинских» – живопись на стекле. А у нас таких — целых девять!

Сапунов: Подлинники?

Фарзалиев: Разумеется! В Париже живет большой специалист по русскому авангарду Василий Иванович Ракитин. Без его заключения не обходится ни один аукцион. Когда я только заступил в должность директора, мне удалось связаться с Ракитиным. И Василий Иванович, приехав в Баку, подтвердил подлинность всех наших 40 экспонатов из коллекции русского авангарда. К слову, говоря об авангарде, мы недавно приобрели несколько работ Николая Суетина – художника-супрематиста.

Сапунов: Как формируется экспозиция? Меня всегда интересовало, откуда взялись у нас Левитан, Кандинский, Пукирев, Айвазовский и так далее?

Фарзалиев: Баку был имперским городом, с неисчислимыми нефтяными капиталами, со своей буржуазией. Бакинские богачи скупали искусство и украшали шедеврами свои особняки.

Сапунов: Так это все национализированное?

Фарзалиев: Да. Но не только. Еще очень много в свое время нам передал Эрмитаж.... А когда в 1930-е годы был расформирован Музей современного искусства в Москве, его собрания раскидали по музеям всего Советского Союза.

Сапунов: Я припоминаю вашу коллекцию советского авангардного фарфора.

Фарзалиев: *(горячо)* Конечно! Все это мы выставим! Потому что зарытое золото – это не золото. Так же, сколько б мы ни говорили, что мы – древняя нация с богатой культурой, пока не продемонстрируем – никто не поверит. Поэтому-то мы и провели более 30 экспедиций во все районы республики, в результате чего собрали выставку «Древний Азербайджан» с огромным количеством артефактов самых разных эпох: от неолита до конца XIX века. Это гордость и достояние Азербайджанского народа, ведь эти шедевры создавались в течение многих веков и передавались из поколения поколению.

Сапунов: А что в нынешней экспозиции составляет вашу особенную гордость?

Фарзалиев: Гордости немало. Возьмем к примеру, наше собрание голландской и фламандской живописи XVI-XVII вв., которое является одной из самых значительных коллекций на постсоветском пространстве. Это признали недавно посетившие наш музей представители Фонда Культурных Исследований Королевства Нидерландов, которые ведут учет уникальных образцов произведений искусства Голландии и Фландрии средних веков. Одними из самых ценных произведений являются, несомненно, картина Питера Класа и картина Адриана ван Остаде «Курильщики в пабе». Это классические шедевры XVII века! У нас есть также пейзаж Гаспара Дюге Пуссена – французского живописца 17 века. Горжусь «Женским портретом» Леандро Бассано. А еще у нас есть великолепный портрет императрицы Александры Федоровны работы французского художника Жан-Жозефа Бенжамен-Констана, есть ценнейшие портреты ее сестры. Знали бы вы, сколько предложений к нам поступает о выставках и так далее... А великолепный фарфор из царского сервиза?! Приходите, я вам многое покажу. Но самые ценные экспонаты нашего музея – произведения азербайджанского искусства... Знаете, я не могу без моего музея. Даже когда вечером бываю дома, думаю – поскорей бы на работу. Музей – это сад, который надо постоянно поливать, и за которым нужно трепетно ухаживать.

Сапунов: Мне кажется, что в музее, которому исполняется 80 лет, должен быть уголок, посвященный самому музею. Ведь в музее Искусств когда-то работал будущий легендарный разведчик Мехти Гусейнзаде, в особняке Дебура, куда в 1951 году переехал музей, жил Нариман Нариманов, там располагались «Каспийское Товарищество», «Азербайджанский революционный комитет», Совнарком Азербайджана, а в соседнем здании, условно называем его новым корпусом, была Маринская женская гимназия, я уже не говорю про

«СКОЛЬКО Б МЫ НИ ГОВОРИЛИ, ЧТО МЫ – ДРЕВНЯЯ НАЦИЯ С БОГАТОЙ КУЛЬТУРОЙ, ПОКА НЕ ПРОДЕМОНСТРИРУЕМ – НИКТО НЕ ПОВЕРИТ»

горком партии... Словом, богатая история. Как вы думаете?

Фарзалиев: Я считаю, что это хорошая идея, мы попытаемся ее воплотить. Но пока наша экспозиция временная, мы словно сидим на чемоданах в ожидании окончания ремонта. Вот когда реставрация закончится, тогда и будем решать.

Сапунов: Когда ремонт завершится, как долго будете обу-
страивать свои экспонаты?

Фарзалиев: Вы знаете, когда ремонт закончится, мы ведь давно живем в предвкушении, мы будем себя так подгонять, что у нас и времени поспать, подозреваю, не будет.

Сапунов: Припоминаю, что когда у музея еще не было соединительного корпуса, там был маленький дворик, где стоял памятник Карлу Марксу, перенесенный с проспекта Азадлыг. В связи с этим у меня вопрос: где теперь Карл Маркс?

Фарзалиев: Да, автор памятника Марксу Ибрагим Зейналов

был тогда директором музея и он позаботился о том, чтобы сохранить монумент. Этот монумент является частью коллекции Азербайджанской Государственной Картинной Галереи, нашему музею он был передан на временное хранение, сейчас он вернулся в фонд галереи.

Сапунов: Была когда-то идея сделать парк памятников, снесенных по тем или иным причинам в разных районах города. Как вы относитесь к ней?

Фарзалиев: Вполне положительно. Потому что это прежде всего произведения искусства, а то, кого они изображают – дело вторичное. Мы же сегодня любимся скульптурными портретами римских императоров, не задумываясь о том, какими они были людьми... Не мне принимать решение о создании такого парка, но я бы приветствовал эту затею.

Сапунов: Как вы оцениваете развитие музейного дела в Азербайджане? Сколько открылось музеев за последние, скажем, лет десять?

Фарзалиев: Хорошо. Музеев открывается немало. Это такие музеи, как Музей Современного Искусства, Музей Каменной Летописи, музей Флага, обретший новые масштабы Музей ковра, ставшая очень технически прогрессивной Девичья Башня... И, конечно же, хотелось бы особенно отметить развитие региональных музеев, что очень важно для привлечения туристов. За последние 10 лет, насколько мне известно, я сам довольно часто езжу по различным регионам страны, музеи там очень изменились. Открылось много новых музеев!

Сапунов: Вы наверняка бывали также во многих музеях мира. Что вам хотелось бы воплотить из их устройства у себя – в Музее искусств?

Фарзалиев: Многое... Но! Бюджет Лувра – 35 миллионов евро, только на закупку новых экспонатов они тратят 5 миллионов в год. У нас, как вы понимаете, все намного скромнее,

и этому есть объяснение. Ведущие музеи мира, такие как Метрополитен в Нью-Йорке, Лувр в Париже, или Британский Музей в Лондоне, существуют и обогащаются за счет дотаций со стороны спонсоров. Наш же спонсор – это государство. Государство для нас делает очень много, и спасибо ему за это большое!

Сапунов: Чингиз-муаллим, а чем вы, известный художник, пожертвовали, заняв должность?

Фарзалиев: Да, я не сразу согласился стать директором музея, опасался, что утрачу свободу, мышление художника и так далее, (*с воодушевлением*) а оказалось, что я, напротив, приобрел! Я приобрел масштаб! И эта работа оказалась даже интересней, чем та, которой я занимался раньше. Никакой футболист не играет до конца жизни, все потом переходят на тренерскую или административную работу. Сегодня у меня намного больше возможностей, чтобы развивать наше искусство. Сделать персональную выставку выдающегося художника, отыскать забытый шедевр, показывать по-новому красоту классики – разве это не творчество? И оно доставляет мне огромное удовольствие! Я автор более 45 книг. Например, в прошлом году, по заказу Администрации президента, вышло 36 книг о деятелях азербайджанского изобразительного искусства. Это было такое наслаждение для меня!

Сапунов: Что еще вас сегодня радует?

Фарзалиев: Меня невероятно радует, когда в музеи ходит молодежь, когда в музеи ходят дети. Увиденное в детстве не забывается никогда. И быть сопричастным этому – огромное удовольствие.

Сапунов: Вы совсем ушли из творчества?

Фарзалиев: Когда-то я читал репортаж из Швеции. Там корреспондент спросил у женщины: «Вы работаете?» – «Вы имеете в виду, работаю ли я на государство?» – ответила она. – Неужели вы думаете, что ведение хозяйства, воспитание

детей – недостаточно ответственный и важный труд?» Нет, у меня, разумеется, есть мастерская, каждое воскресенье я пишу там пейзажи, натюрморты... Но и там я продолжаю скучать по музею.

Сапунов: А ведь вы же еще и преподаете... Что главное в обучении новых художников?

Фарзалиев: Говорят, что студент – не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. Я стараюсь дружить со своими студентами. И очень надеюсь, что все они горят, живя искусством.

Сапунов: А работников музея удастся зажечь?

Фарзалиев: Конечно же! Музейные работники – фанаты своего дела!

Сапунов: Я надеюсь, когда музей откроется целиком, увидим там «факельное шествие». И чтоб все, от кого это зависит, сделали для этого все возможное. Насколько большой будет экспозиция?

Фарзалиев: У нас в музее свыше 18 тысяч объектов хранения. И большая их часть составит новую экспозицию, которую будут посещать гости Баку, но особенно наши граждане. У нас ведь как многие считают: «Я уже ходил на эту оперу, я уже видел этот балет, я уже был в этом музее, зачем повторяться?» А ведь исполнение оперы каждый раз бывает иным, каждый раз танец балерины отличается от других... Также и современный музей. Экспозиция меняется, регулярно проводятся различные выставки, различные мероприятия... Это же живой организм! Поэтому в музеи ходить нужно не раз, а постоянно.

2016 год

«Зеленый диван» с Кенаном Мамедовым

2016

КЕНАН МАМЕДОВ – известный кинооператор, автор фильмов, ставших классикой азербайджанского кинематографа – «Гачаг Наби», «Другая жизнь», «Контакт», «Семь дней после убийства», «Тахмина» и других, Заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии, а также единственный в Азербайджане член Европейской Киноакадемии. А еще юбиляр. В этом году Кенану Мамедову исполняется 70 лет.

Сапунов: Начнем разговор, как ни странно, с кино. Какой фильм из свежевиденных вам понравился?

Мамедов: На днях я посмотрел голливудский фильм «Заложник». Сюжет, конечно, тривиальный. Криминальная история: пиф-паф и так далее. Но я еще раз понял, что даже самое обычное кино, в котором снялся замечательный актер, становится произведением искусства. Там в главной роли – Брюс Уиллис. Другая новая для меня картина – «Теория всего» – о всемирно известном физике Стивене Хокинге. Замечательный английский актер Эдди Редмейн не зря получил «Оскар» за главную мужскую роль – он удивителен и по пла-

стике и по актерским своим качествам. Замечательное кино, которое я посмотрел месяц назад и до сих пор о нем думаю.

Сапунов: А что понравилось и запомнилось вам из свежего азербайджанского кино?

Мамедов: *(после долгой паузы)* Мы очень мало сейчас снимаем фильмов... Честно говоря, ничего. Нет фильмов, которые произвели бы на меня неизгладимое впечатление.

Сапунов: Ну хотя бы какое-то впечатление.

Мамедов: Ну тогда фильм, который снял я сам. Это была картина, сделанная в 2013 году с ныне покойным режиссером Фикретом Алиевым – «Последняя остановка». Я думаю, что из всей свежей продукции нашей киностудии это самая искренняя, самая честная, самая достаточно профессионально сделанная картина. Я это говорю без ложной скромности.

Сапунов: О чем фильм?

Мамедов: Это трагикомедия по сценарию Ильгара Фахми о пожилых обитателях дома престарелых. Интересно, что до начала съемок режиссер Фикрет Алиев отправился в настоящий дом престарелых в Бильгя и провел там инкогнито две недели. В фильме снялись Тофик Гусейнов, Горхмаз Алили, Ариф Кулиев и Фуад Поладов... Когда в киноцентре «Низами» была премьера, публика очень бурно реагировала, а не сидела сонная. Это для меня очень важно. Потому что искренняя реакция зрителя – признак того, что фильм трогает душу... Конечно, тот, кто сейчас читает это интервью, скажет: «Вот он хвалит фильм, который сам же снял». Да... На киностудии сейчас снимаются какие-то картины, которые даже ходят по каким-то фестивалям... Да, сейчас у нас пошла этакая фестивальная болезнь. Некоторые говорят: «Мы снимаем фильмы не для массового зрителя, а для элиты. Это элитарное кино! Оно получило приз на фестивале!» Я вам скажу такую вещь: фильм, который состоялся как элемент киноискусства, зритель всегда поймет и оценит. Я вообще не

люблю понятие «элитарное кино». Мне кажется, что его выдумали киноведы. Есть настоящее кино и антикино.

Сапунов: Ваш рецепт – что такое настоящее кино.

Мамедов: Настоящее кино, на мой взгляд, это кино, которое заставляет зрителя думать и сопереживать. Когда экранное действие трогает тебя, когда сердце ёкает – это настоящее кино. А тяготиину, которую выдают за новый взгляд на кинематограф, я не воспринимаю. Я люблю кино вдумчивое и эмоциональное.

Сапунов: Сейчас, увы, я радуюсь порой тому, что вижу на экране не откровенную самодеятельность, радуюсь отдельным нефальшивым эпизодам, отдельным органичным ролям...

Мамедов: *(улыбается)* Сейчас радуешься просто тому, что хоть что-то снимается. Вот до какого состояния мы дошли!

Сапунов: Вы сейчас что-то снимаете?

Мамедов: Сейчас я снимаю докуменальный фильм об азербайджанских оперных примах – сестрах Фидан и Хураман Касимовых. Они великие певицы! Недавно я узнал, что Фидан Касимова вошла в энциклопедию певиц мира. То есть когда где-нибудь в Америке, Англии, Германии, или, допустим, в Польше изучают вокальное искусство, в качестве образцов приводят арии в исполнении нашей соотечественницы. Это величайшее достижение! А с замечательными сестрами Касимовыми я знаком еще с 1994 года, когда в Лондоне снимал Дни культуры Азербайджана. Там я видел, с каким восторгом английская публика воспринимала пение Фидан и Хураман. Так что сейчас я снимаю о них фильм и это доставляет мне больше удовольствия, чем съемки какой-то игровой картины. Хотя я всю жизнь был «игровиком». Лучше снимать интересный документальный фильм, чем игровой, но по бездарному сценарию.

Сапунов: Часто приходилось снимать фильмы по бездарным сценариям?

Мамедов: На заре моей карьеры попадались. Я снимал их просто потому, что очень хотелось снимать кино. Сейчас я на это не пойду ни за какие коврижки. Я давно вышел из того возраста, когда мог позволить себе тратить свое серое вещество на какую-то серую продукцию. Тратить время, тратить нервы... Для меня очень важно, чтобы сценарий меня тронул.

Сапунов: Много предлагают снимать?

Мамедов: Нет... Сейчас вообще период малокартинья. Хотя наши чиновники от кино утверждают, что снимается много фильмов. Я тебе скажу такую вещь. Я 40 лет, после окончания ВГИКа, проработал на нашей киностудии. И для меня азербайджанское кино – это фильмы, которые снимаются на киностудии «Азербайджанфильм» имени Джафара Джаббарлы. Сегодня появилось много всяких «продакшенов», частных студий, на которых, возможно, что-то снимается. Не знаю. Для меня это несерьезно. А на киностудии сейчас снимают мало.

Сапунов: Раньше было больше.

Мамедов: Да, при всей моей нелюбви к Советской власти, тогда было централизованное финансирование кинематографа и мы снимали в год до восьми полнометражных картин. А сейчас в лучшем случае – два-три фильма. Правда, был и другой момент... В советское время на международные фестивали ездили в основном режиссеры с Мосфильма, с Ленфильма, иногда со студии Горького, иногда со студии Довженко. Ну и со студии Грузияфильм. Я убежден, что если бы в то время на фестивали послали б фильмы Расима Оджагова, они привезли б призы с любого фестиваля. Но к сожалению, был иной порядок: те ездили, а мы облизывались. А сейчас на фестиваль поехать проще простого: заходишь на сайт, регистрируешься, посылаешь диск и ждешь подтверждения.

Сапунов: Так мы плавно подошли к европейской теме. Что

«ПРИ ВСЕЙ МОЕЙ НЕЛЮБВИ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ТОГДА БЫЛО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФА И МЫ СНИМАЛИ В ГОД ДО ВОСЬМИ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ КАРТИН. А СЕЙЧАС В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ – ДВА-ТРИ ФИЛЬМА»

такое Европейская киноакадемия и что вы там делаете, как ее действительный член?

Мамедов: Европейская киноакадемия (*European Film Academy, EFA, – В.С.*) была основана Ингмаром Бергманом – великим режиссером и очень умным человеком, который в конце 1980-х годов решил создать киноструктуру, способную противодействовать американскому засилью. Конечно, и в Европе снимают кино американизированное, но в массе своей кино европейское – это кино интел- лектуальное. Оно может быть не таким динамичным, как голливудская продукция, но оно заставляет тебя думать. У истоков киноакадемии стояли также Марчелло Мастоаянни, Софи Лорен, Бернардо Бертолуччи и другие великие люди. В 2009 году мне пришло приглашение и после некоторых переговоров я получил письмо за подписью президента академии – немецкого режиссера

Вима Вендерса – о том, что принят в члены киноакадемии с правом голоса.

Каждый год выдвигается 35-40 фильмов. Раньше приезжала целая коробка с DVD, если хочешь, могу дать посмотреть, а последние два года членам академии просто присылается пароль для онлайн-просмотра. Я отсматриваю это кино и участвую в онлайн-голосовании по 12 номинациям. Нередко мне удается угадать призера. Например, фильм Нури Бильге Джейлана «Зимний сон» мне чрезвычайно понравился, я за него проголосовал, и фильм получил главный приз – «Феликс». Каждый второй год «Феликс» вручается в Берлине, в остальные годы – в какой-нибудь культурной столице Европы. Я был в Таллинне, в Риге, на Мальте... В этом году финальная церемония награждения состоится в польском Вроцлаве.

Сапунов: Есть ли какие-то еще обязанности?

Мамедов: Мне однажды там задали вопрос: «Какой вы видите свою деятельность, как члена европейской Киноакадемии?» Я ответил, что «Азербайджан – маленькая, но динамично развивающаяся страна на Великом Шелковом пути. И моя задача содействовать взаимному кинематографическому обмену и влиянию...» Но о каком нашем влиянии может идти речь? Я смотрю фильмы, которые созданы не в Италии, Франции или в Германии – признанных кинематографических странах, а в Словении, в Хорватии... Какое прекрасное кино! Все на высоком художественном и техническом уровне!

Сапунов: В современном кино – в нашем, в российском, которое тоже отчасти наше, – меня печалит то, что на смену былым корифеям никто не приходит. Нет, скажем, никого, кто заменит Рязанова, Гайдая, Данелия... А кто у нас пришел после Гасана Сеидбейли, Расима Оджагова, Арифа Бабаева?

Мамедов: Из старой плеяды режиссеров остались Эльдар Кулиев, Октай Миркасимов... Таких ярких режиссеров, как они, как ушедшие Расим Оджагов, Шамиль Махмубеков,

Гасан Сеидбейли – корифей! – таких режиссеров нет. Недавно меня пригласили на мероприятие, посвященное 110-летию Хабиба Исмаилова, который вообще-то был чиновником от культуры, и за всю жизнь снял всего два фильма. Но это были два очень хороших фильма – «Мачеха» и «Великая опора». Я никогда не был знаком с Хабибом Исмаиловым, я его даже не видел, он скончался в 1966-м. Но я считаю своим долгом ходить на такие мероприятия. Потому что это история нашего кино. Это всегда возможность пообщаться, посмотреть, что делали наши коллеги... А в зале было человек тридцать... И никого не было из тех молодых режиссеров, которые сегодня якобы снимают элитарное фестивальное кино. Не было их! Хотя никто из них сегодня не может снять фильм на уровне «Мачехи», где поставлены большие нравственные вопросы! Поэтому, к сожалению, ты

«И НИКОГО НЕ БЫЛО ИЗ ТЕХ МОЛОДЫХ РЕЖИССЕРОВ,
КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ ЯКОБЫ СНИМАЮТ ЭЛИТАРНОЕ
ФЕСТИВАЛЬНОЕ КИНО. НЕ БЫЛО ИХ!»

прав. На смену старым мастерам никто не приходит. Я во всяком случае их не вижу.

Сапунов: Опасаюсь, что связь поколений из-за всего этого может прерваться. И если завтра придут новые гении, то они будут начинать с нуля.

Мамедов: Да, такая опасность существует. Дай бог, чтобы сохранился азербайджанский кинематограф вообще. Всё, что у нас было, очень легко потерять. Вот нет кино и всё!

Сапунов: Чему научило вас телевидение? Вы же долго были главным оператором канала ANS.

Мамедов: *(усмехается)* Скажу другое. Моему любимому кинематографу первый нокдаун, если говорить боксерскими терминами, нанесло именно телевидение. Телевидение стало кино подтачивать и уничтожать. Второй этап, второй нокдаун – появление видеотехнологий. И третий – нокаутирующий – удар нанесли технологии цифровые. Я по образованию пленочник, снял кучу фильмов – свыше пятидесяти пяти, из которых 26 – художественные, из которых 24 сняты на пленку. А сейчас пленочный кинематограф в Азербайджане умер. Его нет. У нас осталась только цифра. И все счастливы, кроме меня. Потому что то изображение, которое я получал на пленке, с ее органикой, его ни на какой цифре не получишь. Но самое трагическое не это, а то, что распространение цифровых технологий привело к нивелированию целого ряда профессий и в частности профессии кинооператора. Сегодня молодые люди на местных телеканалах, снимающие ужасные сериалы, берут цифровые камеры, нажимают на кнопку, получают на мониторах некое движущееся изображение и радуются, думая, что сняли кино. Кино – это наука! Это искусство, которому надо учиться, обогащая знаниями дар, полученный сверху. А сегодня... Какой ВГИК? О чем вы говорите? Кому это надо? Врубил камеру, залил всю площадку светом и поехали! Помню, как я на какие-то кадры подолгу выставлял свет. И режиссеры терпели, знали, что это необхо-

димо. В фильме «Тахмина» я при помощи прожекторов создавал эффект торшера, тонкие тени на лицах, на декорациях. А сейчас так залепляют светом, что о каких чувствах и сопереживании может идти речь? Нет той атмосферы, нет той интимности...

Сапунов: Расим Оджагов прежде чем стать режиссером, снял немало фильмов как оператор. Операторами когда-то были такие известные режиссеры, как Петр Тодоровский, Барри Зонненфельд, Ян де Бонт, Клод Лелюш... У вас таких порывов не было?

Мамедов: Лет пятнадцать назад подобные крамольные мысли были. Но сегодня, накануне 70-летия, пожалуй, уже не время говорить о такой смене профессии. Хотя Бунюэль и в 90 лет снимал кино и получал призы на фестивалях. Никогда не забуду, как на Мальте, на церемонии награждения Европейской Киноакадемии Вим Вендерс объявил номинацию «За вклад в мировое киноискусство», потух свет и узкий луч прожектора выхватил человека в большой шляпе, выехавшего на сцену в инвалидной коляске. Это был легендарный Бернардо Бертолуччи! У него тогда были проблемы со здоровьем, но даже в таком состоянии великий Мастер снял новую картину!

Сапунов: Скажите, можете ли вы назвать кого-то из азербайджанских кинематографистов, кто по вашему мнению, внес вклад в мировое киноискусство?

Мамедов: Это очень сложный вопрос. Мне кажется, что нет. При всем уважении к старым мастерам, нет такого режиссера, которого можно было бы назвать явлением европейского или мирового кино. Нет у нас Феллини, нет фон Триера, нет Спилберга... Недавно я пересмотрел «Список Шиндлера». Только один кадр, когда маленькая девочка в красном пальто бежит по гетто, стоит многих фильмов... Нет у нас такого кино.

Сапунов: Пусть будет!

Мамедов: Да, пусть будет! И я бы очень хотел такое кино снять, напиши сценарий (*смеется*).

Сапунов: Поговорим о юбилее? Скажите, в каком возрасте правильно подводить некие итоги, безусловно, промежуточные?

Мамедов: Самое поразительное то, что мироощущение стареет намного позже, чем физическая сторона. Я сейчас, в возрасте 70 лет, чувствую себя молодым, у меня нет эдакого синдрома старости. Наверно, потому, что я сейчас ничем таким активно пока не болею... А по итогам... Ну давай подведем мои итоги. Я сейчас снимаю этот документальный фильм и доволен. Я не знаю, сниму ли я еще игровой фильм, если будет интересный сценарий, наверно, сниму. Я счастливый человек. У меня хорошая семья, у меня хорошие дети, ты их знаешь. Самое главное, что всю жизнь я занимался любимым делом. Выбор профессии – это главное! Я вовремя ушел из Политехнического института и уехал в Москву, во ВГИК. Я тебе так скажу: когда я сижу за камерой и снимаю что-то, я испытываю невыразимые чувства! Наслаждение, эйфорию, катарсис – назови как хочешь. Смотреть через рамку камеры и вычленять из происходящего перед тобой то, что кажется самым интересным, представлять это зрителю – счастье для меня. Часто спрашивают у меня: «А если бы выпало еще раз прожить эту жизнь?..» Да не хочу я!.. Я свою жизнь прожил достойно.

2016 год

«Зеленый диван» с Фуадом Ахундовым

2016

Историк, краевед и лучший гид по азербайджанской столице Фуад Ахундов с некоторых пор обзавелся канадским паспортом, однако это не мешает ему ежегодно проводить многие месяцы на родине, продолжать свои исследования, читать лекции, водить экскурсии и рассказывать всем желающим о том, что он любит больше всего, – о Баку.

Сапунов: Когда приглашаешь гостей сюда, на Виллу Петролеа, порой приходится подробно объяснять, как и куда проехать. Были случаи, когда люди ехали, по ошибке, на Баилово. И вот теперь у нас в гостях человек, который не только знает, где находится нобелевский дом, но и может о нем говорить много и подробно.

Ахундов: Очень жаль, что баиловскую «Виллу Петролеа» снесли. Это был классический бакинский конструктивизм работы братьев Весниных. Веснины – это целая эпоха в истории советской архитектуры, и придет время, когда мы будем гордиться их произведениями, так же, как гордимся сегодня работами Гославского или Захи Хадид. К счастью, в селении

Сураханы сохранился Дом культуры работы тех же братьев Весниных, надеюсь, что его обойдёт стороной печальная участь баиловского Дома культуры. А настоящая Вилла Петролеа, конечно, здесь. Сейчас, в последние жаркие дни, вспоминается, что именно здесь была сооружена первая в Баку, а может и во всём регионе, система охлаждения воздуха, то бишь кондиционеры! Специальные компрессоры понижали температуру в помещениях до 68 °F (20-25 °C), чтобы иностранцам не было удушливо жарко. Так, один из инженеров Нобелевского Товарищества Густав Торренвод, описавший эту установку, в 1882 году писал родным в Швецию: «...Весь пригород, когда будет построен, обойдется, как минимум, в миллион рублей. Что ты скажешь на это? Не выглядит ли это как сказка из «1001 ночи»? Однако это правда, свидетельствующая о том, что Людвиг Нобель не пожалел ни денег, ни усилий для того, чтобы сделать Баку максимально приятным местом для нас, северян».

Сапунов: Баку в те времена развивался весьма стремительно, во многом был передовым. Наверно, то, что Нобелевская премия обрела корни именно в наших краях, неспроста. Я имею в виду, что дело не только в заработках Нобелей.

Ахундов: Исследователь деятельности Нобелей в Баку Мир-Юсиф Мир-Бабаев отмечает, что концепция Нобелевской премии задолго до Альфреда Нобеля была впервые применена в Баку, в 1880-е годы, его старшим братом Людвигом и племянником Эммануэлем. Так, в рамках Бакинского отделения Русского Императорского технического общества Людвиг и Эммануил Нобели основали премии своего имени для поощрения инженеров и техников за то, что сейчас называется рацпредложениями.

Я очень рад, что рубрика «Зеленый диван» проходит именно здесь – в реконструированной, практически с нуля возрождённой Вилле Петролеа. Восстанавливать, знаете ли, можно по-разному. Низкий поклон Тогрулу Багирову, который смог сделать это со вкусом и, как мне кажется, сохранив нобелев-

ский дух посреди весьма пыльного сейчас царства возводимого вокруг Белого города. Отрадно, что даже в столь бурно меняющемся окружении ещё удаётся сохранить этот уютный островок нобелевской культуры.

Сапунов: Мне довелось встречаться здесь с Филиппом Нобелем и другими наследниками знаменитого рода.

Ахундов: А мне довелось побывать в доме, где мы находимся сейчас, с целой делегацией Нобелевского семейства в 2002 году, когда Вилла Петролеа была ещё совершенно заброшена. И одна дама пыталась втихую выломать кусок перил – на память, как артефакт, словно камень из Берлинской стены. Я думаю, что сегодня это место поможет новому району Баку – Белому городу – обрести хорошую историческую «подкладку». Впрочем нельзя заикливаться только на истории. Нужно, отталкиваясь от нее, сохранять стиль, сохранять дух, почерк...

Поначалу я был против идеи строительства здесь каких-то ультрасовременных домов, но сейчас я думаю, что просто нужно создать некую общую концепцию, которая соединит в себе и дома в парижском османовском стиле (назван по имени мэра Парижа второй половины XIX века Жоржа Эжена Османа), и то, что осталось от Нобелевского парка и сможет смело смотреть в будущее, не боясь новшеств. Нобели смотрели на все глазами северян и строили все под себя. Мне кажется, что уже настал момент, когда нам надлежит формировать этот город под себя, делая его удобным прежде всего для тех, кто в нем живет, а не для тех, кто сюда приезжает.

Сапунов: Не могу с радостью не заметить, что с тех пор, как вы уехали в Канаду, мы стали чаще видеться.

Ахундов: Полностью разделяю Вашу радость (*улыбается*).

Сапунов: Порой показывая Баку приезжим друзьям, я рассказываю, к примеру, «вот Исмаилийе, вот здание Монолита, вот парные крепостные ворота, а вот знаменитый Фуад Ахун-

дов ведет свой тур по нашей столице...» Ваши экскурсии действительно очень популярны.

Ахундов: Тем и живем, во всех смыслах (*улыбается*). Но часто туры захватывают до такой степени, что я начинаю понимать, что мне нужен какой-то тайм-аут, чтобы заняться новыми исследованиями. Ведь я не могу пережевывать одно и то же, потому что это становится контрпродуктивно. К счастью, мои замечательные помощницы Лала Гусейнова и Солмаз Сулейманлы помогли мне найти новый формат, который мне очень помогает, – формат презентаций, лекций. Зачастую обнаруживаются новые темы, интересующие аудиторию, и мне для подготовки приходится проводить исследования – например, «Медицинский Баку» или «Баку глазами школьников». А «Баку в поэзии Есенина, Маяковского и Городницкого»? Гениальная тема! Есенина мы знаем. У Маяковского одно, но великолепное стихотворение и потрясающие очерки типа «Рожденные столицы» или «Америка в Баку»! А у Городницкого целая «Бакинская тетрадь». А еще есть потрясающее лирическое произведение «Назначь мне свиданье» Марины Петровых. Анна Ахматова считала это стихотворение лучшим лирическим посвящением Серебряного века. Там не упоминается слово Баку, но город, рельеф, география – очень бакинские!.. Город жив до тех пор, пока он может вдохновлять поэтов.

Сапунов: А что такое «Канада Фуада Ахундова»?

Ахундов: Видите ли, если русскоговорящая община называет Канаду «трудовым лагерем с усиленным питанием», то для меня за последние 6-7 лет Канада стала местом отдыха с умеренно-разумным питанием и здоровым образом жизни. Вместе с тем для меня это место полного умственного анабиоза. У меня там отключаются мозги: им там незачем работать!.. Недавно я поймал себя на мысли о том, что за без малого 10 лет пребывания в Канаде я не приобрел ни одного друга-канадца. И это при том, что там я имею довольно об-

«Зачастую обнаруживаются новые темы, интересующие аудиторию, и мне для подготовки приходится проводить исследования – например, «Медицинский Баку» или «Баку глазами школьников».»

ширный круг общения, но он на 90% состоит из азербайджанцев, на 95% – из бакинцев и на 100% – из выходцев из бывшего Советского Союза. Конечно, кто-то из иммигрантов интегрируется более успешно, но знаете, идеология самой Канады, как страны иммигрантов, не направлена на форсированную ассимиляцию. Это происходит со следующим поколением – с детьми. Вот мой сын, к примеру, практически стал продуктом канадского общества.

Сапунов: А как пережила переезд супруга?

Ахундов: С ней произошла интересная метафорфоза. Если она ехала в Канаду, покоряясь «злomu року судьбы» в моем лице, то теперь, скажи я что-то против Канады, жена встает всей грудью далеко не первого номера (*улыбается*) на ее защиту: «Это не проблема Канады, это твоя проблема, что ты

не нашел себя в Канаде!» И она абсолютно права. Это проблема моего нежелания найти себя в Канаде, хотя для иммигрантов Канада очень толерантна и удобна. Я уважаю эту страну и чту ее законодательство. Я рад, что наконец приобрел канадское гражданство, но реальным канадцем, наверно, станет лишь мой сын. Я не смог изменить себя и уже не хочу этого делать.

Сапунов: За что вы благодарны Канаде?

Ахундов: В первую очередь за то, что она помогла мне переосмыслить и оценить то, что я имею здесь, в Азербайджане – капитал человеческих отношений, который фактически собирался всю жизнь.

Сапунов: Чем вы там занимаетесь?

Ахундов: Последние 3-4 года почти ничем. Делаю переводы, которые присылают отсюда. В охрану я, однозначно, больше не пойду, да и в пекарню не тянет. Мне это неинтересно. Это просто пустая трата времени. Формула счастья у меня здесь – занимаюсь любимым делом и получаю за это деньги. И единственное, чего я реально боюсь в свои 48 лет, – это оказаться перед необходимостью искать работу в Канаде.

Сапунов: Что вы приобрели в Канаде, чем можете похвалиться?

Ахундов: Моя гордость – безупречная кредитная история (*улыбается*). Это нечто наподобие репутации. Я никому ни копейки не должен! Кредитное целомудрие я берегу, словно правильную ориентацию! Не хочу иметь никаких долгов, а Канада прогибает именно долгами, оплетает соблазнительными кредитами, словно лилипуты Гулливера своими ниточками, да так, что он не мог пошевеливаться. И так жизнь превращается в перманентную отработку долгов.

Сапунов: Что касается эмигрантов... Нередко они критикуют нас – страну, людей, оставшихся здесь... Признаться, если они даже зачастую в чем-то и бывают правы, это все-таки раздра-

жает. Как вы считаете, где этическая граница такой критики?

Ахундов: Я сам прошел через подобное. На момент моего отъезда отношение ко всему происходящему здесь было более чем критическим. Но потом я понял, что после отъезда я более не имею морального права критиковать то, что происходит здесь, потому что своим отъездом я уже заявил свою позицию.

Но потом здесь ситуация начала меняться, и я начал обнаруживать какую-то логику в происходящем, в архитектурных изменениях и так далее. Я понял, что это может мне нравиться или не нравиться, но у всего происходящего здесь есть своя внутренняя закономерность. Но кардинально мое отношение к заданному вами вопросу изменилось, когда я понял, что страну происхождения и страну проживания можно противопоставлять и тогда кто-то обязательно будет в выигрыше, а кто-то в проигрыше. А можно обе страны объединить, и тогда они вдруг начинают потрясающе друг друга дополнять. И вот тогда у меня все автоматически стало на свои места. В Баку мы пока не можем позволить какие-то моменты, которые есть в Канаде, как, например, экологически чистая среда или возможность кататься на велосипеде и т.д. Но лично для меня намного больше позитивных моментов в Баку, которые я никогда не буду иметь в Канаде.

Я абсолютно не разделяю позицию тех людей, которые, уехав отсюда, начинают критиковать все, что здесь происходит. Если есть возможность привнести в это общество что-то позитивное, что есть в той же Канаде или США, конечно, не слепым копи-пейстом, а с учетом специфики, то это могло бы стать некой патриотической миссией. Но я не любитель патриотической риторики. Мне просто кажется, чем больше людей будет объединять эти миры, тем быстрее многое наладится и здесь. Но этот процесс не стоит форсировать. Самые надежные перемены в обществе достигаются не революционным, а эволюционным путём. И происходят они в первую очередь в ментальности.

Сапунов: Ваша телепрограмма «Бакинские тайны» уже не выходит. Есть ли шанс, что она когда-нибудь возродится на экране?

Ахундов: От «Бакинских тайн» пока остались только режиссер Мирсадыг Агазаде и я. Это как два колеса у автомобиля. Нужны еще, как минимум, два – продюсер и спонсор. Я не склонен окончательно хоронить идею «Бакинских тайн», но проект должен хотя бы окупать себя. Есть какие-то идеи, которые очень хотелось бы реализовать. Например, в этом году исполняется 100 лет со дня гибели первого азербайджанского авиатора – Фаррух-ага Гаибова, героя Первой Мировой войны. Он был яркой личностью с очень интересной историей. Экипаж, в котором был Фаррух-ага, был сбит немцами. И немцы же похоронили его с воинскими почестями. Памятник Ф.Гаирову и всему экипажу находится сейчас в Ошмянском районе Беларуси.

Сапунов: Я потихоньку собираю книги о Баку – старые, новые, разные. И все отчетливей понимаю, какой книги не хватает в коллекции. Вашей. Когда же?

Ахундов: Эта идея вызревает давно и я надеюсь, что я ее реализую. Я всегда видел свою книгу, как суммарный продукт различных публикаций. Может быть, в какой-то момент и понадобится тайм-аут в Канаде, чтобы сесть за работу. Главный принцип таков: если писать книгу, то это надо делать хорошо и в плане контента, и в плане изобразительном, и в плане полиграфии. Ведь это то, что делается раз в жизни.

Сапунов: Ну почему же раз в жизни? Тем много, материалов много — хватит не на одну книгу.

Ахундов: *(улыбается)* Ну посмотрим. Надо с чего-то начать. Книга могла бы вобрать самую разную тематику, посвященную Баку.

Сапунов: Какие исторические загадки Баку представляются вам наиболее интригующими? К примеру, у вас есть своя версия тайны Девичьей башни?

Ахундов: Что касается Девичьей башни, то я остерегаюсь мест, где много почвы для спекуляций. Очень часто в своих турах я обхожу Девичью башню стороной, хотя вполне осознаю ее историческую значимость. Просто я не имею фактологического материала, а вынужден рассказывать отдельные версии со ссылками на источники. А вот минарет Сыныг-гала, где в орнамент вписана дата постройки, конкретен, и тем он мне и нравится! Его я не пропускаю никогда, потому что, помимо глубочайшей древности и фаллически выразительного облика, за ним раскрывается очень драматичный эпизод нашей истории — первое взятие Баку войсками Петра I в 1773 году. Для меня интереснее маленькие артефакты — элемент декора, надпись... Если мне удастся найти ключик к маленькой тайне, это, простите, такой психологический оргазм! Ведь из этих крошечных тайн складывается мозаика Баку!.. Напри-

«Я ОСТЕРЕГАЮСЬ МЕСТ, ГДЕ МНОГО ПОЧВЫ ДЛЯ СПЕКУЛЯЦИЙ.
ОЧЕНЬ ЧАСТО В СВОИХ ТУРАХ Я ОБХОЖУ ДЕВИЧЬЮ
БАШНЮ СТОРОНОЙ, ХОТЯ ВПОЛНЕ ОСОЗНАЮ
ЕЕ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЗНАЧИМОСТЬ»

мер, в последнее время меня очень увлекли виды Баку, снятые с высоты, когда в Баку функционировала Школа морской авиации.

Сапунов: Это примерно, 1915 год? А ведь еще были снимки, сделанные пилотами Люфтваффе в годы Великой Отечественной.

Ахундов: Да, так получилось, что две мировые войны, не дойдя, к счастью, до Баку, оставили наследие в этих аэрофотоснимках (*показывает снимки*). Немецкие самолеты не могли опуститься ниже 6500 метров, потому что их сразу же перехватывала советская истребительная авиация. Люфтваффе и так потерял над Каспием пять самолетов-разведчиков. Кстати, самолеты базировались в Донецке, но долетали от Астрахани и до Решта. Основным же объектом внимания неизменно оставался Баку.

Сапунов: (*разглядывая фотографии*) А база Школы морской авиации находилась прямо на бульваре... Напротив нынешнего Four Seasons...

Ахундов: Да, потому что дальше шли коммерческие пристани. Школа была основана в Баку, потому что был нужен порт с незамерзающей водой и с необходимыми условиями. Видный деятель городской управы Мамед-Гасан Гаджинский возводит 7 ангаров с брезентовым покрытием в рекордные сроки, и в ноябре 1915 года происходит открытие уникального для всей Империи учебного заведения – Бакинская Офицерская школа морской авиации (БОШМА), которое просуществует до 1918 года. Кстати, офицеры-авиаторы сохранили верность царю даже тогда, когда в Баку пришла к власти печально известная Бакинская коммуна. В трагические мартовские дни 1918 года персонал школы наотрез отказался участвовать в учинённой Шаумяном резне.

Сапунов: Как выразительно тогда доминировал над городом Александро-Невский собор!

Ахундов: Кстати, рядом с ним находился и Александро-Невский базар, который бакинцы впоследствии назвали «Пассаж». Недавно я был совершенно удивлен тем, что базар восстановлен как совокупность самых разных объектов: там есть и ресторан, и чайная, и места для проведения мероприятий, и помещения для бутиков. При этом в процессе восстановления были сохранены старые балки, мозаичные полы, базарная атрибутика советских времен и другие артефакты. Там даже планируют открыть отдельную комнату, посвященную императору Александру III, который в 1888 году закладывал собор! Бывший «Пассаж» мог бы стать традиционным местом сбора для людей, кому дорог этот город. Очень рекомендую посетить!

Сапунов: Александр III, кажется, был единственным русским царем, посетившим Баку?

Ахундов: Да... Александр III – это по-своему очень неординарная личность. Он не был реформатором, но он лучше многих других соответствовал образу такого царя-батюшки: могучий, не вписывающийся в традиционные шаблоны, уверенный в своей силе, и не кичащийся ей. Кстати, когда он возвращался из Баку, под Харьковом поезд сошел с рельсов и царь, как атлант, удерживал вагон на плечах, чтобы спасти семью... Посмотрите, как от «Пассажа», его первоначального названия «Александро-Невские ряды», мы переходим к Александро-Невскому собору, от него – к Государю императору, от царя – к историческому контексту не воюющей, а строящейся империи, а от контекста – к одному из наиболее бурно растущих индустриальных центров страны – Баку. Вот какой круг, как все замыкается! У меня в этой связи даже возникла новая тема для исторической презентации – «Собор, базар и Государь». Дебют этой лекции в ближайшее время планируется в возрожденном Пассаже. Реставрация Пассажа, по моему глубокому убеждению, должна дать старт очень назревшей в сегодняшнем Баку тенденции возрождения исторических мест этого города в их первоначальной функции, но уже на каче-

ственно новом, современном уровне. На очереди – знаменитая баня «Фантазия». Очень надеюсь, что табличка Министерства Культуры, фиксирующая здание как исторический памятник, уберёжёт это замечательное сооружение и позволит ему вписаться перестраиваемую округу своей изначальной функцией хамама – одного из любимых на Востоке мест общения. Если раскрыть глаза пошире и взглянуть на город в более обширном историческом контексте, то мы увидим Баку не с какой-то узенькой улочки, а с того же ракурса, с которого некогда снимали этот город курсанты Бакинской Офицерской школы морской авиации – с высоты! На одном из этих снимков во всей своей красе раскрывается город периода 1916-1918 годов – город Али и Нино, вобравший в себя Восток и Запад, объединив их узами Любви. Именно этот контекст позволяет раскрывать новые стороны нашей истории, нашей культуры, нашей ментальности. И в таком ракурсе мы мне еще больше нравимся! *(Улыбается)*

2016 год

«Зеленый диван» с Раином Султановым

2016

ИЗВЕСТНЫЙ САКСОФОНИСТ, ДЖАЗМЕН И АРТ-ДИРЕКТОР ВАКУ JAZZ FESTIVAL РАИН СУЛТАНОВ ПРИШЕЛ К НАМ В ГОСТИ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ОЧЕРЕДНОГО ФЕСТИВАЛЯ. ПОЭТОМУ БЕСЕДА ВЕЛАСЬ «ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ» ДЖАЗОВОГО ПРАЗДНИКА. И НЕ ТОЛЬКО.

Сапунов: Для меня этот фестиваль стал большим открытием и в некоторой степени испытанием. Наверно, впервые в жизни я попробовал посещать по два-три концерта в день... А что, Раин, запомнилось тебе?

Султанов: Безусловно, на фестивале было много замечательных музыкантов, но я, увы, смог послушать не всех. Невозможно, знаешь, одновременно решать и организационные вопросы, и слушать музыку (*улыбается*). Вот например... С моим вкусом, возможно, не все согласятся... Габриэль Гросси, открывший фестиваль первым концертом, очень интересный музыкант из Бразилии, исполнявший джаз на губной гармонике, запомнился особенно. Не могу не упомянуть моего друга Гжеха Пиотровского – очень яркий исполнитель... Ну и Линли Март – один из сильнейших басистов, с ним мне довелось выступить. С ним и с Джерри Леонидом – пианистом высокого уровня...

Сапунов: Линли и Джерри – оба с Маврикия, эта африканская энергетика передавалась залу... Скажи, а в череде прошлых фестивалей есть в памяти какой-то самый-самый?

Султанов: Навскидку... В 2006 году к нам приезжал удивительный Херби Хэнкок: гулял по городу, его принял президент страны. Тогда же приезжал легендарный Эл Джерро. Было круто. Однако по идее ничего подобного прошедшему фестивалю не было.

Сапунов: Да, вы постепенно обогащаете концепцию.

Султанов: Я очень много езжу, часто бываю на фестивалях, смотрю, какие новшества бывают... После этого стараюсь делать наш фестиваль многообразнее. Так, теперь в программе фестиваля у нас была и выставка живописи (Jazz Colors художника Вугара Али), фотовыставка (работы Аркадия Митника), и винодегустация, и чайные столы... Раньше ничего подобного не было.

Сапунов: Была только музыка?

Султанов: Была музыка, концерты на 5-6 площадках, ряд мастер-классов, был конкурс молодых исполнителей, и, конечно, были ночные джем-сейшны.

Сапунов: Какой отклик по нынешнему фестивалю?

Султанов: Резонанс вполне хороший. Мне до сих пор звонят, благодарят, в основном из посольств. Другие посольства тоже хотя подключиться. Например, в будущем хотят участвовать португальцы.

Сапунов: И это при том, что мировых звезд не было.

Султанов: Да, победителей Грэмми в этом году не было... Но я придерживаюсь мысли, что всегда надо открывать нечто новое. Есть очень много интересных музыкантов, одаренных от Бога, которые, может быть, не так знамениты, но зато играют великолепно!

Сапунов: Было много прекрасных джазменов из Европы.

Султанов: Да, я сам очень тяготею к европейскому джазу. Мне импонирует европейская музыка. Она может быть порой меланхолична, но меня она трогает за живое. Особенно норвежцы, шведы, немцы. Ты сам слушал Себастьяна Студницкого, общался с ним. Он отличный музыкант, имеет ряд своих проектов и еще играет с Нильсом Ландгреном в бэнде... Там и «дудки» есть, и...

Сапунов: Прости, «дудки» это что?

Султанов: Мы так называем духовые инструменты (*улыбается*).

Сапунов: Я думал, это обидно.

Султанов: Слово «дудки» вполне приемлемо в профессиональной среде, когда говорится не о солисте, а о коллективе, его составляющих... В свое время, когда я работал с Поладом Бюльбюль оглы, у нас в бэнде было три «дудки»: тенор-саксофон, альт-саксофон и труба. Это такое устойчивое в мировой практике сочетание духовых инструментов, они очень хорошо дополняют друг друга. Иногда четвертым подключается тромбон. Звучит очень хорошо.

Сапунов: А басы не подключаются?

Султанов: Это только в оркестрах или в некоей экспериментальной музыке. Например, у великого экспериментатора Херби Хэнкока есть альбом, где он использует бас-саксофон с пикколо-флейтой! Они играют в унисон и звучат просто потрясающе!

Сапунов: Я когда-то наивно полагал, что бас всегда звучит фоном. А потом узнал Маркуса Миллера, познакомился с Линли Мартом...

Султанов: Бас уже давно не считается исключительно аккомпанирующим инструментом... Особенно любят экспериментировать немцы... Возьмут тубу с каким-нибудь аккордеоном и пошло-поехало (*улыбается*). Я был на таких фестивалях. Люди постоянно ищут. И это хорошо.

Сапунов: Ты ведь тоже ищешь. Тому пример ваш концерт с Исфаром Сарабским в Кирхе, где ты играл на сопрано-саксофоне, а Исфар умудрялся играть одновременно на органе и рояле.

Султанов: Однажды в консерватории я играл одно классическое произведение на саксофоне в сопровождении органа. Но то, что сделали мы с Исфаром, думаю, намного интереснее и свежее, потому что наша музыка главным образом строится на импровизации.

Сапунов: То есть то, что мы слышали в Кирхе, нигде и никогда не повторится?

Султанов: Темы конечно же повторятся, но уже, конечно, иначе. Она не записывается... В принципе, великие композиторы, такие как Моцарт, Бах, Бетховен, тоже импровизировали, сочиняя музыку. Просто они свои импровизации, свои вариации запоминали и записывали. Я этого не делаю, я просто сочиняю темы. В этом-то и есть принцип джаза. Впрочем о принципах джаза можно долго говорить... Классики обычно играют точь-в-точь. А мне с детства не нравилось играть по написанному: «Здесь играй пиано, здесь – форте, а здесь возьми воздух!» А если я не хочу здесь брать воздух, может я дотяну до... Понимаешь?

Сапунов: Джаз – музыка вольномыслия, наверно, поэтому-то на нее и были когда-то гонения...

Султанов: Когда-то это была музыка американских плантаций, где несчастными рабами рождались спиричуэлсы... Интересно, в 2010 году мы отдохали в грузинской провинции, у озера. Я увидел, как в саду трудилась женщина. И напевала при этом грузинские мелодии, фактически она импровизировала... Я вспомнил историю джаза и понял, что так когда-то он и зародился...

Спиричуэлсы потом перешли в диксиленды... Африканские интонации мешались с европейскими, все время добавлялось

что-то новое, джаз постоянно менялся, постоянно эволюционировал.... А сейчас джаз вообще перерос во что-то новое. Я поэтому давно не говорю, что играю джаз. Это просто музыка, настроение, просто импровизация... В этом супе чего только нет. И пусть. Лишь бы было вкусно, лишь бы не переборщить со специями (*улыбается*).

Сапунов: Сколько лет ты уже с джаз-фестивалем?

Султанов: До 2002 года я был в оргкомитете Caspian Jazz and Blues Festival. А в 2005 году я стал учредителем Baku Jazz Festival, стал директором джаз-центра, я и мой коллектив начали проводить там концерты, стали выпускать журнал Jazz Dunyasi... Но джаз-центр – это уже другая тема. Мною была составлена программа работы, я старался архивировать все проходящие в центре концерты. Порой мне это удавалось, и у меня собралась очень большая коллекция невыпущенной музыки.

Сапунов: А ведь ты помнишь и радостные джазовые времена. Ты же когда-то работал с самим Рашидом Бейбутовым!

Султанов: Да, мне посчастливилось полтора года поработать у Рашида Меджидовича. Он был действительно Народным артистом, очень культурным, он любил, ценил и понимал музыкантов. Это отличало его как личность... А началось все еще раньше... Я тогда был совсем молодой. После армии я два года поработал с Поладом и Сиявушем Керими в «Ашугах»...

Сапунов: Все молодые, без должностей...

Султанов: Мы много ездили по СССР, давали порой по 20 концертов в месяц. И я однажды выступил на каком-то фестивале, вроде «Бакинской осени», и Рашид Меджидович меня услышал и пригласил к себе в Театр. А после его ухода я в Театре Песни пробыл недолго — сменилось руководство, было много административных нюансов.

Позже я пришел в оркестр «Гая»... Франция, Москва, записи,

«Сейчас джаз вообще перерос во что-то новое. Я поэтому давно не говорю, что играю джаз. Это просто музыка, настроение, просто импровизация... В этом супе чего только нет. И пусть»

гастроли... Хорошие годы были. Тяжелые, но хорошие. Оркестр был организован правильно, работа велась грамотная... Далеко мы ушли, да?

Сапунов: Отнюдь! Ты автор нескольких книг о джазе. Когда, на твой взгляд, в Азербайджане была золотая эпоха джаза?

Султанов: Вероятно, 1970-е, когда работали Вагиф Мустафазаде, Рафик Бабаев, «Гая»... Конечно, и в 1940-е годы в Азербайджане были прекрасные музыканты. Оркестр Тофика Кулиева ездил на фронт – подбадривать солдат. Но именно в 70-х Баку прославился на весь Союз как джазовый город – благодаря Вагифу и Рафику и т.д. Сильные, яркие личности всегда делают репутацию городу.

Сапунов: Ты как-то обмолвился, что Баку уже не джазовый город... Но ведь есть же хорошие музыканты.

Султанов: Да, есть. Один, два, может быть, три... Но сейчас время другое. Казалось бы, возможностей больше, красоты, вроде бы, больше, а люди не могут воспользоваться этим.

Сапунов: Могут ли или должны ли джазмены воспитывать публику?

Султанов: Джазмены не могут воспитывать публику, потому что вся информация идет по телевидению. В этом наша самая большая проблема. На телеэкран выносятся всё самое непрофессиональное... Можно очень много об этом сказать, я не хочу поднимать сейчас эту тему, она слишком болезненная.

Народ не может каждый вечер сидеть в джаз-клубе. Люди каждый вечер сидят перед телевизором. И что показывается по телевидению – это и воспитывает народ.

Поэтому-то у нас и нет большой джазовой публики. И во время фестиваля одни и те же люди перемещались между мероприятиями. Среди них было немало сотрудников посольств, были молодые музыканты, были представители среднего поколения, преданные джазу. Но хотелось бы видеть новые лица, больше молодежи.

Сапунов: А вот на твой концерт с Исфаром народ просто валом валил. Я впервые видел, чтобы публика так напористо ломилась в Кирху. То есть еще не так все плохо... Может, стоит делать время от времени хороший сборный концерт азербайджанского джаза?

Султанов: *(тяжело вздыхает)* Я не знаю, почему народ так стремился именно на этот концерт. Не знаю, в чем конкретная причина. Ведь кроме нашего с Исфаром концерта были прекрасные выступления: Торда Густавсена, Себастьяна Студницкого и многих других... Возможно потому, что наша публика не очень хорошо знакома с европейским джазом, немножко ленива, чтобы просмотреть на сайте, кто приезжает, послушать предварительно музыку этого коллектива.

Сапунов: Джаз-центра сейчас не существует?

Султанов: Нет. У нас давно нет полноценного центра джаза, который сегодня занимался бы вопросами обучения молодежи, архивацией, где звучала бы действительно правильная джазовая музыка.

Сапунов: Выходит, что между фестивалями у нас нет джазовых мероприятий?

Султанов: Иногда проходят концерты, по инициативе посольств или каких-то частных компаний.

Сапунов: Очень хочу, чтобы Гжех Пиотровский к нам приехал со своим World Orchestra. Он рассказывал, как они проводили концерт в кратере вулкана, на острове. А ты мне говорил об их фестивале в польской провинции – в лесу... Словом, крутые они выбирают места, уникальные... У нас тоже может получиться – красиво, масштабно, колоритно. Может, на зрелищность наша публика клонет?

Султанов: Да, от того фестиваля в Польше, который прошел в июле этого года, у меня остались самые лучшие впечатления. Это было волшебно – в лесу, у старой мельницы. Наша публика пока еще не готова поехать в деревню слушать джаз. Хотя, почему бы нет. В будущем можно расширить границы фестиваля и проводить его также в регионах.

Сапунов: Было бы замечательно, если б Баку вернул себе титул джазовой столицы.

Султанов: Скажу так, часто мы чересчур самокритичны. Например, любим обсуждать, что не так, почему не было того, и что можно сделать еще лучше. С одной стороны критика хороша для развития, с другой она вселяет в нас комплексы. Мы не оцениваем того, что у нас есть, то что смогли создать. Грузия ставит в пример наш фестиваль, наш джаз-журнал. Им интересно, как мы смогли 12 лет выпускать некоммерческое издание, вывозить его на выставки в Европу. Вот, например, гости нашего фестиваля, музыканты уезжали в полном восторге и от уровня фестиваля, от программы и от красоты го-

рода, от теплого приема. Практически все хотят еще раз побывать в Баку именно на джаз-фестивале. Это были яркие дни для них, динамичные, незабываемые. Литовцы, москвичи, норвежцы, французы, японцы и другие пишут на своих страницах в соцсетях об Азербайджане. Не это ли есть развитие туризма, демонстрация нашей культуры? Будем оптимистами. После фестиваля многие мне звонили: «Хотим прийти». Я понимаю, люди все занятые, никуда не успевают. Я сам далеко не везде поспеваю, куда приглашают...

Сапунов: Да, музыка была хороша, но больше меня «зацепила» атмосфера, возможность пообщаться с музыкантами из разных стран.

Султанов: В том-то и суть фестиваля. Мы стараемся, чтобы все желающие могли пообщаться... Поэтому начинающим музыкантам раздали пропуски на все концерты. Когда приезжал ныне, к сожалению, покойный Джо Завинул, было замечательно, что музыканты могли поговорить, поиграть, в конце концов, выпить с ним. Завинул был в музее Вагифа, он гонял футбол с мальчишками в крепости...

Например, мои дети начали слушать джаз. Естественно, они выросли на джазовой музыке, но самостоятельно выбор стали делать только сейчас. Сын Мурад работал волонтером на фестивале, стал больше интересоваться направлениями, искать что-то свое. 9-летняя Медина выступила на моем концерте с хором, снова захотела учиться играть на саксофоне. Все начинается с детей, с молодежи.

В этом году на молодежном конкурсе мы открыли целый ряд новых имен, талантливых ребят, которые скоро проявят себя. Вот это и есть начало нового пути и новой истории.

2016 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

с... Дадашем Мамедовым

Мы часто посещали яркие выставки, увлекательные воркшопы, шумные пленэры, проводившиеся Дадашем Мамедовым и его организацией ARTS COUNCIL AZERBAIJAN. Настала пора пригласить Дадаша с ответным визитом на наши страницы и разобратся, что к чему.

Текст: Вячеслав Салунов | Фото: Масуд Аллахвердиев

«Зеленый диван» с Дадашем Мамедовым

2017

МЫ ЧАСТО ПОСЕЩАЛИ ЯРКИЕ ВЫСТАВКИ, УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ВОРКШОПЫ, ШУМНЫЕ ПЛЕНЭРЫ, ПРОВОДИВШИЕСЯ ДАДАШЕМ МАМЕДОВЫМ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЕЙ ARTS COUNCIL AZERBAIJAN. НАСТАЛА ПОРА ПРИГЛАСИТЬ ДАДАША С ОТВЕТНЫМ ВИЗИТОМ НА НАШИ СТРАНИЦЫ И РАЗОБРАТЬСЯ, ЧТО К ЧЕМУ.

Сапунов: Дадаш, ты коллекционируешь предметы изобразительного искусства. Где висят эти картины?

Мамедов: Картины у меня повсюду: в галерее, в студии, дома... Например, у меня в спальне. Каждое утро, просыпаясь, я хочу видеть картины, которые дарят мне позитивное настроение, которыми я наслаждаюсь. Агрессивную работу я не повешу. И каждый месяц я меняю эту «экспозицию».

Сапунов: Кто ты прежде всего? Коллекционер, дилер, галерист, художник?

Мамедов: Прежде всего я вообще не дилер! Я не занимаюсь продажей картин. Моя главная задача – пропаганда азербайджанского искусства, поэтому я организую выставки, создаю галереи. Я галерист, я художник, я искусствовед. Художником

я стал потому, что мой отец был художником (*Назим Мамедов (1934-2004) – художник, мультипликатор – В.С.*). Мы все с детства рисовали. Рисовать, наверно, начали раньше, чем ходить... Я два года учился в Германии – дизайну, компьютерной графике и так далее. Когда вернулся в начале 2000-х, обнаружил, как несправедливо наше общество к молодым художникам. Галеристы выставляли только «проведенных», известных художников, своих знакомых или коммерчески успешных. Молодым, еще неизвестным художникам никто выставки организовывать не стремился. И получалось, что молодым просто не было места, не было площадки. Я задумал создать такую организацию, которая решила бы эту проблему. Сегодня Arts Council – одна из самых известных и самых активных организаций, занимающихся искусством. Более того! Это теперь международная сеть! Arts Council есть во многих странах, от Латвии до Колумбии!

Сапунов: Есть разница в деятельности Arts Council в других странах?

Мамедов: В деятельности разницы нет. Но Arts Council бывают двух видов. Где-то он и заменяют Министерство культуры, например, в Англии или в Австралии. А где-то, в частности у нас, это неправительственная организация, схожая с Союзом художников.

Сапунов: В чем достоинство Arts Council как сети?

Мамедов: Например, ты – представитель Arts Council в Латвии, у тебя галерея. Ты хочешь провести выставку в Баку. Ты приезжаешь в Баку и проводишь эту выставку, при этом ни за что не платишь. После ты делаешь то же для меня в Риге.

Сапунов: Но с государством вы тоже сотрудничаете...

Мамедов: Да, в частности, мы сейчас сотрудничаем с заповедником Ичеришехер. В средневековой башне-донжоне у нас галерея Art Tower – совместный проект Arts Council Azerbaijan и Управления Государственного историко-архитектур-

ного заповедника Ичеришехер, созданный в целях развития культуры и искусства страны. Если хочешь что-то сделать – делай! Не стоит ссылаться на отсутствие бюджета. У нас как в начале бюджета не было, так его и сейчас нет. Но мы продолжаем проводить, минимум, три мероприятия в месяц.

Сапунов: А максимум?

Мамедов: Рекорд был – девять мероприятий.

Сапунов: А сколько ты вообще провел выставок и других мероприятий?

Мамедов: Ох... Arts Council существует 11 лет. Попробуй умножить минимальную «тройку» на... 132 месяца...

Сапунов: То есть не меньше полутысячи.

Мамедов: Довольно много, да. Выставки, воркшопы, фестивали, пленэры... У нас множество своих проектов, много проектов совместных. В данный момент мы работаем над познавательным проектом «Комикс», направленным на раскрытие проблем творческих людей. Это совместный проект British Council и НПО Arts Council Azerbaijan в рамках программы ЕС и восточного партнерства «Культура и креативность». Она призвана обеспечить поддержку культурных и креативных индустрий, а также способствовать увеличению их вклада в устойчивое гуманитарное и социально-экономическое развитие в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине. Я руковожу кампанией «Измени мир культурой»: посредством серии комиксов мы пытаемся поднимать современные проблемы художников.

Сапунов: Какие именно?

Мамедов: У творческих людей проблем много. И не все они связаны с финансами. Художникам порой нужно просто не мешать! Оставьте его в гараже, который он превратил в мастерскую, не отнимайте у него чердак!..

Сапунов: Чем измерить успех галериста?

«Если хочешь что-то сделать – делай!
Не стоит ссылаться на отсутствие бюджета»

Мамедов: Коммерческие галереи могут приводить цифры продаж. В моем случае продаж нет, мне важно просто привозить и организовывать выставки интересных художников, чтобы наша публика могла регулярно наслаждаться хорошим искусством, наблюдать интересных творческих людей. Например, недавно были молдавский художник с дочерью, а скоро приедет известный швейцарский граффитист, который будет расписывать бочки и стену. Каждую неделю – что-то новое! Иностранцы гости, местные художники... И все это не для «галочки», а для народа.

Сапунов: Чему тебя научила практика бакинского галериста?

Мамедов: Никогда ни на кого не надейся!

Сапунов: Назови лучшие галереи в Баку. Какие тебе нравятся? Посоветуй, куда сходить.

Мамедов: Такие политические вопросы задаешь! *(смеется)* Arts Council сотрудничает со всеми галереями, со всеми художниками, со всеми журналистами...

Сапунов: Ну все-таки...

Мамедов: Галерей много. Но толка от большинства не заметно.

Сапунов: Какой проект ты лелеешь в душе, что пока осилить не можешь?

Мамедов: Моя мечта – создать музей азербайджанской мультипликации. Для него нужно солидное помещение где-нибудь в Старом городе.

Сапунов: Чего может добиться художник в Азербайджане?

Мамедов: Получить звание Народного художника.

Сапунов: Ты хочешь получить это звание?

Мамедов: Если бы меня оценили, мне было бы приятно. Самому к этому стремиться – странно. Хотя азербайджанская поговорка гласит «Кто не плачет, тому молоко не дадут» (улыбается). Но я никогда не пиарил себя, даже на моей странице вовсе не мои работы.

Сапунов: А где же, кстати, посмотреть твои работы?

Мамедов: У меня в студии.

Сапунов: А на выставке?

Мамедов: В Азербайджане я не выставляюсь, мои работы есть в Германии, Турции, Голландии, Бельгии... Были и персональные выставки. Но в Азербайджане, наверно, еще время не пришло. Хотя, сам понимаешь, организовать собственную выставку я могу с легкостью.

Сапунов: Твой стиль исполнен эротичности, как я заметил...

Мамедов: Я люблю рисовать женщин. Нет, не обнаженных, это все в прошлом. Но меня волнуют женские проблемы. И новый цикл, который я задумал – «1001 приключение», – будет о женщинах. Вот картина «Девственница», где изображена девушка, которая с часами в руках ждёт и ждёт принца на белом коне. А часы тикают, молодость проходит. Чего ждёт? Зачем?

Сапунов: Художники не любят друг друга?

Мамедов: Нет, почему же? Я, например, очень люблю творчество Эльдара Бабазаде. Говорить о творчестве отца, возможно, неправильно, но ведь он был моим учителем и помог мне найти мой стиль. Люблю картины Джавада Мирджавадова – одного из самых значительных представителей Абшеронской художественной школы...

Кстати, дача родителей моей супруги в поселке Бузовна некогда считалась одним из ярких уголков азербайджанского творческого мира. Все арт-тусовки Абшеронской школы проходили на этой даче. Там жил дядя моей жены художник Ариф Аскеров по прозвищу «Саггал Ариф». А напротив была старинная баня, которая запечатлена на самой первой работе Фархада Халилова – председателя Союза художников... Впрочем мы отвлеклись. Я хочу, чтобы в Азербайджане было больше музеев, с коллекциями мирового уровня. Хотелось бы, чтобы у людей увеличился интерес к искусству. Хотелось бы, чтобы люди вкладывали в искусство и создавали свои коллекции. Понятно, что полотна Клода Моне сейчас купить почти нереально. Но реально вкладываться в молодых художников, которые со временем станут дорогими. Это и есть наша цель – промотировать молодых!

У меня в коллекции есть картина молодого художника и она уже весьма ценна. Во-первых, потому что автор давно не пишет в этом стиле. А во-вторых, я выставил ее рядом с Миро, Дали и Пикассо в одном зале. И каталог той выставки – документ, свидетельствующий о высоком уровне живописи молодых азербайджанских художников.

Сапунов: В нашем Национальном музее есть прекрасная коллекция произведений русского искусства: Шишкин, Боровиковский, Верещагины, Маковский, Пукирёв и другие! Но вернемся к продвижению азербайджанского искусства...

Мамедов: В последние годы первая леди Мехрибан Алиева очень много сделала для того, чтобы азербайджанское искусство стало известным за рубежом. Я был в Венеции на биен-

нале, буквально на каждом шагу я слышал о наших художниках. Роскошный пиар для Азербайджана! На мой взгляд, можно было бы задействовать малые организации, малые сообщества.

В условной «войне» нужна и армия, и партизанское движение (*смеется*). Так пиар станет всеобъемлющим.

Сапунов: А сами художники?

Мамедов: Сами художники стараются, да... Но порой бывают очень ленивыми. Жалуется: «Как быть?! Галерей нет! Выставку немогу провести!..» Говорю ему: «Я проведу твою выставку, пиши, приноси!» И нет его! Были случаи, когда я давал художникам холсты, дарил краски, лишь бы писали... Ни черта не сделали!

Сапунов: Если ты в ближайшее время встретишь министра культуры, что ты у него спросишь, что ты ему скажешь?

Мамедов: Я просто поздравуюсь. Я вижу министра почти через день. Но с просьбами или пожеланиями к нему не обращаюсь. У министра для этого есть протокол, разные заявки и проекты принимаются в письменном виде, а потом передаются дальше. В лоб ничего не делается. «Вот конверт, почитаете дома!» Это не правильно, это неэтично. А с хорошим проектом я пойду к замминистра или к его помощнику. Но в ближайшее время я отправлюсь в другую организацию – в таможенный комитет, чтобы предложить убрать акцизы на ввоз холстов. Никто, кроме художников, холстами не пользуется. Холсты очень дорогие, а без них как развивать искусство?! Во многих странах культура приносит 5-10% дохода в бюджет! Так давайте и нашу культуру поднимем! Она в долгу не останется!

2017 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

с... Джейхуном Али

Известный телеведущий, мастер сцены – за что ни возьмется Джейхун Али, все у него получается образцово. Даже в области стиля он заслужил репутацию, близкую к эталонной. Мы поговорили с Джейхуном о том, что уже хорошо, и о том, что стоит поправить.

Текст: Вячеслав Сапунов | Фото: Адиль Юсифов

«Зеленый диван» с Джейхуном Али

2017

Известный телеведущий, мастер сцены – за что ни возьмется Джейхун Али, все у него получается образцово. Даже в области стиля он заслужил репутацию, близкую к эталонной. Мы поговорили с Джейхуном о том, что уже хорошо, и о том, что стоит поправить.

Сапунов: Когда мы снимали твой главный портрет, впервые в нашем «Зеленом диване» прозвучал вопрос: «Эта моя рабочая сторона». Такое мог сказать только телеведущий. Именно телеведущие знают разницу в ракурсах, знают, с какой стороны их лучше снимать. У продюсеров телерепортеров вполне может обнаружиться пудреница, а на телеведущем – можно заметить следы эфирного грима.

Али: Надо мной иногда прикалываются: «Ты уже сделал грим?». Не люблю я грим...

Сапунов: Это само собой. Зачем бы тебе его любить? Ничего особо радостного тут нет.

Али: Да, просто работа на телевидении влечет за собой определенные факторы, когда выбирать не приходится. Это законы профессии. К счастью, как говорят наши специалисты,

мое лицо не требует сложного грима, ну разве что прикрыть какуюто царапину. И «световики», вслед за гримерами, тоже стараются, чтобы ведущий в кадре выглядел естественно. А рабочая — не рабочая сторона — это действительно порой важно.

Сапунов: Да, кажется, что лицо симметрично, но если его зеркально развернуть, скажем, в фотошопе, то человек значительно изменяется.

Али: Недавно меня снимали через зеркало — получился другой я!

Сапунов: У тебя есть свои критерии стиля?

Али: Внешний стиль является продолжением внутреннего состояния.

Сапунов: Тогда скажем иначе. Что ты никогда не наденешь?

Али: Нет конкретного определения. Я ношу и «рваные» джинсы, и кроссовки, и шорты — в спортзале. Когда плаваю, когда бегаю — в спортивной форме. Я еще люблю советоваться при выборе одежды.

Сапунов: В Баку ты считаешься одним из образцов стиля...

Али: Так говорят (*общий смех*).

Сапунов: И ты действительно всегда выглядишь так, словно через пять минут в кадр.

Али: Наверно, потому, что я работаю в строгом новостном пространстве. И в любой момент я могу отправиться в эфир, на интервью, на репортаж. А в кадре я хочу себя чувствовать комфортно.

Сапунов: Такое постоянное напряжение — это нелегко...

Али: Я бы сказал это ответственность не только за себя.

Сапунов: У тебя наверняка есть даже домашний галстук.

Али: (смеется) Нет... Я без галстука тоже хожу. Ты меня тоже видел без галстука.

Сапунов: Да, пару раз.

Али: Стараюсь находить время и для расслабления. Вот сегодня утром была съемка, новостной эфир, потом приехал сюда к вам, после у меня еще деловая встреча, а после этой встречи будет совещание по другому проекту. Вот такая суббота.

Сапунов: Что сейчас со стилем в Баку?

Али: Я бы сказал: «Слегка запущено». Люди любят красиво одеваться, но с выбором у них часто случаются проблемы. Для них главный критерий — нравится или не нравится. Подойдет ли — об этом они не задумываются. А ведь даже парфюм может подойти или не подойти по характеру...

Сапунов: Во что ты одеваешься?

Али: В то, что дает мне комфорт. Так получилось, что уже шестой год моя одежда шьется индивидуально. Для меня не существует понятия дорогой одежды или бренда. Есть собственный стиль, который каждый человек находит сам.

Сапунов: А индпошив это недорого?

Али: Индпошив — это инвестиция, которая имеет немаловажное значение в создании стиля. А самое главное, раз определив, что мне подходит и в чем мне комфортно, я уже не мучаюсь над проблемой выбора. А в некомфортной одежде я не смогу работать. Внешний стиль — это конечный пункт, важно внутреннее состояние.

Сапунов: Какие простые советы по стилю ты можешь дать? Что часто нарушается и что можно поправить?

Али: Это индивидуально. Ну например, если у человека широкие плечи, ему не следует носить пиджак с узкими лацканами. Галстук тоже играет огромную роль. Не секрет, что существует такая практика — внешний стиль и особенно гал-

«Для меня не существует понятия дорогой одежды или бренда. Есть собственный стиль, который каждый человек находит сам»

стуки влияют на успех глав корпораций во время выдвижения их кандидатуры на назначения. И даже во время представления этих руководителей своим сотрудникам. Хотим мы этого или нет, первым воспринимается внешний облик, внешние сигналы. После — речь, голос... И это составляет около 30% восприятия личности. Потом уже невербальные знаки — язык тела. А затем — все в комплексе.

Сапунов: Как бы ты мог определить пошлость?

Али: Я думаю, что это связано с глубиной человеческого стыда и воспитанием души.

Сапунов: А как все-таки дефинировать?

Али: Это относительно. То, что для нас может быть нормой,

другому может показаться пошлым. Недавно я пил чай с одним из моих педагогов. Он сказал: «Селфи — это пошлость». Вот так. Он считает, что стремление человека обратить на себя внимание таким образом — это пошло. Будь таким, какой ты есть. А другой мой педагог, ныне покойный Рафиг Гусейнли, говорил: если ты не можешь быть таким, каким ты выглядишь, будь таким, каким ты являешься на самом деле. Услышав это, я сделал себе заметку в дневнике: «Будь таким, чтобы это не выходило за рамки приличия». Хочет человек этого или нет, его действия в итоге направляются либо на представление себя, либо на показ.

Сапунов: Ты ведь делаешь селфи...

Али: Конечно.

Сапунов: Что же скажет твой учитель?

Али: Что бы ни сказал. Я могу не согласиться.

Сапунов: Если бы тебе пришлось сократить свою биографию до 2-3 эпизодов, какие события ты бы выделил?

Али: Авария. Папа. И я. После аварии папы не стало и моя жизнь стала совсем другой, она сложилась не так, как у всех. Мне было 6 лет. Другое событие — мой первый эфир. 4 октября 2004 года. В 15:00. Это был выпуск новостей и новостной лист до сих пор у меня хранится. Спустя десять лет я открываю папку и кладу туда автограф Эннио Морриконе. Это было интервью, к которому я шел очень долго.

Сапунов: Получается, что встреча с Эннио Морриконе — третье событие.

Али: Я, конечно, многому учусь от интервью, но событием я бы его не назвал. Скажем, один из этапов в моей жизни.

Сапунов: Чему тебя научило телевидение?

Али: Я вырос на телевидении. Мне было 19 лет, когда я пришел на ТВ. На сцену я вышел впервые в 14 лет, еще будучи

учеником гимназии искусств, вел вечер Амины Дильбази в Театре Песни имени Рашида Бейбутова. И с тех пор начался мой путь ведущего... Поступил в университет... В Баку, к сожалению, не было Академии телевидения и радио, а в Турцию или в Россию я не поехал, потому что не хотел оставлять семью... Сейчас бы поехал, несмотря на приобретенный опыт. Потому что мир современного телевидения требует иных навыков.

Сапунов: Что тебе на нашем телевидении очень нравится, а что очень не нравится? Вообще. Не будем говорить про отдельные каналы.

Али: Нравится то, что телевидение до сих пор хранит способность общения со зрителями. И это дает нам возможность создать некий энергетический диалог. Не нравится то, что беседы неправильные. Я всегда считал, что телевидение — живой организм. И для правильного сохранения внутренних частей этого организма нужны профессиональные кадры. Кадры у нас, к сожалению, готовятся очень ограниченно. Нет специализированных студий, школ... Зато молодые могут учиться у профессионалов старшего поколения, как это делал я, мои коллеги. Делает ли это телевизионная молодежь? К сожалению, мы этого не видим.

Сапунов: У кого сейчас могут учиться молодые?

Али: Для того, что бы учиться в первую очередь важно проявить желание. И это желание дает возможность поиска. Я учился у легендарного диктора, народного артиста Рафика Гусейнли, потом — у Рафика Гашимова. После я начал выходить в эфир. Помню как на канале где я впервые начал работать, как то юношеским восприятием сказал главному редактору этого канала, что это — хорошая школа, но нехорошее телевидение. А он, ответил, что; «для меня он не является школой».

Сапунов: Смело.

Али: Да, наверно, это неправильно, нужно сдерживаться... На меня были нападки из-за того, что я говорил то, что думал. А я жил работой, телевидением. Помню, как я, второкурсник, ожидал своего педагога у студии, прикидывал, где он припаркуется, или чтобы припарковался подальше, чтоб мы могли дольше беседовать — по дороге до проходной. Потому что это искусство слова, искусство общения, здесь без души невозможно. Это и определяет путь ведущего. Если тебя не волнует то, что ты преподаешь, думаю, ты должен уходить. Потому что даже самый обычный зритель, необразованный и неначитанный, умнее любого профессионального ведущего и журналиста.

Сапунов: Вот как?

Али: Даже самый непросвещенный зритель отчетливо может понять, кто перед ним стоит или сидит в кадре. Произнесенное слово — это состояние души. И задача телевидения в том, чтобы представить аудитории тех специалистов, которые могут «жить» и «дышать» эфиром. И это касается не только ведущих. Если зритель заметит в моем выступлении ошибку, он будет иметь полное право считать меня неправильным, а у меня такой возможности не будет. Каждый раз, прощаясь, я говорю: «Спасибо, что уделили время!»

Сапунов: В новостях?

Али: Не только. Потому что это хоть и новости, но отчасти это авторская программа. Дикторов сейчас нет, есть ведущие, которые играют роль дикторов... И, на мой взгляд, играют плохо...

Сапунов: Что касается нашего телевидения, я не могу, признаться, понять его задачу. Это преимущественно развлекательное телевидение, иногда информационное.

Али: Задачей телевидения не является зарабатывание денег. А оно сейчас во всем мире, к сожалению, превращается в массмаркет, где ты все время что-то покупаешь... Обрати внимание, что происходит у нас: утром в новостях говорят, что

случилось ночью. С 10 до 12 начинаются танцы, пение, разминка. Затем время обедать — появляются программы о еде. Новости. Покушали — заболели, начинается медицинский час. А потом, если кто-то пропал — с 6 до 8 ищут этих пропавших. После — новости и... А для тех, кто не спит, — фильмы. Просто их уже смотрят не сидя на диване, а лёжа. К сожалению, этот шаблон — лицо современного телевидения. Говорят, дескать, мы удовлетворяем вкусы и потребности зрителя. Но ведь не зритель должен воспитывать телевидение, а телевидение — зрителя.

Сапунов: Это вообще главный вопрос телевидения — что первично.

Али: Я бы даже сказал — всего телекоммуникационного сектора. Предоставляя ту или иную информацию, мы представляем и культуру. Это экосфера, где представлена деятельность различного рода. Будущее телевидения — на телефонах. Через 3-4 года все уйдут в телефоны окончательно. И у телеканалов не останется выбора. Надо представить качественный продукт. Потому, что выбора у зрителей будет больше, чем на данный момент.

Сапунов: Какую телепрограмму ты бы сейчас хотел запустить?

Али: Передачу для детей. Я бы сделал с ними интервью на взрослые темы.

Сапунов: Неожиданно.

Али: Да, потому что иногда наступает момент, когда устаешь общаться со взрослыми — хочешь общаться с детьми. Они — настоящие! Они не приносят прибыль или рейтинг, но приносят радость. Если взрослые будут задавать детям вопросы, присущие старшему поколению, думаю, они получат правильные ответы. Дети воспринимают сердцем.

Сапунов: Кстати, о радостном. Отчего ты в последний раз смеялся от души?

Али: Смеялся благодаря видео, которое мне переслал друг. Там его 3-летний сын желал мне «спокойной ночи»: «Шапкойной ночи!» Смеялся в голос! Это настоящий катарсис!

Сапунов: Что еще тебя поддерживает?

Али: Для формы я плаваю, а для настроения слушаю музыку. В последнее время я работаю под музыку: джаз, мугам... Иногда поп...

Сапунов: Конечно. Как же без Киркорова.

Али: *(чуть не пролив от неожиданности чай)* Я имел в виду Брайана Адамса или Лайонела Риччи.

Сапунов: Что тебе доставляет сейчас больше хлопот: душа или тело?

Али: Душа, конечно. Тело, слава Богу, в хорошем состоянии.

Сапунов: Что ж за хлопоты с душой? Выглядишь вполне благополучным.

Али: Наверно, дело в том, что я время от времени пересматриваю свои взгляды. Задаюсь новыми вопросами. Меня угнетает то, что в Баку до сих пор есть детские дома, что есть еще родители, которые отказываются от своих детей. Что есть много детских болезней, что на улицах встречаются люди, просящие милостыню... Много мыслей. Как говорил наш поэт Бахтияр Вагабзаде, «Печаль сближает, радость отдаляет». Но я за добрую грусть, не за трагическую...

Сапунов: И последний вопрос: когда ты женишься?

Али: *(делая глубокий вдох)* Это один из тех вопросов, которые я не обсуждаю с общественностью. Семья именно строится. Поэтому я не тороплюсь, чтобы наверняка и навсегда. Я консервативен. В этом плане классический азербайджанец... Иншаллах!

2017 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

с... Надеждой Исмаиловой

В гостях нашей рубрики известный журналист, автор легендарной телепрограммы «Даага», автор многочисленных кино- и телесценариев, редактор фильмов, ставших классикой азербайджанского кинематографа, главный редактор канала «KULTURA Plus», Заслуженный деятель искусств Азербайджана Надежда Исмаилова.

Текст: Вячеслав Сапунов | Фото: Адиль Юсифов

«Зеленый диван» с Надеждой Исмаиловой

2018

В ГОСТЯХ У НАШЕЙ РУБРИКИ ИЗВЕСТНЫЙ ЖУРНАЛИСТ, АВТОР ЛЕГЕНДАРНОЙ ТЕЛЕПРОГРАММЫ «ДАЛГА», АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ КИНО- И ТЕЛЕСЦЕНАРИЕВ, РЕАКТОР ФИЛЬМОВ, СТАВШИХ КЛАССИКОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР КАНАЛА «KULTURA PLUS», ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ АЗЕРБАЙДЖАНА НАДЕЖДА ИСМАЙЛОВА.

Сапунов: Все знают вас как Надежду Исмайлову. Но ведь была же работа, было творчество и до того, как вы вышли замуж за Расима Исмаилова (*оператор, снявший фильмы «Семеро сыновей моих», «День прошёл», «Насими», «Бабек» и др., режиссер, поставивший картины «Лев ушел из дома», «Асиф, Васиф, Агасиф», «Я любил вас больше жизни» и др. – В.С.*) Как вы подписали свой журналистский дебют?

Исмаилова: Надя Деминовская. Я не очень любила имя Надежда, предпочитала короткое Надя. А Деминовский – фамилия моего папы, а значит и моя девичья. Что же касается дебюта, то их у меня было несколько. Самый первый, в 11 лет, стал дебютом преподавательским. Время было трудное, послевоенное, и я репетировала первоклашек. Тот дебют был

очень важным, потому что мне было необходимо наладить отношения и с родителями своих подопечных, и с самими малышами, от которых я по возрасту не очень-то и отличалась. Репетиторством я занималась до 10 класса, приносила в семью свою трудовую копеечку. И это давало ощущение самостоятельности, уверенности в себе. А журналистский дебют был связан с весьма авантюрной историей. Я не поступила на филфак, но придумала ходить на занятия, чтобы потом сдать все экстерном. Мне помогла моя подруга Женя Авласевич, которая, будучи старостой группы, меня покрывала и к тому же записала меня во всевозможные секции и кружки, включая редакцию газеты «За ленинское воспитание». Я писала заметки, брала интервью. Так и пришла в журналистику. Мои публикации заметил сам ректор, легендарный Юсиф Мамедалиев, и в День Печати издал указ о переводе меня с заочного отделения на очное. Ему сказали, что я заочница! Кто мог предположить, что я не была студенткой! На подкашивающихся ногах мы с редактором газеты отправились к ректору. Мамедалиев сперва долго не мог понять, как я ухитрилась проучиться целый курс, потом долго выяснял, как мне удавалось пробираться в здание университета и после долгой паузы: «Вообще-то, по всем законам вы для нас человек с улицы. И документы о вашем непоступлении давно в городском архиве. Но... я всё возьму на себя, потому что еще не встречал у человека такого безудержного, страстного желания учиться. Вы будете студенткой. Сумеете сдать обе сессии сразу?» – «А когда экзамены?» Наконец-то ректор улыбнулся... Он был гений, Юсиф Мамедалиев!

Сапунов: А ведь еще было и телевидение...

Исмайлова: Да, сокурсник познакомил меня с замечательной Ниной Яровой, главным редактором русского департамента Гостелерадио, которая поручила мне разработать один выпуск какой-то детской передачи. Мои придумки, вероятно, понравились, потому что меня взяли на штатную работу.

Сапунов: Это же было почти начало всего телевидения!

Исмайлова: Да, телешколы в СССР не было, все пришли из разных профессий, все училились телевидению шаг за шагом. Там сложилась потрясающая команда, образовалась удивительная атмосфера. А после знакомства с Расимом Исмаиловым мне захотелось дебютировать в кино и я поступила во ВГИК, затем пришла работать на киностудию «Азербайджанфильм». Вы знаете, у меня иногда возникает ощущение, что я школьница, что я все время начинаю, начинаю. Да, собственно говоря, наша с вами профессия предполагает все время изучать что-то новое.

Сапунов: С дебютами ясно. А что вы можете назвать своим «звездным часом»?

Исмайлова: Наверно, программу «Далга» (*публицистическая телепрограмма, выходявшая в Азербайджане в 1988-1992 гг. – В.С.*). Я ведь, несмотря на профессию, человек некоторым образом «частный». Никогда не ходила на демонстрации, не выкрикивала лозунги, никого ни к чему не при зывала. Я предпочитала наблюдать, стоя немного поодаль от магистрали. А «Далга» ввела в самую гущу жизни, и я настолько прониклась драмами человеческими, что порой даже забывала о собственной безопасности. И, возможно, я впервые получила огромную отдачу от профессии, ведь то, что мы делали, вызывало потрясающий отклик, огромную благодарность зрителей.

Сапунов: Примерно тогда же выходил на ЦТ суперпопулярный «Взгляд», по влияло ли творчество Влада Листьева, Александра Любимова, Дмитрия Захарова и других на вашу программу?

Исмайлова: Пожалуй, повлияло, но также повлияла программа «До и после полуночи» Владимира Молчанова, появившаяся чуть раньше «Взгляда». Они обе начали выходить в эфир в 1987 году, а программу «Далга» мы с режиссером Васифом Бабаевым запустили в январе 1988-го.

Сапунов: Сохранились архивы «Далга»?

Исмайлова: Что-то стерли – специально стерли! Но кое-что сохранилось у меня на кассетах VHS, а что-то сохранили герои наших сюжетов, записывавшие программы на видео. Это удивительный архив! Например, мы сделали часовое интервью с Гейдаром Алиевичем, когда он находился в опале и жил в Нахичевани. Есть сюжет об отправке первого азербайджанского посла в США – Хафиза Пашаева. А какой у нас был репортаж из ночного Баку, находящегося под властью комендантского часа! Это было одно из самых сильных переживаний! С Баилова спускались танки, Баку переставал принадлежать бакинцам, а кварталы превращались в «квадрат номер шесть», «квадрат номер семнадцать». «Сокол! Я – Сосна! У нас уже улов!» А какой там улов – поймали рыбака, засидевшегося с удочкой на бульваре.

Сапунов: Каких жанров, на ваш взгляд, сегодня не достает азербайджанской журналистике?

Исмайлова: Не хватает публицистики, поднимающей социальные темы. Не хватает журналистских расследований. А ведь это очень и интересный, хотя и очень опасный жанр, потому-то его и нет. Ведь, проводя расследование, ты неминуемо наживаешь себе врагов, порой очень могущественных.

Сапунов: Вы работали в разные эпохи – в «оттепель», в «застой», в «перестройку», в 90-е, в XXI веке. Когда работать было интереснее и когда работать было свободнее?

Исмайлова: Во времена «Далги». Тогда свобода слова просто зашкаливала. Помню, как для нас открывали архивы КГБ и я с ужасом узнавала подробности репрессий, понимала, что наравне с множеством «палачей» было огромное число «стучачей», оговаривавших соседей, коллег, родственников». Вы знаете, с возрастом я поняла, что все режимы чем-то похожи. Всегда есть просто люди – злые или добрые.

Сапунов: Вас увольняли когда-нибудь?

Исмайлова: Да. Только программу «Далга» закрывали шесть раз! Из профессии изгоняли несколько раз. Ползучая опала за мной словно всю жизнь ходит. С киностудии меня выживали. На телевидении – на самом пике популярности программы «Далга» – мне заявили, что я не вписываюсь в формат, и предложили написать заявление «По собственному желанию».

Я отказалась, но мне пригрозили устроить неприятности моему мужу, и я сразу же ушла. Однако я вам хочу сказать, что все эти проблемы не связаны с режимом, эпохой или, скажем, с национальностью. Зависть, подлость и другие отрицательные свойства людей одинаковы в разные времена.

Сапунов: Какой была ваша свадьба?

Исмайлова: Ах, какая замечательная у нас была свадьба! Студенческая! В Москве! Единственными «взрослыми» людьми там были родители Расима. Моя свекровь переживала, что я одета в платье (кстати, купленное по талону в салоне для новобрачных), – легкое, полупрозрачное, на бретельках. Она накинула на мои плечи зеленую шерстяную шаль, мол, прикройся... Вот вы говорите, «пик». Наверно, самым пиком у меня была вся жизнь с Расимом. Сколько мы путешествовали! США, Англия, Мексика, Италия, Югославия. Помню, как мы, посмотрев потрясающую премьеру мюзикла «Иисус Христос – суперзвезда», всю ночь гуляли по Лондону, переполненные впечатлениями. Хорошая жизнь была. Довольна ли я жизнью сейчас? Наверное, да. Я живу в гармонии с собой и с окружающим миром.

Сапунов: Какое участие вы принимали в фильмах, над которыми работал Расим Исмайлов?

Исмайлова: Самое активное. Кстати, первая совместная работа – «Деде Коркут» (*режиссер Тофиг Таги-заде, автор сценария – Анар, – В.С.*), он был оператором, а я дебютировала в качестве редактора. И так далее ...

«НЕ ХВАТАЕТ ПУБЛИЦИСТИКИ, ПОДНИМАЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ. НЕ ХВАТАЕТ ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ. А ВЕДЬ ЭТО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЙ, ХОТЯ И ОЧЕНЬ ОПАСНЫЙ ЖАНР, ПОТОМУ-ТО ЕГО И НЕТ»

Сапунов: А после еще были режиссерские работы Расима-муаллима – «Лев ушел из дома», «Асиф, Васиф, Агасиф», для последнего вы написали сценарий. Пожалуй, именно с вашими именами – Расима и Надежды Исмаиловых – прежде всего связаны мои воспоминания об азербайджанском детском кино.

Исмайлова: Еще был фильм «Только остров не возьмешь с собой», который мы сделали с Гюльбяниз Азимзаде. Это был мой сценарный дебют. Мы тогда выиграли Всесоюзный Гран-при, обойдя даже фильм «Приключения Электроника». С «Островом» связана забавная история. Мы с Расимом поехали в ГДР. Там знакомая немка вдруг звонит и говорит, что по западногерманскому телеканалу идет наша картина «про остров». Я включила телевизор и увидела, как мои герои бойко общаются на хорошем немецком (*смеется*). После московском Центральном Телевидении я спросила знаменитую Тамару Огородникову, директора студии-заказчика: «Тамара Георгиевна! Пусть вы не выплачиваете нам деньги за прокат в других странах, но просто сообщить, что ФРГ купила наш фильм, можно же было! Хотя бы для морального удовольствия!» Она подняла документы с международных телеярмарок. Представьте, наш фильм купили все северные страны:

Германия, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия и так далее. А южные почему-то не купили.

Сапунов: Вы были знакомы с берберовскими львами?

Исмайлова: Конечно! Помню епе Кинга Второго возили на съемку в специальном УАЗике, помню, как возвращаясь домой, он резво взбегал к себе на второй этаж – знал свой дом. А первый Кинг из «Невероятных приключений итальянцев в России» был похоронен на даче нашего друга – писателя Юрия Яковлева. Собственно наш лев-бакинец и был прототипом заглавного героя его повести «Лев ушел из дома». И как-то раз гостили у него на Красной Пахре. И Юрий Яковлевич провел нас в уголок сада, к могиле льва. «Деда, – вдруг спросила писательская внучка 3-летняя Настенька. – Не пойму, почему Лев Толстой похоронен у нас на даче?»

Сапунов: Что самое трудное при работе в детском кино?

Исмайлова: Расположить к себе детей. Расиму это всегда удавалось. Я очень любила приходить на кастинг и смотреть, как он общается с ребятами, сказки рассказывает, чуть ли не фокусы показывает. Когда закончили фильм «Асиф, Васиф, Агасиф», всех снимавшихся в картине детей привели в директорский зал киностудии на просмотр. В самый разгар сеанса Рамин Асланов, исполнитель роли Васифа, вдруг спрашивает: «Мы их видим! А они нас видят?» Разве такой вопрос взрослому человеку придет в голову? А еще с детьми трудно работать профессиональным актерам, потому что приходится здорово потрудиться, чтоб достигнуть детского уровня органичности, непосредственности.

Сапунов: В 1990-е годы Расим Исмайлов собирался снять фильм «Миллионер», посвященный Гаджи Зейналабдину Тагиеву, по вашему сценарию. Что стало с этим проектом?

Исмайлова: Это очень печальная история. Это был частный заказ, но спонсор-заказчик обанкротился и картину закрыли. А ведь Расим три года готовился к съемкам, сценарий тоже

хвалили. Дорогой проект. Может, поэтому он сейчас тоже никому не нужен.

Сапунов: На «Kultura Plus» вы тоже собирались делать документальный фильм о Гаджи Зейналабдине Тагиеве.

Исмайлова: Да, мы хотели снять телевизионную программу «Неоконченный роман», где рассказали бы о неслучившихся съемках фильма «Миллионер» и об истории любви Тагиева с Софьей Араблинской. Это, надо сказать, одна из великих историй! Я вообще когда-то делала цикл статей про истории любви знаменитых азербайджанских пар. Не понимаю, почему наши киносценаристы сегодня не обращаются к этим темам. Ведь такие запасы сюжетов! К примеру, история жизни и любви выдающегося азербайджанского геолога Ашрафа Ализаде, который три раза женился на одной и той же женщине.

Сапунов: А фильм про Тагиева будет?

Исмайлова: Надеюсь. Вот недавно мы сделали фильм памяти Максуда Ибрагимбекова «Максуд навсегда», который был очень хорошо принят, имел широкий резонанс.

Сапунов: Если б у вас был свой телеканал со всем необходимым, какую специализацию вы ему определили б, какие программы запустили бы в первую очередь?

Исмайлова: Канал я бы посвятила замечательным азербайджанцам XX и XXI века. Потому что были и есть потрясающие люди – та корневая система, на которой держится нация. Надо почаще к ним обращаться. Дело не в ностальгии. Иногда прошлое – поразительный заряд к жизни, мотив для развития. И я сейчас снимаю программы именно о таких людях.

2018 год

«Зеленый диван» с Октаем Мир-Гасымом

2018

2018-й – юбилейный год АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА – СТАЛ ВЕХОЙ И ДЛЯ ИЗВЕСТНОГО КИНОРЕЖИССЕРА, СЦЕНАРИСТА, ПРОДЮСЕРА ОКТАЯ МИР-ГАСЫМА. НО СВЯЗАНА ВЕХА, КАК НИ УДИВИТЕЛЬНО, НЕ С КИНО, А С ТЕМ, ЧТО НЕДАВНО У ОКТАЯ МИР-АСАДУЛЛАЕВИЧА ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИГА. О КНИГАХ, О ЛЮДЯХ, О ФИЛЬМАХ, О СИТУАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ И О МНОГОМ ДРУГОМ МЫ ПОГОВОРИЛИ НА НАШЕМ «ЗЕЛЕНОМ ДИВАНЕ».

Сапунов: Прежде всего хочу поздравить вас с выходом вашей первой книги – «Когда все еще были живы». Замечательное событие и удивительно, что вы, человек, который работает с текстами дав но и плодотворно, только сейчас выпустили книгу. Но тем она ценнее.

Мир-Гасым: Спасибо большое!

Сапунов: Уже на первых страницах я встретил интересного персонажа – хирурга по имени Мануэль Хорхе Бурбано, который, навсегда прощаясь со своим городом, произнес перед собравшимися журналистами знаковую, на мой взгляд, речь. «Я уезжаю молча! Это вы можете смело сообщить в своих газетах. Я не высказываюсь по поводу ваших беспринципности, ангажированности, и бессовестной лживости». И так далее много о том, что он мог бы предъявить стране и обществу, но предпочел промолчать. Отсюда первый вопрос: как часто вы сами предпочитаете молчание высказыванию?

Мир-Гасым: Я кинорежиссер по профессии, как вам известно. А жизнь режиссера вообще такая мука, такая пытка. И технологически, и эмоционально, им орально очень изнурительный труд. Кажется, американские исследователи пришли к выводу, что самая вредная и пагубная для психики человека профессия – летчики-испытатели, а на втором месте – кинорежиссеры. Так что, конечно, приходится сдерживаться.

Сапунов: Это связано с самоцензурой или с чем-то еще?

Мир-Гасым: У нас в обществе бытует патриархальная этика, согласно которой критиковать не вполне принято. Но тем не менее у меня есть большие тревоги по поводу образовательного процесса в Азербайджане, есть неприятные наблюдения недостаточно бережного отношения к нашей культуре, нашей истории, также я замечаю немалую апатию среди нашей молодежи. И я часто об этом говорю, открыто выступаю на разных собраниях, вплоть до заседаний ученого совета в университете, где работаю, в своих письменных обращениях среди кинематографического сообщества. Например, я уже высказывался в прессе, что негоже было уничтожать сад Насими, в результате чего сегодня великий Имадеддин Насими стоит на фоне витрин с женским бельем... Но тем не менее я не нытик и не пессимист.

Сапунов: Кто же вы?

Мир-Гасым: Я, может быть, печальный оптимист. Потому что и в прошлом веру в будущее пропагандировал и не какие-то веселые клоуны, а люди, которые заботились о судьбе народа, о судьбе, кстати говоря, молодежи. И я сам многие годы работаю с молодежью искренне и результативно. Педагогика и просветительство в жизни моего рода всегда занимали не последнее место. А еще, думаю, мне свойственны черты донора. Это не похвала в собственный адрес, это просто такой человеческий тип: есть люди, которые чувствуют себя хорошо, когда могут передать что-то другим, окружающему у миру. Я мечтаю о том, что бы численность интеллигентных, просвещенных людей в Азербайджане интенсивно возрастала.

Сапунов: Что вас тревожит?

Мир-Гасым: Слабо развита благотворительность в Азербайджане. А нужда в ней громадная. И это должно быть на уровне государственной стратегии. Мне, скажем, приходится сдерживаться, когда я вижу почти подленькое поведение отдельных людей (видите, даже сейчас я смягчил высказывание словом «почти»), когда сталкиваюсь с отсутствием культуры общения у молодежи... Но своих студентов я уже научил пропускать вперед девушек при входе в аудиторию. Вот уже достижение (*грустно улыбается*).

Сапунов: Ваша книга называется «Когда все еще были живы», и я, признаться, ожидал, что хотя бы часть ее будет посвящена воспоминаниям. Но мемуаров вы пока не написали. А ведь вам есть, о ком и о чем вспомнить. В вашем роду множество людей, которые составили золотой фонд азербайджанской культуры, науки...

Мир-Гасым: Мне часто говорят: «У тебя такой отец! (*МирАсадулла Миркасимов – первый ученый-хирург-азербайджанец, первый президент Академии наук Азербайджана, – В.С.*) Он прожил такую интересную, драматичную жизнь! Врачом на судне в Охотском море он зарабатывал на учебу в одесском

университете, он был участником двух мировых войн, знал шесть языков, был образцом во многих смыслах... Почему ты не сделаешь фильм об отце?» Но я в моих работах опираюсь на придуманное, на метафору, на символ. Даже занимаясь кинодокументалистикой, я приемами документального кино создавал воображаемый мир. Я сперва писал сценарии к каждому фильму, который после снимал абсолютно корректно с точки зрения документалиста: с крытая камера, прямая речь, отсутствие дикторского текста и метафорическое столкновение разных картинок, из которых потом возникает образ. Отцу я посвятил фильм «Колдун». И не случайно. Главный герой картины – скромный деревенский знахарь, который в сем и силами забо тится о здоровье односельчан, очень гордый, свободолюбивый человек-философ. И в относительном смысле – это портрет моего отца. Таким образом я передал чувства к своему отцу.

Сапунов: О себе вы тоже снимали?

Мир-Гасым: История фильма «Умереть отмищенным» – моя история. Я мечтал отомстить человеку, который поступил со мной безобразно. Он был сильным, был человеком, от которого зависела моя жизнь и моя работа. И когда я узнал, что он рухнул со своей позиции, я неожиданно почувствовал угрызения совести и помчался к нему, чтобы сказать, что я его прощаю. Потом мы случайно встретились, и он положил мне голову на плечо и заплакал. И я тоже не мог сдержать слез. Эту сцену я использовал в фильме.

Сапунов: И все же давайте вспомним реальных людей... Ваш двоюродный брат – сам Кара Караев! Хотя вы значительно младше его.

Мир-Гасым: Да, с его сыном Фараджем – моим племянником, я сидел в школе за одной партией.

Сапунов: Каким вы запомнили Кара Караева?

Мир-Гасым: Он обладал гигантским количеством знаний!

«КАРА КАРАЕВ ОБЛАДАЛ ГИГАНТСКИМ КОЛИЧЕСТВОМ ЗНАНИЙ!
С НИМ МОЖНО БЫЛО ГОВОРИТЬ НА ЛЮБУЮ ТЕМУ !»

С ним можно было говорить на любую тему! Причем если ему было интересно, он так увлекался, что не мог остановиться! Рассказывал о своих оригинальных наблюдениях и маленьких открытиях в какой-либо области! А еще Кара Караев был феноменально скромн... Помню, в 1970-х годах, когда после хрущевской оттепели джаз снова стали «прижимать», он – глава Союза композиторов Азербайджана – организовал в зале Союза концерт Рафика Бабаева и Вагифа Мустафазаде! И в своем вступительном слове сказал примерно следующее: «Я не считаю себя компетентным в этом виде музыки, но что-то почитал про нее, и вот что я вам могу сообщить...» После чего прочитал краткую, но блистательную лекцию о джазе!

Сапунов: А еще вашим родственником был легендарный Мир-Мовсум-ага, которого многие почитают за святого! Кем вы ему приходились?

Мир-Гасым: Сестра моего дедушки была его мамой. То есть я двоюродный племянник Мир-Мовсум-Ага.

Сапунов: Вы его помните?

Мир-Гасым: Немного. Я был совсем маленьким. Наши дачи в Шувеля нах находились рядом, и мы иногда ходили к нему в гости. Помню, как он мне клал руку на голову. А родной брат Мир-Мовсум-Аги – Мир-Кязым-Ага – совсем не был похож на него. Аристократ с эффектными усами! Он но сил галифе с крагами, французский картуз и при помощи стека правил своей двуколкой. Они с моим папой часами, бывало, беседовали на нашей даче, распивая чай с молоком под виноградным навесом.

Сапунов: А какие у вас были замечательные соседи! Вы были Знакомы с Магомаевым?

Мир-Гасым: С Муслимом? Да мы выросли вместе! Вместе ходили в музыкальную школу при консерватории, которую позже назвали именем нашего Другого соседа – Бюльбюля. Мы как-то раз – приятные воспоминания! – организовали дворовый оркестр. Я принес аккордеон, привезенный моим братом с фронта, затем другие ребята притащили какие-то барабаны, тарелки, пришел не очень ловкий кларнетист. И мы под руководством Мусл има принялись играть разную музыку. Окна открывали, музыка лилась во двор. Кто-то из соседей ворчал, но другие заступались: «Наш дом – обитель музыкантов, композиторов, поэтов, сам бог велел ребятам заниматься творчеством». Это было невероятно увлекательно, так что я забыл на время и велосипед, и футбол... А много лет спустя наш сосед, народный писатель Мирза Ибрагимов, по следам моей первой публикации (того самого рассказа «Когда все еще были живы») выпустил в газете «Литература и искусство» эссе, которое посвятил Гусейну Джавиду и «молодому писателю Октаю Мир-Касимову». Вот какое было внимание к молодежи! И какая забота о судьбе литературы, о просвещении!

Сапунов: Это была удивительная интеллигенция ушедшей эпохи... Кто такой интеллигент, по-вашему?

Мир-Гасым: Интеллигентный человек – это, прежде всего, человек, озабоченный судьбой общества, в котором он живет. Настоящим интеллигентом может стать только человек с потребностью *служения!*

Сапунов: В этом году вам исполнилось 75 лет, и к этой дате было приурочено награждение вас премией «Национальное кино». Я от души поздравляю вас с наградой! И прошу сказать, что же происходит сейчас с отечественным кинематографом?

Мир-Гасым: На одном кинофестивале я был участником круглого стола, где выступил выдающийся франко-итальянский сценарист Жан-Пьер Картье. Он сказал, что, по его наблюдениям, страна, которая теряет свой кинематограф, одновременно теряет индустриальную, социальную и культурную мощь. И привел в пример итальянский кинематограф, который когда-то был флагманом мирового кино, но после сдал свои позиции. Равно как и экономика Италии оказалась в очень невыгодном положении. Когда Картье об этом рассуждал, я вспомнил Гейдара Алиева: став руководителем Азербайджана, он сразу же проявил повышенный интерес к кинопроизводству в республике. На приобретение новой техники стали отпускатся валютные средства, пошли госзаказы, в которые, помимо средств из центрального – московского – бюджета, вливались и большие республиканские средства. В результате снимались эпические блокбастеры: «Насими», «Низами», «Бабек»... Это все детища нашего незабвенного руководителя. Очень большое внимание Гейдар Алиев оказывал кинематографу, и став президентом независимого Азербайджана, потому что он знал, что кинематограф – важнейшее, стратегическое направление в культуре! А то, что происходит сейчас (надеюсь, это, безусловно, временное, незаконное явление), очень огорчает. Как минимум, мы попусту теряем время.

Сапунов: Что же происходит?

Мир-Гасым: Кошмарное заполнение кинотеатров запредельным ужасом с точки зрения морали, вкуса, профессионализма. Происходит нечто позорное, и все это наблюдает наша молодежь в кинотеатрах.

Сапунов: Вы ходите в кино?

Мир-Гасым: Я, конечно, не хожу на такие фильмы, как зритель.

Сапунов: А как секретарь правления Союза кинематографистов Азербайджана?

Мир-Гасым: Союз лишен многих возможностей: финансовая база очень условная, нет фестиваля. Активно участвовать в решении главных вопросов мы, к сожалению, не можем... А кинотеатры в подборе репертуара исходят из того, на какие фильмы пойдет народ. Но народ же надо воспитывать, потому что он может задохнуться в невежестве, в безвкусице, в аморальности! Кинопроизводство разваливается, уходят профессионалы, деградирует актерская школа. Актеры вынуждены сниматься в отвратительных непрофессиональных сериалах-скороспелках и тех «фильмах», о которых до этого шла речь.

Сапунов: Как же заманить зрителя на качественное кино?

Мир-Гасым: Существуют методики привлечения, практикуемые во всем мире: да, пусть в «эпоху большевизма», но было бюро пропаганды киноискусства, которое выпускало журналы, брошюры, проводило лекции, конкурсы, встречи с режиссерами и актерами. Это же можно восстановить, но на новых, наших теперешних идеологических основах!

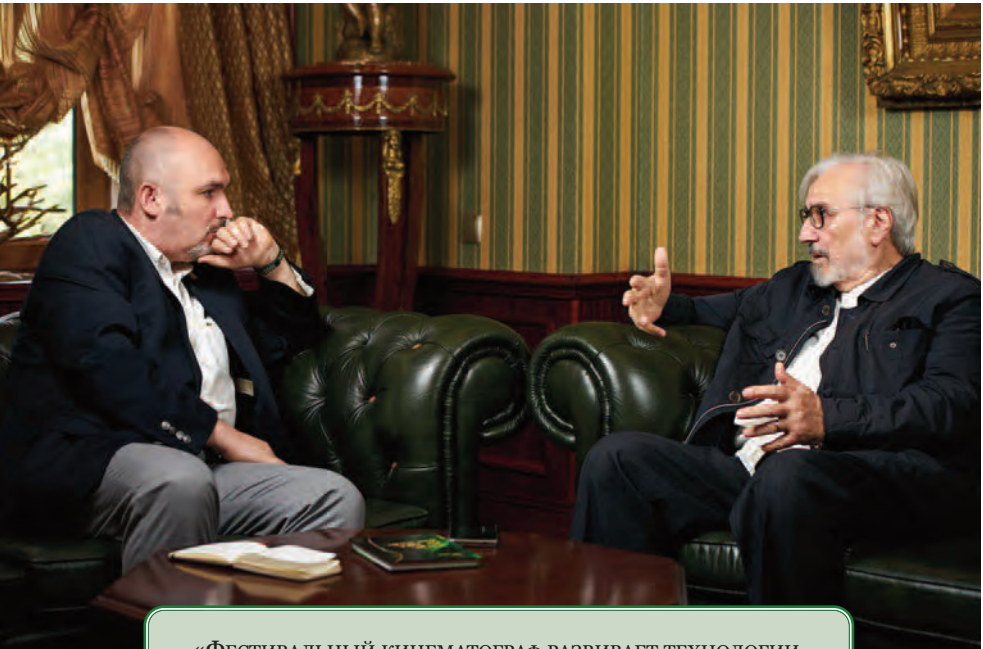
Сапунов: К кому вопрос? К Минкульту? К Союзу кинематографистов?

Мир-Гасым: Ко всем, ко всему обществу! Еще лет пять назад на средства из госбюджета делались фильмы достаточно солидные, глубокие, которые попадали на фестивали, получали призы или не получали призы, но заявляли о наличии серъ-

езного азербайджанского кинематографа. Современные скороспелки создаются на небольшие деньги и, благодаря «пикантностям» и даже буквальным непристойностям, происходящим на экране, окупают себя в прокате. Поэтому нашлись персоны, которые сформулировали «идею»: «Раз ваши фильмы, которые вы считаете профессиональными, духовными, достойными фестивальных призов, не приносят прибыль, то они и не нужны. Потому что показатель успеха – рынок!» Но ведь в мире также очень востребованы товары, которые и называть неприлично. Что ж теперь открыть двери этим непристойным продажам? Государство вкладывает средства в экологию, в образование, в социальные проекты, в охрану памятников... Наш 120-летний кинематограф тоже памятник, который нуждается в охране! Кроме того, настоящий, качественный кинематограф тоже будет приносить прибыль. Фестивальный кинематограф развивает технологии, школу, которые в последствии питают коммерческий кинематограф. Без фестивального кинематографа нет кинематографа коммерческого! А то, что сейчас происходит в кинотеатрах, – просто диверсия на пути духовного воспитания нашего населения.

Сапунов: Вы продолжаете преподавать в Институте искусств, несмотря на то, что ваши выпускники будут вынуждены пойти либо в некачественный коммерческий кинематограф, либо остаться без работы. Не напрасны ли ваши усилия?

Мир-Гасым: Если почву перестать возделывать, земля может утратить способность плодоносить. Если запустить любой процесс, потом его восстановить будет очень трудно. Поэтому я продолжаю заниматься с моими студентами, пытаюсь помочь им стать профессионалами, и защитить их тем самым от пагубного влияния дилетантов и неучей, расплодившихся в результате застоя в профессиональном азербайджанском кино... Однажды я принимал экзамен по предмету «Озвучание фильма». И увидел в аудитории абсолютно не-

«ФЕСТИВАЛЬНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ РАЗВИВАЕТ ТЕХНОЛОГИИ, ШКОЛУ, КОТОРЫЕ В ПОСЛЕДСТВИИ ПИТАЮТ КОММЕРЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ. БЕЗ ФЕСТИВАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА НЕТ КИНЕМАТОГРАФА КОММЕРЧЕСКОГО!»

знакомого студента. Выяснилось, что на занятия он не ходил, потому что был занят по работе – ставил на телевидении сериалы... Этот парень не смог ответить на самые элементарные вопросы! Как они там работают, не зная основ, я просто не понимаю!

Сапунов: У вас готовы несколько сценариев. Какой первый на очереди?

Мир-Гасым: «Синдром самурая» – это драма, связанная с карабахской тематикой... Сценарий был принят к производству еще четыре года назад, но... А пока я написал по сценарию повесть, она, Бог даст, скоро выйдет в «Литературном Азербайджане».

Сапунов: Общаясь в разное время с разными представителями нашей киноиндустрии, я пришел к выводу, что у нас

многие в киномире друг друга, мягко говоря, недолюбливают. Нет единства!

Мир-Гасым: И быть не может, потому что люди разные. Встречаются и желчные, недоброжелательные, завистливые... Есть даже преподаватели, которые без всякой причины орут на своих студентов, вредят им. А я, даже понимая, что студент несостоятелен как кинематографист, нежно умоляю, чтобы он перешел в другую профессию, потому что испытываю при этом, как правило, сочувствие.

Сапунов: Вы имеете в виду бездарных?

Мир-Гасым: Не только. Порой просто ленивых, бесхребетных, неамбициозных, равнодушных. Обладая такими качествами, невозможно стать режиссером! Режиссер – это боец, который, даже терпя неудачи, не отступает от цели, идет до конца!

Сапунов: А какое качество, свойственное вообще людям, не только студентам, вас сегодня раздражает больше всего?

Мир-Гасым: Лживость. Есть азербайджанская поговорка «Kişinin Sözü Bir Olar». Так ведь нет! Богом клянутся и врут в лицо!

Сапунов: А что хорошего появилось?

Мир-Гасым: Стали очень практичными. В каких-то ситуациях это хорошо. Но прагматизму нередко подчиняются и нормы морали, а это уже недопустимо. Потому что мораль не должна меняться в связ и с тем, выгодно ли это.

Сапунов: Поговорили о внутреннем, давайте упомянем и внешнее. Вы начали носить бороду задолго до того, как это стало трендом. Откуда «пошла» ваша борода?

Мир-Гасым: Я впервые побывал в Америке в 1982 году. Ехал туда с громадным волнением – на встречу со страной-кумиром! Нашему поколению Америка представлялась краем свободы личности, виделась неким идеальным миром, где живут

и пишут Марки Твены, О.Генри, Стейнбеки, Сэлинджеры, Хемингуэй, где под звуки нашего любимого джаза по улицам разгуливают свободные люди в красивых шляпах и с кольтами на боку и только и знают, что защищают свою честь и погранные права обиженных и оскорбленных! Шутка! *(улыбается)* Вот куда я ехал с группой советских кинематографистов: с режиссером Лиозновой, драматургом Шатровым, актером Калягиным! У нас была большая программа: посещение городов, театров, киностудий. Но я вдруг обнаружил, что все это не такое, каким я представлял!... Когда я вернулся в Баку, друзья, в ожидании восторга, спросили меня: «Ну как там США?» И я растерянно признался: «Эта Америка не по мне». Друзья были разочарованы, кто-то даже подумал, что мне запретили хвалить Америку в КГБ *(улыбается)*. И целый месяц после этого я, также разочарованный, сидел на даче, ходил лишь на море. Был в глубочайшей депрессии. И все это время не брился. А потом увидел в зеркале свою бороду. Так 36 лет назад я стал бородатым...

Сапунов: На финал я подготовил философский вопрос. Продолжите фразу «Не дай мне Бог»...

Мир-Гасым: Ох... *(задумывается)* Не дай мне Бог во имя спасения чего-либо или кого-либо быть вынужденным солгать.

2018 год

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

с Рахибом Азери

В гостях на нашем диване Рахиб Азери — Заслуженный деятель культуры и самый заслуженный радиоведущий. А еще он работает на телевидении, возглавляет пресс-службу Ичеришехер, ведет джазовые концерты и даже замечен в проведении экскурсий.

«Зеленый диван» с Рахибом Азери

2018

В ГОСТЯХ НА НАШЕМ ДИВАНЕ РАХИБ АЗЕРИ – ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И САМЫЙ ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАДИОВЕДУЩИЙ. А ЕЩЕ ОН РАБОТАЕТ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ, ВОЗГЛАВЛЯЕТ ПРЕСС-СЛУЖБУ ИЧЕРИ ШЕХЕР, ВЕДЕТ ДЖАЗОВЫЕ КОНЦЕРТЫ И ДАЖЕ ЗАМЕЧЕН В ПРОВЕДЕНИИ ЭКСКУРСИЙ.

Сапунов: Вы очень давно работаете на радио...

Азери: Да, дольше меня в Закавказье и Средней Азии никто на радио не работает. Уже 24 года.

Сапунов: Но вы же не первый...

Азери: Я второй. Раньше меня пришел Исмаил Джалилов. Сперва я вел передачи два раза в неделю, получал аж по доллару за передачу. После 20 передач получал честно заработанные 20 долларов (*улыбается*). А 9 января 1995 года я стал штатным ведущим. К тому времени был только Исмаил, но он в 1996 году ушел...

Сапунов: Разве до вас ведущих не было?

Азери: Были. Вахид Нахыш вел, Эльчин Турабов делал про-

граммы, Эльчин Ахмедов с Гюндузом Бакилы создавали передачи. Но официальными штатными ведущими стали сперва Исмаил, а затем я. Потом появились Захид Мовлазаде, Зия, Юсиф Агаев...

Сапунов: Это были удивительные 1990-е, когда никто ничего не умел, но все пробовали, экспериментировали и в итоге порой создавали замечательные вещи.

Азери: Да, сначала это было на уровне самодеятельности. Затем Вахид привез из Англии кассеты с радиопрограммами Capital FM, и мы слушали, как нужно делать наговоры, с какими интонациями вести.

Сапунов: Вы помните телеканал ВМТi?

Азери: Конечно, помню!

Сапунов: До сих пор не знаю, как эта аббревиатура расшифровывается.

Азери: А никто не знает! (*смеются*) Веселое время было. Нашим ближайшим конкурентом было радио «Сара». Мы в эфире подкалывали их, а ведущий «Сары» Анар Мадатов подшучивал над нами. Но в итоге Вахид Нахыш нам сказал, что нельзя использовать эфир в своих частных целях.

Сапунов: Увлечение джазом пришло до того? или после?

Азери: В школе я слушал диско – Boney M, Abba, Демис Русос... На выпускном вечере в 1979 году мы зажигали под последний альбом Донны Саммерс. Потом приятель поставил запись Deep Purple, и я сошел с ума от этой музыки: «Как можно такое играть?!» После рока был metal... Затем мне друг дал кассету с редкими записями Вагифа Мустафазаде, другой товарищ подарил диск Рафика Бабаева. Меня их музыка просто потрясла! Через Вагифа и Рафика я полюбил и джаз в целом, переключился на него целиком. Это были конец 1980-х, начало 1990-х годов. А ведь прежде я, заядлый рокер, думал, что джаз – музыка не для моего ума. Теперь я считаю, что джаз гораздо интересней.

Сапунов: Какое джазовое направление вы любите больше прочих?

Азери: Smooth jazz. Не авангардные виды, а мелодичные.

Сапунов: Как вы определите нынешнюю ситуацию с джазом в Азербайджане?

Азери: С одной стороны, это хорошая ситуация, потому что фортепианная школа у нас хорошо и динамично развивается. А вот другие инструменты... Сколько басистов можно назвать? Эмиль Гасанов и очень немногие другие. Барабанщиков, трубачей, саксофонистов тоже очень мало. Но надежда остается. К примеру, когда-то наш джаз-центр закрылся, а сегодня у нас уже два действующих джазовых клуба: в Ичери Шехер клуб Moon Blue, а второй открылся в здании Музея ковра. Если мы претендуем на титул джазового города, то это очень важно. Полезно, в частности, и для развития туризма. Но, конечно, мы должны стараться не только для гостей, а прежде всего для самих себя.

Сапунов: Мы с вами встречались летом в мугам-центре на Summer Jazz Days, организованных продюсерским агентством Premier Art Management. Интересный такой был мини-фестиваль.

Азери: Да, очень интересный...

Сапунов: А к нашему большому джазовому фестивалю вы уже не имеете отношения?

Азери: Уже нет, мое время было до 2015 года. Сейчас этот фестиваль, мне кажется, уже не такой громкий, каким был несколько лет назад, нет тех звезд.

Сапунов: Звезды – это прежде всего дорогое удовольствие. Сейчас сложнее их привозить.

Азери: Да, джазовые фестивали сейчас организовывать не просто и дорого. Поэтому спасибо всем, кто помогает проводить подобные мероприятия, и спасибо Назакет Касимовой,

«ПРИЯТЕЛЬ ПОСТАВИЛ ЗАПИСЬ DEEP PURPLE, И Я СОШЕЛ С УМА ОТ ЭТОЙ МУЗЫКИ: КАК МОЖНО ТАКОЕ ИГРАТЬ?!»

благодаря усилиям которой проект Summer Jazz Days был реализован.

Сапунов: Баку любят называть джазовым городом, но даже некоторые джазмены сегодня говорят, что это не так. Джаз у нас давно уже не так популярен, как когда-то. И на джазовых фестивалях, концертах, увы, часто вижу немало пустых мест в зале. А зрители – преимущественно иностранцы. Наши не слушают, вот беда.

Азери: У людей вкус изменился к худшему. Но я думаю, что усилия организаторов фестивалей, концертов рано или поздно дадут свои просветительские плоды. Слава, что разрушило Римскую империю? Бескультурие! Я думаю, что люди, наконец, устанут от того репертуара, что передают по телевидению и радио, от нашего шоу-бизнеса... И подъем непременно будет.

Сапунов: Вы продолжаете делать джазовые радиопрограммы?

Азери: Да, у меня дважды в неделю на волне 100.5FM выходит программа «AzeriJazz». И меня нередко благодарят за нее: «Спасибо, что хотя бы вы передаете хорошую музыку».

Сапунов: А на радио «Lider» вы больше не работаете? Оно ведь создавалось как джазовое радио.

Азери: Да, я там уже не работаю, все когда-нибудь заканчивается. Но радио «Lider» продолжает вещать качественную джазовую музыку. Просто в вещании уже, к сожалению, не задействованы ведущие. Только музыка.

Сапунов: Назовите, пожалуйста, трех лучших современных азербайджанских джазменов.

Азери: Джамиль Амиров, Салман Гамбаров, очень люблю Эмиля Афрасияба. Шаин Новрасли — талантливый парень, который все время ищет... Этибар Гасанли большого успеха добился во Франции, где продолжает жить и работать. Барабанщик Эмиль Баширов, саксофонист Заур Мирзоев. Тима Сулейманбейли не типичный джазовый музыкант, но делает отличные джазовые композиции. У нас много талантов, много перспективных ребят. Трех назвать было бы несправедливо.

Сапунов: Какие вы можете выделить этапы в истории азербайджанского джаза? Если коротко.

Азери: 1930-е годы – начальный этап. А в 1941 году уже был создан Государственный джазовый оркестр. 1950-е годы – после смерти Сталина, период возрождения. 1960-е годы – были чудесным периодом для всего: азербайджанского кино, театра, для музыки. Настоящая оттепель! А с 1967 года начали проводиться джазовые фестивали в Баку. Это был пик!.. И надо быть откровенным, новый подъем пришелся на середину 2000-х, когда возобновились джазовые фестивали, когда в Баку стали приезжать выдающиеся мировые исполнители. Никогда не забуду концерты Джорджа Бенсона во Дворце Гейдара Алиева, Чика Корея, Джона Маклафлина – в Филармонии!

Сапунов: Как вы оказались главой пресс-службы заповедника «Ичеришехер»? Бывший диджей, энергетик, руководитель лифтовой службы, теле- и радиоведущий (*Рахиб Азери хохочет*) И вдруг чиновник.

Азери: Чиновник – это громко сказано, у меня свободный график... В марте 2009 года меня пригласили на программу «Что? Где? Когда?» – дай бог здоровья Балашу Касумову! – и там я познакомился с Михаилом Джаббаровым, которого тогда только-только назначили на должность руководителя «Ичеришехер». Побеседовали и разошлись. А через пару дней позвонил Балаш и спросил: «Как бы ты посмотрел на работу в пресс-службе? Михаил-муаллим хочет с тобой поговорить». Мы снова встретились с Михаилом Джаббаровым, все обсудили. Я взял день на размышления, но сразу понял, что мне это предложение интересно. Так с 1 мая 2009 года я стал пресс-секретарем.

Сапунов: Какой вопрос чаще всего задают пресс-службе «Ичеришехер»?

Азери: Слава, к сожалению, наши журналисты ходят шаблонными путями. Например, на Новруз звонят и спрашивают, можно ли поснимать туристов. Неужели кроме туристов в Крепости снимать нечего?! Буквально перед нашей с вами встречей снова позвонили и спросили.

Сапунов: А больше ничего не интересует?

Азери: Редко. Недавно открытие древней бани на территории бывшей комендатуры вызвало некий интерес. На неделю, а потом тишина. Банальные вопросы: а когда поставят ёлку? а какие мероприятия планируются? Вот и все.

Сапунов: Как вы сейчас определите ситуацию в Крепости? Это развитие, консервация, может, что-то еще?

Азери: «Ичеришехер» – это место, где никогда не заканчивается работа! У нас постоянно проводятся мероприятия, в том числе и научные, семинары. Реставрируется баня, о кото-

рой я упомянул, восстанавливается Дворец бакинских ханов, продолжаются работы по туристическому благоустройству. Заново будут построены популярнейшие ресторанчики «Мангал» и другие возле крепостной стены. Словом, очень много и дел, и планов.

Сапунов: Что для вас самая интересная загадка старого Баку?

Азери: Подземные ходы древнего города! Это самая неисследованная область. А ведь под Баку была целая сеть лазов и проходов. Например, при реставрации четырехугольной башни – донжона – был найден такой проход. Наш ученый Кямилль Ибрагимов спускался туда и смог пробраться до некоторых пор. Подземная дорога была и в Губернаторском садике, прямо под фонтаном... Когда я был школьником, на моих глазах возле Сальянских ворот обрушилась часть стены и открылся большой проход, который после замуровали. Когда мы снимали телепрограмму про дом культуры имени Шахрияра, нам рассказывали о ходе, уходящем оттуда, из подземелий бывшего польского костела, чуть ли не до Музыкального театра. Но эти ходы в целях безопасности заперты и находятся под контролем МНБ... Я думаю, что подземные ходы Азербайджана не исследованы даже на 30%... Хотелось бы про это знать больше, особенно про Баку.

Сапунов: Мне очень приятно общаться с людьми, которые подобно вам, влюблены в мой родной город Баку. Но таковы, к сожалению, далеко не все. Как взращивать, как культивировать любовь, уважительное отношение к нашему с вами городу?

Азери: Наверняка виной отсутствие пропаганды каких-то страниц истории, отсутствие просветительских акций в необходимых масштабах... И вовсе не обязательно для того, чтобы стать настоящим бакинцем, родиться в Баку. Узеир Гаджибеков родился в Агджабеди, но как он любил Баку! А Алиш Лемберанский? Я не знаю другого такого человека, ко-

торый бы так заботился о Баку!.. Для начала много не прошу: хотя бы не мусорили на улицах! Как может человек, любящий свою землю, засорять ее?! Что-то произошло с людьми. Наверно, надо говорить не про музыкантов, а про такие вещи, чтобы люди поняли, на какой земле они живут!

Сапунов: Несколько лет назад у вас случился инфаркт. Что изменилось после этого? Как вы стали относиться к жизни?

Азери: Думаю, я стал ближе к Богу. И прежде мне мой друг Денис Майоров – он настоящий мусульманин! – говорил: «Ты о чем думаешь? Ты в рай вообще попасть хочешь?» А после этого случая он спросил: «Ты понимаешь, что тебе дан еще один шанс?» Не скажу, что, начав молиться, я стал кардинально другим. Но тем не менее в чем-то я изменился. Стал больше прощать, стал рассудительней, спокойней, даже разумней. Телеэфир приучает носить маску, а я стараюсь быть самим собой. Общество тоже иногда заставляет тебя становиться частью серой массы, но этого нужно избегать. Надеюсь, у меня получается.

Сапунов: Трудно идти против общества?

Азери: Трудно, но возможно. А иногда и необходимо. В Святой книге дорога указана. Нужно отличать людей от плохих, умных от глупых и развиваться самому.

Сапунов: Ваш экранный образ не отделим от головных уборов... Сколько у вас тубетеек и шляп?

Азери: (смеется) Тубетеек-арахчынов – 16. Бейсболок – около 10. Три шляпы. В Гданьске купил фуражку... А этот кепончик последнее приобретение. Так что дома полно шапок (улыбается). А еще я люблю часы.

ЗЕЛЕНЬИЙ ДИВАН

с...

Фаридом Новрузи

У НАС В ГОСТЯХ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ТРУДНО
ОПИСАТЬ ЛАКОНИЧНО — СТОЛЬКО У НЕГО В ЖИЗНИ
ВСЕГО. ФАРИД НОВРУЗИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ,
АЛЬБНИСТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, АРХИТЕКТОР И
МНОГОЕ, МНОГОЕ ДРУГОЕ.

«Зеленый диван» с Фаридом Новрузи

2020

У НАС В ГОСТЯХ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ТРУДНО ОПИСАТЬ ЛАКОНИЧНО – СТОЛЬКО У НЕГО В ЖИЗНИ ВСЕГО. ФАРИД НОВРУЗИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, АЛЬПИНИСТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, АРХИТЕКТОР И МНОГОЕ, МНОГО ДРУГОЕ.

Сапунов: Я полистал интернет и обнаружил не только, что у нас в Фейсбуке 400 общих друзей, но и множество ваших титулов. Давайте выясним, что правда, а что неправда. Вы президент компании Novco, председатель Федерации пляжного футбола...

Новрузи: Это правда.

Сапунов: Вы региональный координатор по Евразии Сети молодых предпринимателей стран ОИС...

Новрузи: Уже нет.

Сапунов: ...Председатель социально-экономической комиссии при Союзе архитекторов Азербайджана...

Новрузи: Было. В прошлом.

Сапунов: А также путешественник, альпинист, блогер.

Новрузи: Блогер – сильно сказано. Просто делюсь своими впечатлениями.

Сапунов: Что-то еще?

Новрузи: Еще отец семерых детей. Самая большая должность.

Сапунов: Ого! На что вы тратите больше всего времени?

Новрузи: Больше всего – на свою компанию. А летом – и на пляжный футбол ... Но я свое время очень тщательно планирую. Поэтому все дела завершаю к 18:00, а потом домой – к семье, к детям.

Сапунов: Но вы еще и путешествуете. Сколько дней в году вас здесь не бывает?

Новрузи: В среднем три месяца. Правда, собираюсь в кругосветное путешествие, а это полгода. Но ведь такое бывает лишь раз (*смеется*).

Сапунов: Путешествия, ритейл... А по профессии вы вообще архитектор.

Новрузи: Да, я с детства мечтал быть архитектором. Мой отец – Алибек Новрузи – известный архитектор, даже был Генеральным секретарем Союза Архитекторов. Очень часто я после школы ходил к нему на работу – учился черчению, проектированию и другим премудростям.

Сапунов: Что построил ваш отец?

Новрузи: Несмотря на его высокую должность (а он в частности долгое время был и главным архитектором Сумгаита), далеко не все проекты моего отца были реализованы в советское время. Но были построены дома на проспекте Ленина (сейчас Азадлыг), школа, здания Altes Group и другие. Все его дети: я, мой брат и сестра – стали архитекторами.

Сапунов: Как же вы – студент инженерно-строительного института – оказались в бутике Benetton?

Новрузи: Меня пригласили туда знакомые девушки, которые его только открывали. Мне, как будущему архитектору, было интересно устройство магазина. Пошел и остался. Зарплата 80 долларов за полставки продавца в 1990-е годы была неплохим подспорьем к стипендии. Продолжая учебу, я ездил с палаткой по Азербайджану. Потом устроился в сингапурскую компанию. Потом искал счастья в Стамбуле. Там закупил первую партию одежды – так и начался мой собственный бизнес.

Сапунов: Можно ли сказать, что тот самый первый бутик Benetton стал вашим вторым образованием после архитектуры?

Новрузи: С точки зрения практики – да. Но теорию я прошел в Западном университете, закончив магистратуру по международному бизнесу.

Сапунов: Сейчас у вас целая империя.

Новрузи: Не сказал бы, что империя. Всего лишь сеть из 63 торговых объектов в четырех странах мира.

Сапунов: Помогло ли вам архитектурное образование?

Новрузи: Да, архитекторам свойственно видеть вещи до того, как они будут созданы. Это очень важно и для построения бизнеса. Сперва я всё представляю, потом это отражается на бумаге, в компьютере.

Сапунов: Что бы вы назвали важнейшей заповедью владельца крупного бизнеса? Для Азербайджана ваша компания, безусловно, большая.

Новрузи: Бизнесмену жизненно необходимо беречь репутацию, держать свое слово во что бы то ни стало. Этого принципа придерживаются, увы, далеко не все. Это порой тяжело, но это нужно. Это приносит настоящие дивиденды, это путь к долгосрочным инвестициям, и это очень ценят настоящие, мудрые партнеры. Я, к примеру, 15 лет дружу и сотрудничаю

«БИЗНЕСМЕНУ ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМО БЕРЕЧЬ РЕПУТАЦИЮ, ДЕРЖАТЬ СВОЕ СЛОВО ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО. ЭТОГО ПРИНЦИПА ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ, УВЫ, ДАЛЕКО НЕ ВСЕ»

с Лучано Бенеттоном. Ему уже 84 года, но он по-прежнему у руля компании. Он мне доверяет открывать магазины в сложных регионах. В 2004 году мы открыли для него магазин в Тегеране – один из первых бутиков мирового бренда. В 2007 году мы открыли Benetton в Махачкале. И вот на днях Лучано попросил меня открыть магазин в Северном Кипре.

Сапунов: Как же он доверился вам – молодому и начинающему из малознакомой ему страны?

Новрузи: Это все было не сразу. Однажды в мировой сети Benetton управление нашим регионом перешло от Турции к России. И российские менеджеры отказались от услуг моей компании. Я решил это дело так не оставлять. И начал писать письма самому Бенеттону. Бумажные. На десятое письмо синьор Бенеттон все-таки ответил. Он сказал, что не может

нарушить обязательства, взятые партнерами из России, но может предложить мне другой бренд – Sisley, Наш бутик Sisley в итоге обогнал по продажам бакинский Venetton, что было невообразимо для мировой практики. Обычно продажи были 1 к 2. В 2004 году Лучано пригласил меня в Италию.

Сапунов: Где у них штаб-квартира?

Новрузи: Недалеко от Венеции есть городок Тревизо, а недалеко от Тревизо есть деревушка Понзано. Вот у Venetton там главное предприятие – офис, фабрики... Там мы и встретились.

Сапунов: Это итальянское чудо, на мой взгляд, когда крупные корпорации могут находиться в провинциальных деревушках. Представьте, что у вас главный офис где-нибудь в деревне Сарыбаш... Но поговорим о наших реалиях. Вы свыше 20 лет на рынке. Каковы, по вашему мнению, главные риски для бизнесмена в Азербайджане?

Новрузи: Конечно, за 20 лет многое изменилось: чиновники, системы. Мне кажется, что сейчас, после кризиса 2015 года, наиболее благоприятное время для бизнеса из всех. Главные риски: правильно выбрать свою сферу, свой товар, собрать правильную команду, и грамотно представить товар потребителю. Если не будет с этим всем ошибок, то все получится.

Сапунов: То есть после кризиса стало лучше? Кризис вам помог?

Новрузи: Да, мы слишком расслабленно вели бизнес, могли держать убыточные проекты – до лучших времен. А это неправильно. Но в 1999 году мы открыли магазин площадью 25 м², а сейчас наши торговые площади доходят до 6000 м². Значит, мы идем правильным путем.

Сапунов: Что бы вы назвали главным мифом об азербайджанском бизнесе?

Новрузи: То, что обязательно нужна крыша, спина и так далее. Это далеко не так. И я знаю множество примеров. Много ребят начинали, как и я, бизнес в 90-е. Сегодня это вполне успешные предприниматели. Всем знакомы сеть кондитерских Azza, магазины подарков Gallery, магазины World Telecom – за их основателями никак чиновных дядьев, никаких высокопоставленных крыш. Они все сделали сами. Просто почему-то очень редко рассказывают о том, как работают.

Сапунов: Казалось бы, если честно работают, чего бояться?

Новрузи: Раньше были предрассудки – будешь выпячиваться – придет налоговая (*смеется*). Все это было очень раздуто. А сейчас вообще очень благоприятные условия.

Сапунов: Как у вас с кадрами?

Новрузи: Это очень важный момент. Я в свое время даже пригласил знакомого специалиста из Турции, чтобы он наладил мне работу коллектива.

Сапунов: За что увольняете?

Новрузи: Как правило, по двум причинам: за непрофессионализм и, к сожалению, за воровство.

Сапунов: Воруют часто?

Новрузи: Нет, но случается. Был один кадр, который придумал ловкую мошенническую схему со скидочными карточками. Мы его сперва уволили, а затем вернули – чтобы он разгадывал и предотвращал возможные махинации (*смеется*).

Сапунов: А вас самого за что уволили из Benetton?

Новрузи: Тут повлиял менталитет. Клиенты жаловались, что их жён обслуживает парень. Руководство извинилось, но сказала, что им предпочтительней продавец-консультант девушка.

Сапунов: Сейчас такой дискриминации нет. Бородатые парни в женском магазине вполне обычны.

Новрузи: И даже продают больше! (*смеется*)

Сапунов: Что вы делаете, если сотрудники ошибаются?

Новрузи: Наверно, это наш большой плюс – в том, что все имеют право на ошибку. Работники, зная, что в случае неудачи им «не дадут по башке» могут экспериментировать, идти на смелые шаги. Это тоже двигает компанию. И приносит еще больше прибыли.

Сапунов: А сами вы признаете свои ошибки? У нас есть, увы, такая ментальная особенность, когда руководители готовы переложить свою вину на кого угодно, но не признать ошибку.

Новрузи: Конечно, я ошибаюсь. И я стану меньше уважать сотрудника, который мне просто бездумно поддакивает. Я должен доверять самостоятельному мышлению членов коллектива. Вот недавно приезжали представители партнеров для обсуждения нового направления. Нужно было решать: да или нет. Они спроси ли: «А где ваш руководитель?» – «Он в Антарктиде и связаться с ним мы не можем» – «Как же быть?» – «Как-как? Будем решать сами, будем голосовать – как решит большинство!»

Сапунов: Демократия в неожиданном месте!

Новрузи: Да! Иногда даже я не могу провести новую идею, когда наша команда голосует против ... Порой приходится лоббировать, уговаривая подчиненных по одному (*смеется*).

Сапунов: Да, важно, что есть люди, на которых можно положиться.

Новрузи: Разумеется, если бы я не делегировал полномочия, то разве я смог бы столько путешествовать?

Сапунов: Что страшнее: сорваться со скалы или потерять бизнес?

Новрузи: Сорваться со скалы. Это куда болезненней.

Сапунов: Когда вам последний раз страшно за свою жизнь?

Новрузи: *(задумывается)* Надеюсь, моя мама не прочитает... Это было на Казбеке. Мы шли по свежему снегу, покрывшему трещины. И в одну из них я провалился, неглубоко, но неприятно. Мы шли в связке и это спасло. А во время спуска всю гору заволокло облаками, пошел сильный снег, мы чуть не заблудились.

Сапунов: Как может отец семерых детей так рисковать?

Новрузи: На самом деле риск умеренный и продуманный. В конце концов мы рискуем каждый день, просто переходя улицу. А в горы я иду всегда с профессиональным проводником. Не раз мне приходилось отменять восхождение, когда я был не уверен в своем гиде. Например, в Мексике мне предложили гида, который, возможно, и был профессионалом, но это был худенький парнишка и мне показалось, что в случае опасности он просто меня не удержит. Поэтому мы отложили восхождение.

Сапунов: Помнится, вы однажды ног у в офисе повредили.

Новрузи: *(смеется)* Представляете?! Я забирался на 25 гор – и ничего. А в офисе на лестнице так подвернул ногу, что на год вышел из строя!

Сапунов: Какая у вас была самая сложная вершина?

Новрузи: Я поднимался на горы с категорией сложности 2Б *(Существует шесть категорий сложности для походов и для локальных препятствий – перевалов и вершин. Походы классифицируются от 1-й до 6-й категории сложности, а для локальных препятствий введены такие градации: 1А, 1Б, 3А, 3Б, 3А, 3Б).* Самой сложной вершиной в моей практике можно назвать Уайна Потоси – гору в Боливии, высотой 6088 метров. У нее очень интересный гребень – 150 метров, а с обеих сторон километровая пропасть.

Сапунов: Красивый вид открывался?

Новрузи: В этот момент лучше не смотреть по сторонам, а следить за «кошками», чтобы не перепутались, и идти четко по следам проводника.

Сапунов: Мечтаете об Эвересте?

Новрузи: Конечно! Если смогу убедить маму, то через два года отправлюсь.

Сапунов: Что чувствуете на вершине?

Новрузи: Если вы вообразите самые разные виды радости – от согласия любимой девушки, от поступления сына в институт, от внезапной премии на работе и так далее – так на вершине они объединяются в одно невероятное чувство счастья. Ты смотришь с высоты на потрясающую панораму и ощущаешь сильнейшую эйфорию. Ты понимаешь, что гора – живая и наполняешься ее энергетикой. Поэтому-то люди идут от одной вершины к другой. Никто, поднявшись раз, не останавливался на этом.

Сапунов: А что делаете на вершине?

Новрузи: Разворачиваю флаг Азербайджана, фотографируюсь, иногда оставляю записку в бутылке, чтобы осталось доказательство.

Сапунов: Какое путешествие разделило вашу жизнь на до и после?

Новрузи: Наверно, поездка в Перу и Эквадор – одно из первых моих настоящих путешествий. Тогда я взял за правило: в каждой стране стараться забраться на вершину, увидеть природное чудо этого региона и увидеть главную рукотворную достопримечательность, чего бы то это ни стоило. Так, из Лимы нужно было ехать семь часов до изображений Наска.

Сапунов: Их видно с земли?

Новрузи: Только как траншеи. Чтобы полюбоваться понастоящему, необходимо взлететь на самолете. Разве что самый

«МНЕ НРАВЯТСЯ ГОРОДА, ГДЕ ЕСТЬ РЕКА. ДАЖЕ В ДУБАЕ, ГДЕ РЕК ОТРОДЯСЬ НЕ БЫЛО, ВЫРЫЛИ ШИРОКИЙ КАНАЛ»

маленький рисунок плато Наска можно рассмотреть, если взобраться на специально построенную вышку.

Сапунов: Куда не хочется вернуться?

Новрузи: На Мадагаскар. Страна очень интересная, но плохо развитая, много неудобств, длительные переезды по бездорожью сильно утомляют. Так что одного раза было достаточно.

Сапунов: Как готовитесь к кругосветке?

Новрузи: Прежде всего оформляю визы. Очень неудобно иметь лишь один паспорт. Когда он уходит в какое-то посольство, порой на месяц, я не могу никуда выехать. Вот в Украине можно официально иметь два паспорта. Это хорошая практика.

Сапунов: Мне доводилось летать в Европу, кажется, во Францию, с двумя паспортами: один был действующим, а в другом, старом, с вырезанной фотографией, была шенгенская виза.

Новрузи: А меня однажды из-за такого же сочетания депортировали из Латвии.

Сапунов: Вы в одиночку пойдете в кругосветку?

Новрузи: Да, в основном буду один. На одном участке ко мне присоединится супруга. В какие-то точки будут подъезжать друзья – повидаться ...

Сапунов: Стартуете из Колумбии? Почему?

Новрузи: Потому что я стартую в феврале, когда в Колумбии лето. И доберусь до Европы в апреле-мае, когда там тоже будет тепло. В Баку попаду тоже – как турист *(улыбается)*.

Сапунов: Вы же еще и архитектурой занимаетесь?

Новрузи: Только для себя, для компании, когда, скажем, нужно спроектировать какой-то магазин. Но я думаю вернуться в профессию.

Сапунов: Когда?

Новрузи: *(улыбается)* Не знаю, когда ничего интересного в мире не останется... Но действительно тянет. Архитектор во мне живет, профессия – в генах. И когда я вижу, что в городе не так, что построено в Баку неудачно – переживаю. Например, когда спускаешься по проспекту Гейдара Алиева, ниже Центра Гейдара Алиева, видишь большой дом, покрытый алкопаном, который перекрывает весь вид на город. Ну нельзя же так! В Стамбуле как-то построили высотки, километрах в десяти от центра. Но все равно, по мнению стамбульцев, они испортили силуэт города, поэтому там ведутся дебаты о том, чтобы снести несколько верхних этажей этих новостроек. У нас сейчас, выдавая разрешение на строительство, стали учитывать этажность. Но столько всего уже построено с начала 2000-х. Зато центр стали реставрировать. Очень красиво смотрятся оставшиеся улочки!

Сапунов: Какие новые дома в центре вам нравятся, а какие вы считаете уродливыми?

Новрузи: На месте гостиницы «Южная» строится отель, он неплохо вписывается в окружающие постройки. Four Seasons Ваки хорошо смотрится. Очень портят вид города здания, покрытые алкопаном, это не свойственно Баку. Очень не нравятся высокие здания, построенные у площади Фонтанов рядом с межбанком. Очень некрасивый дом возле парка Насими, сочетающий аглай с алкопаном, плохая па-

родия на дом «Бузовнынефть». А на улице Физули дом с огромными куполами и колоннами просто непропорционален и далек от любого понятия о гармонии.

Сапунов: Какие нравятся?

Новрузи: Нравятся работы Наримана Имамалиева. Например, Chirag Plaza на Тбилисском проспекте.

Сапунов: Что бы вы привнесли в наш город из тех стран, где вы побывали?

Новрузи: Я понимаю, что это прозвучит странно, но мне нравятся города, где есть река. Даже в Дубае, где рек отродясь не было, вырыли широкий канал. У нас тоже можно было бы чуть в стороне создать сеть каналов, с домами по берегам, это было бы очень эффектно. А еще между Aquatic Center и клубом Enerji, где есть старое водное пространство, я бы предложил построить пешеходный мост вроде моста Мира в Тбилиси (*архитектор Микеле де Луки. – В.С.*) и поручил бы это Сантьяго Калатраве. Мост от Калатравы стал бы еще одной жемчужин Баку. А рядом бы разместил яхт-клуб.

Сапунов: А куда посоветуете отправиться путешествовать?

Новрузи: Для начала хотя бы по родной стране. В 2012 году мы с Фаиком Гурбатовым обнаружили на карте Азербайджана небольшое черное пятно. Что это? Озеро? Какое? И решили его исследовать. Доехали до села Талыстан. И действительно, местные жители сказали, что в горах есть озеро Гара Нохур. Мы с проводником буквально прорубали топором тропу. И, наконец увидели восхитительное озеро, которое я называю вторым Гёй-гёлем. А сейчас туда Министерство экологии проложило маршруты, каждый желающий может сравнительно легко добраться до этого озера. Мы в свое время прошли немало пешком по Азербайджану: например, из Шемахи в Губу, из Губы в Кусары, из Кусаров в Габалу, дальше были Исмаиллы и снова Шемаха. Сейчас подобные походы

стали практиковать и другие люди. Им это нравится, но массовости пока нет.

Сапунов: Может, и не нужна массовость? Зачем нам толпа на тропе?

Новрузи: Если «толпа» любит и ценит природу – то пусть она будет. Я недавно был в итальянских Доломитах. Сколько там поклонников пешего туризма! Молодые или пенсионеры 60-70-х лет берут трекинговые палочки и в горы! Они считают это лучшим отдыхом. А в ресторан – только вечером! Это достойный образ жизни, он серьезно влияет на ее качество! В походе, при восхождении меняется сознание людей. Я говорю даже, что «в горах нет плохих людей». Даже плохого человека поход в команде и природа вокруг меняют. В этом мне приходилось убеждаться не раз.

2020 год

Постскрипtum

2023

За последние годы немало произошло и немало изменилось в жизни наших героев.

Балаш Касумов возглавил Общественное телевидение Азербайджана.

Мурад Дадашов возглавил телеканал «Хазар»

Рахман Гаджиев возглавил Фонд Возрождения Карабаха.

Саадат Кадырова теперь директор павильона «Азербайджан» на московской ВДНХ.

А Нахид Багиров руководит целым Исмаиллинским районом.

Нигяр Кочарли вышла замуж за главу издательства Qanun Шахбаза Худуоглу и вместе они инициировали большое количество замечательных просветительских проектов.

Нигяр Арпадарай стала депутатом азербайджанского парламента – Милли Меджлиса.

Михаил Дегтярь стал успешным продюсером художественных фильмов.

Бахрам Багирзаде издал свыше сотни книг для детей.

Азер Гариб основал Ассоциацию трaвел-блогеров Азербай-

джана. Вместе с ним мы посетили Дубай, Катар, Турцию, Словению, Шотландию, Швейцарию, Францию, Россию.

Айнур Мамедова теперь работает в Кувейте.

Санан Алескеров переехал из столицы в горную деревушку Киш.

Эльнур Баимов переехал в США.

Кенан Мамедов переехал в Канаду.

А вот **Фуад Ахундов**, наоборот, все больше времени проводит в Азербайджане, заезжая в Канаду лишь «на отдых».

Рашид Мехтиев на центральной площади села Агалы, в освобожденном от оккупации Зангиланском районе, создал памятник-фонтан «Голуби».

Фарид Новрузи в самую пандемию все-таки совершил кругосветное путешествие и написал об этом книгу.

Надежда Исмаилова оставила телевидение и пишет мемуары.

К сожалению, наша «Плеяда Зеленых диванов» понесла и первую утрату. В 2022 году ушла из жизни прекрасная и всеми любимая **Рухангиз Касумова**.

2023 год

